Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

**«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Липецкий филиал

МИР И РОССИЯ
В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

МАТЕРИАЛЫ XXIII ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЧНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Том 2

Секция 2

Формирование личности в условиях новой реальности: цели, ценности, методы

23 апреля 2026 г. (г. Липецк)

Воронеж • 2026

УДК 304.4(06)
ББК 60.028я431
М63

Рецензент:
Шурупова Ольга Сергеевна, профессор кафедры английского языка ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, д-р филол. наук, доцент

Мир и Россия в условиях новой реальности: материалы XXIII Всероссийской очной студенческой научно-практической конференции (Липецк, 23 апреля 2026 г.): в 6-ти т. Т. 2. Секция 2. Формирование личности в условиях новой реальности: цели, ценности, методы / под общ. ред. Е.В. Чудиновой. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2026. – 132 с.

Материалы сборника научных трудов участников XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Мир и Россия в условиях новой реальности», состоявшейся 23 апреля 2026 г. в г. Липецк, посвящены рассмотрению проблем, особенностей и тенденций трансформаций в развитии различных сфер экономики и общества. В сборнике представлены исследования студентов и магистрантов из России

Сборник предназначен для широкого круга читателей: ученых, специалистов-практиков, аспирантов, студентов.

Опубликованные материалы представлены в авторской редакции.

УДК 304.4(06)
ББК 60.028я431

© Коллектив авторов, 2026
© Липецкий филиал РАНХиГС, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Антонова А.А., Душкина Д.К.
Взгляд в будущее: чего ждёт и чего боится молодая Россия в вопросах демографии 6

Афетулова Л.В., Скопинцева А.Ю.
Проблема определения типа конфликта в деятельности конфликт-менеджера 12

Баева М.М.
Роль молодежи в реализации политики народосбережения: управленческие технологии вовлечения (опыт Волгоградской области)..... 16

Беляева С.А.
Профессиональные компетенции государственного служащего как фактор оптимизации взаимодействия личности, общества и государства 21

Берлов В.Ю.
Осторожно, заголовок! Манипулятивный потенциал заголовка медийного текста 24

Глазкова Е.А.
Роль образовательной среды в развитии успешности детей младшего школьного возраста 29

Гопп У.А.
Формирование эмоциональной регуляции и стрессоустойчивости у подростков средствами плавания: цели и ценности спортивной деятельности 34

Грачева О.С.
Пути развития собственной мотивации руководителя 39

Грачева О.С., Шаповалова И.Б.
Специфика управления развитием персонала металлургического комбината 41

Данилина А.А.
Воздействие изучения английского языка на когнитивные способности человека: механизмы и результаты 45

Джуматова А.А.
Патриотизм и гражданственность как ценностные ориентиры личности в современной России 50

Дьяков Н.С.
Базовые правила создания цифровой репутации 53

Ефанова А.С.
Уровень владения иностранным языком как фактор повышения уверенности в себе ... 58

Загоскина К.К.
Процессы идентификации личности в условиях смены парадигмы ... 61

Кривоносова Д.О., Бровкина А.В.
Проблема измерения реального потенциала конфликтующих сторон ... 67

Кузнецов В.А.
Трансформация конфликта и динамика конфликта: сходство и отличие ... 71

Кузнецова К.И., Чёрная М.А.
Проблема формирования конфликтологической компетентности менеджера ... 77

Кулыгина У.А.
Как педагог на протяжении всей школьной жизни влияет на формирование личности? ... 80

Мазурова Д.М.
Сохранение семьи в условиях социокультурных трансформаций: роль традиционных ценностей ... 84

Майорова Д.А.
Стокгольмский синдром: механизм привязанности к агрессору ... 87

Мацерук В.В.
Субстандартная (обсценная) лексика в общении студенческой молодёжи: результаты социологического исследования ... 90

Медведева М.Ю., Плешакова В.А.
Временная перспектива и руминация как факторы формирования личности студентов в условиях новой реальности ... 95

Паршенцева А.А.
Нарциссическое расстройство личности: современный взгляд на проблему формирования личности ... 100

Пасечников А.О.
Формирование личностного мышления и способность к нравственному анализу в условиях цифровой реальности ... 103

Пахомов Р.Р.
Трансформация ценностных ориентиров молодёжи в эпоху геополитических изменений ... 106

Поляков М.А.
Создание и управлениеавторской компьютерной игрой в условиях новой реальности.....111
Пономаренко К.А.
Формирование личности работника в конфликтах..... 114
Сарычева А.В.
Преодоление обезличенности сгенерированного текста путем эффективного составления запросов 118
Фролова А.А., Тихтурова А.А.
Роль социальных стереотипов в формировании восприятия личности в современном обществе..... 123
Чугай П.А.
Цели и ценности современной личности: от стабильности к гибкости в условиях новой реальности 128

Антонова А.А., Душкина Д.К., студенты
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель - Чурсина Ю.Е., канд. филол. наук

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ: ЧЕГО ЖДЁТ И ЧЕГО БОИТСЯ МОЛОДАЯ РОССИЯ В ВОПРОСАХ ДЕМОГРАФИИ

Аннотация

Цель исследования — объективно описать мнения и предпочтения молодёжи, выявить ценности, факторы и барьеры, влияющие на намерение создать семью, без субъективных оценок. Особое внимание уделено восприятию ролей партнёров и родителей, ожидаемой социальной поддержке и доступности институтов помощи. Опросы и интервью позволяют сопоставить официальную статистику и субъективные установки для разработки адресных мер поддержки молодых семей.

Ключевые слова: молодёжь, демография, семья, современное поколение, позиция молодёжи в современной России.

В последние годы в России, как и во многих странах по всему миру, мы можем наблюдать перестройку традиционного семейного уклада среди молодёжи и изменение отношения общества к этим трансформациям, что влияет на общее общественное настроение. В данном исследовании анализируются взгляды молодого поколения на современное понимание семьи, родительства и брака. Также оценивается, насколько результативны меры государства по поддержке семей и стимулированию рождаемости. Чтобы целостно рассмотреть исследуемую проблему, для начала определим понятие «молодёжь»: рассмотрим характеристики этого термина в мировом контексте и затем перейдём к более узкому определению молодёжи в России.

Молодёжь — это особая социально-возрастная группа, отличающаяся возрастными рамками и своим статусом в обществе: переходом от детства к социальной ответственности. В разных системах возрастной периодизации эта группа может соответствовать юности либо юности и (частично) подростковому возрасту и/или начальному периоду взрослого возраста.

В качестве основных признаков молодежи можно выделить следующие:

- экономическая независимость, то есть ответственность за получение средств, необходимых для собственного существования, и способность создавать их;

- личная самостоятельность, то есть способность принимать решения, касающиеся себя, без чужой опеки;

- формирование идентичности, осознание себя, как отдельной ото всех личности, со своим мнением о самых важных вопросах жизни.

Если рассматривать термин «молодёжь» в России, то можно сказать следующее: «Молодежь, молодые граждане — социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации». (Федеральный закон от 30 декабря 2020 года №489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации»).

Несмотря на фиксируемые социологами метаморфозы семейных устоев, институт семьи сохраняет высокую значимость для большинства молодых россиян. Однако само понятие «семья» обретает новые значения: на сегодняшний день это не столько экономическая необходимость, дань традиции или бытовой союз, сколько сознательные отношения двух людей, основанные на эмоциональной близости, партнерстве и поддержке.

Надежды молодого поколения во многом связаны с возможностью совмещать родительство с карьерой, собственным ростом как личности и развитием навыков. От государства ожидают не просто финансовых выплат, а создания целостной экосистемы социальной поддержки: доступного жилья, качественной и легкодоступной медицины, гибких форм занятости для родителей с детьми, развития дошкольной инфраструктуры.

Описанные выше гипотезы требуют подтверждения на практике. Совпадают ли представления о трансформации семьи в современном мире с реальными установками молодежи? Обратимся к результатам проведенного опроса, чтобы убедиться в своих доводах, основываясь на мнениях респондентов.

В период с 12 ноября по 5 декабря 2025 года мы провели онлайн-опрос среди 150 респондентов в возрасте от 14 до 35 лет. Целью опроса являлось выявление ожиданий и опасений молодого поколения относительно создания семьи, а также оценка мер поддержки государства в демографическом вопросе. На основе опроса мы смогли выявить следующие положения:

1. Желаемый возраст создания семьи. Большинство (66,2%) планируют создание семьи в возрасте от 20 до 25 лет. 24,3% откладывают на возраст от 26 до 30 лет, а тех, кто не планирует создание семьи, всего лишь 3,4%.

2. Отношение к сожительству. Почти половина респондентов (47,9%) относится к сожительству положительно или скорее положи-

тельно, а 36,5% занимают нейтральную позицию. Отрицательное мнение выражают только 15,5% из всего числа опрошенной молодежи.

3. Оценка важности наличия детей для счастья и полноты семейной жизни. Для подавляющего большинства опрошенных (84,5%) дети являются значимой составляющей семейного счастья. Лишь 15,5% считают наличие детей не очень важным или совсем не важным.

4. Идеальное количество детей в семье. Наиболее популярным идеальным числом детей является двое (46,6%). Четверть респондентов (25,7%) ориентируются на одного ребенка. Многодетность (трое и более детей) привлекает лишь 13,5% опрошенных.

5. Восприятие роли родителей в семье (распределение обязанностей, главенствующей роли). В вопросе о гендерных ролях в семье доминирует эгалитарный подход, подавляющее большинство (83,8%) видят родителей как равноправных партнеров, совместно решающих все вопросы. Традиционные патриархальные установки разделяют только 9,5% опрошенных.

6. Факторы выбора партнера для создания семьи (респондентам предлагалось выбрать не более трех факторов). Главным критерием при выборе партнера для создания семьи является психологическая совместимость (общие интересы, взаимопонимание) – этот фактор отметили больше 70% опрошенных. Материальная обеспеченность и интеллектуальный уровень партнера находятся на втором месте по важности среди всех критериев, и их выбрала половина респондентов. Также 50% опрошенных назвали важным критерием внешность.

7. Основные причины снижения рождаемости в современной России. Главными барьерами для рождения детей респонденты отмечают материально-бытовые проблемы: жилищный вопрос и финансовые трудности (их отметили больше 70%). На втором месте – социально-психологические факторы: приоритет карьеры и личной жизни (45,3%) и смена ценностей (29,7%).

8. Оценка доступности и эффективности существующих госпрограмм. Мнения об эффективности госпрограмм разделились: примерно треть (35,1%) оценивает их скорее положительно, а четверть (24,3%) – скорее отрицательно. Также значительная группа (27,7%) не имеет определенной позиции.

9. Желаемые изменения в обществе для повышения позитивного отношения к семье и детям (открытый вопрос, без вариантов ответа). Анализ открытых ответов позволяет выделить несколько ключевых запросов молодежи: экономическая стабильность и предсказуемость (повышение уровня жизни, снижение цен, достойная заработная плата); решение жилищной проблемы (более доступное жилье, льготная

ипотека для всех); уважение к личному выбору каждого человека (отказ от навязчивой пропаганды и давления).

Таким образом, мы пришли к следующим выводам: во-первых, ценность семьи и детей остается высокой для большинства молодых ребят. Идеальная модель семьи для молодежи – это равноправный союз с двумя детьми, создаваемый в возрасте 20–25 лет. Во-вторых, ключевые страхи и барьеры носят преимущественно экономический характер: жилищная проблема и финансовая нестабильность. Именно они, по мнению молодого поколения, в первую очередь снижают рождаемость. В-третьих, государственная поддержка оценивается как недостаточная и малоэффективная. Запрос молодежи направлен не только на увеличение разовых выплат, но и на создание условий для образования стабильной семьи и появления в ней детей, например, доступное жилье, общая экономическая стабильность и более качественная социальная инфраструктура. Наконец, надежды молодых связаны не с усилением пропаганды, а с реальными изменениями в экономике и социальной сфере, которые позволят им уверенно планировать будущее и не бояться за благополучие своих детей. Молодые люди хотят чувствовать себя защищенными и иметь свободу выбора, а не быть объектами демографической политики.

Также было проведено личное проблемное интервью с шестью респондентами, в рамках которого были заданы следующие вопросы:

1.Как Вы относитесь к институту брака и семьи? В каком возрасте Вы бы хотели жениться/выйти замуж и завести детей? Если ответ отрицательный, назовите причины, по которым Вы не хотите вступать в брак/заводить детей.

2. Каким, по Вашему мнению, должен быть муж и отец в семье? Назовите более 3х критериев.

3. Какой, по Вашему мнению, должна быть жена и мать в семье? Назовите более трех критериев.

4. Ваше мнение об отношениях до брака? Считаете ли Вы это правильным и почему/почему нет?

5. Считаете ли Вы, что меры государственной поддержки достаточны для молодых семей? Если да, назовите не менее двух мер господдержки, которые Вы знаете. Если ответ нет, назовите причины, почему Вы так считаете?

Обобщив полученные данные, мы систематизировали их по ключевым темам и предлагаем интерпретацию выявленных тенденций.

1. Отношение к институту брака и возрастные ориентиры. Пять из шести респондентов положительно или скорее положительно относятся к браку; один критичен из-за юридических и имущественных рисков, но не исключает брак в будущем (планирует в 30 лет). Девушки ориенти-

руются на возраст 23–25 лет для замужества, юноши — на 24–30 лет. Появление первого ребёнка чаще планируется в 25–29 лет, разрыв между браком и рождением — 1–4 года. Основные причины откладывания — формирование материальной базы и психологическая готовность. Эти данные подтверждают общероссийский тренд на «откладывание» первого ребенка и рационализацию семейного планирования.

2. Образ мужа и отца. Женские ожидания детализированы и включают широкий спектр эмоциональных качеств. Девушки хотят видеть в муже не только «добытчика», но и чуткого партнёра. При этом респондентка Ж,20 подчёркивает: «Не должно быть четкого разделения, что отец зарабатывает деньги, а мать воспитывает детей», что указывает на запрос эгалитарной модели семьи. Мужские ответы лаконичнее, но также включают заботу, ответственность и отсутствие вредных привычек.

3. Образ жены и матери. Аналогичный анализ по качествам жены/матери выявил заметные гендерные различия. Мужчины склонны романтизировать образ жены, делая акцент на её внешней привлекательности, нежности, верности и хозяйственности. Женщины же при самоописании выдвигают на первый план субъектные качества: целеустремлённость, умение решать проблемы, способность быть примером. При этом традиционная забота и создание уюта не отвергаются, а дополняются активной жизненной позицией.

4. Отношение к добрачным отношениям. По данному вопросу достигнут абсолютный консенсус: все шесть респондентов считают добрачные отношения не просто допустимыми, но и необходимыми. Основные аргументы: возможность узнать человека, проверить совместимость (все); понимание намерений и жизненных целей партнёра; возможность увидеть партнёра в разных эмоциональных состояниях; соответствие современной «светской модели» отношений.

Таким образом, добрачные отношения выполняют функцию «тест-драйва», позволяющего минимизировать риск ошибочного выбора партнёра.

5. Оценка мер государственной поддержки молодых семей. Мнения распределились следующим образом: большинство респондентов сошлись во мнении, что рост цен при неизменных зарплатах вызывает основные трудности; материнский капитал и льготная ипотека – помощь, но недостаточная; нужны дополнительные выплаты даже не многодетным. Прозвучала позиция, что семейная ипотека, льготы борются со следствием, а не с причиной (низкие доходы, дороговизна жилья). Некоторые не смогли сформулировать свою точку зрения ввиду отсутствия личного опыта. Только один из опрошенных знает о ре-

гиональной выплате 1 млн. за первого ребёнка до 25 лет и ипотеке 6%, но не уверен в достаточности этих мер.

Молодёжь в целом критически оценивает объём государственной помощи, указывая на разрыв между размером выплат и реальными потребностями (стоимость жилья, продуктов, транспорта). Уровень информированности поверхностный, что характерно для тех, кто ещё не столкнулся с необходимостью использовать эти меры.

В заключение хочется отметить, что современное поколение демонстрирует переосмысление традиционных семейных ценностей. Молодые люди чаще формируют семьи с одним или двумя детьми, где преобладает партнерский тип отношений между родителями. Однозначно судить, хорошо это или плохо, невозможно – это объективная реальность. Выражая наше коллективное мнение, мы хотим подчеркнуть, что попытки изменить современное поколение, навязывая как радикальные движения вроде чайлдфри, так и излишне жесткие традиционные ценности, являются контрпродуктивными. На наш взгляд, необходимо позволить Поколению Z развиваться своим путем, обеспечивая при этом соблюдение базовых моральных, этических и юридических норм и правил.

Список цитируемой литературы:

1. О молодёжной политике в Российской Федерации: Федеральный закон № 489-ФЗ: [принят Гос. Думой 23 декабря 2020 г. : одобрен Советом Федерации 25 декабря 2020 г.]. – Москва: Кремль, 2020. – 11 с.

2. Молодёжь // Википедия: свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Молодёжь (дата обращения: 09.03.2026)

3. Мнение современного поколения о семье и демографии в современной России: социологический опрос // Яндекс Формы. – URL: https://forms.yandex.ru/u/6911f9a049af470a6fe7644a (дата обращения: 09.03.2026).

Афетулова Л.В., Скопинцева А.Ю., студенты
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лесных Е.В., канд. филол. наук, доц.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТИПА КОНФЛИКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНФЛИКТ-МЕНЕДЖЕРА

Аннотация

В данной статье мы рассмотрим, кто такой конфликт-менеджер, какова его роль и зона ответственности; почему типизация конфликта является первым и критически важным шагом; в чем заключается главная профессиональная проблема при определении типа; а также разграничим понятия «холодный/горячий» конфликт и «конфликт интересов/конфликт заинтересованных лиц».

Ключевые слова: конфликт-менеджер; профилактика конфликтов; горячий конфликт; холодный конфликт; конфликт интересов; конфликт заинтересованных лиц; типизация конфликта.

В современной организации конфликты неизбежны, но их разрушительных последствий можно избежать. Эту задачу решает конфликт-менеджер — специалист, который управляет разногласиями, сочетая психологию, коммуникацию и управление. Однако успех его работы напрямую зависит от правильной типизации конфликта. Ошибки в диагностике типа ведут к эскалации, тогда как грамотное определение позволяет выбрать адекватные методы урегулирования и сохранить здоровый климат в коллективе.

Конфликт-менеджер — это специалист, чья работа целиком посвящена управлению конфликтами, которые возникают внутри организации. Он выступает нейтральным посредником между сотрудниками или группами, когда возникают разногласия, а главная его цель — поддерживать здоровый психологический климат в коллективе и не допускать, чтобы споры перерастали в серьёзные проблемы. Эта профессия сочетает в себе три направления: психологию, коммуникацию и управление, и со временем она эволюционировала из интуитивного подхода в чёткую дисциплину со своими инструментами и методами. Для работы конфликт-менеджером нужны определенные компетенции [2]. Если говорить о функциональных обязанностях, то работа конфликт-менеджера охватывает весь спектр задач — от профилактики до разрешения уже возникших конфликтов. В профилактику и диагностику входит регулярная оценка психологического климата, выявление противоречий на ранней стадии, наблюдение за рабочими процессами с целью обнаружения потенциальных конфликтных точек, а также изучение личных дел со-

трудников и психологическое тестирование при приёме на работу. Когда конфликт уже возник, менеджер прорабатывает стратегии и тактики, ищет компромиссные решения и разрабатывает программы поведения, чтобы предотвратить повторение подобных случаев. В его задачи входит поддержание здорового климата через работу по снижению коллективного стресса, помощь в психологической разрядке и проведение тренингов по улучшению взаимодействия, а также подготовка докладов для руководства о морально-психологическом климате и обучение менеджеров навыкам пресечения конфликтов.

Что касается роли конфликт-менеджера в управлении конфликтами, то стоит отметить, что он работает исключительно с корпоративными ситуациями и может быть как штатным сотрудником, так и привлекаться извне — обычно, когда дело уже запущено, продуктивность падает и бизнес несёт убытки. В таких случаях специалисту предстоит разобраться в мотивах поведения каждого участника, локализовать ситуацию в приемлемом для всех варианте, минимизировать ущерб, по возможности сохранить ценных сотрудников, избежав увольнений, предотвратить повторение конфликтов в будущем и научить руководителей грамотно обрабатывать споры самостоятельно.

Для успешной работы в этой сфере нужны определённые профессиональные и личностные компетенции. К профессиональным навыкам относятся управление коллективом, делопроизводство, деловая переписка и психолого-педагогическая подготовка. Что же касается личностных качеств, то здесь важны эмпатия, умение слушать и слышать собеседника, дипломатичность, настойчивость, аналитические способности и стрессоустойчивость.

Конфликт (от лат. conflictus — столкновение) в психологии определяется как отсутствие согласия между двумя или более сторонами. Это базовое определение, с которого начинается изучение любых спорных ситуаций. На практике конфликты проявляются по-разному. «Горячий» конфликт — это когда участники кричат, оскорбляют друг друга, агрессивно жестикулируют, иногда высказывают угрозы. Такие ситуации заметны сразу, но работать с ними сложно: сначала нужно дать людям «остыть» и установить правила, чтобы совещание не превратилось в скандал.

«Холодный» конфликт выглядит иначе: люди молчат, избегают разговоров, отворачиваются, говорят саркастично или вообще не общаются лично — только через посредников. С виду всё спокойно, но проблема никуда не делась. Здесь нужен «разогрев» — организовать дискуссию, чтобы люди начали говорить открыто. Оба варианта плохи для работы. Хороший вариант — «теплый» конфликт, когда стороны спорят, но без вражды и личных оскорблений. Главное — найти пра-

вильную «температуру»: если слишком эмоционально, отношения разрушатся; если все будут молчать, проблема не решится. Дальше важно различать два типа конфликтов по сути. Конфликт интересов — когда у одного человека две роли мешают друг другу. Например, сотрудник работает в фирме и одновременно владеет конкурирующим бизнесом. Это нарушение этики, решается просто: человека отстраняют от решений или просят выбрать одно из двух.

Конфликт заинтересованных лиц — это когда разные люди или группы отстаивают свои интересы. Например, руководство хочет сократить расходы, а сотрудники — сохранить зарплаты. Обе стороны правы, но позиции разные. Такие конфликты решают через переговоры и компромисс.

Разница в том, что в первом случае один человек сам себе противоречит, а во втором — разные люди по-разному видят ситуацию. Отсюда и разные подходы: конфликт интересов решают запретами и отстранением, конфликт заинтересованных лиц — разговорами и поиском решения, устраивающего всех [2].

В конфликтологии одним из ключевых, но при этом методологически сложных вопросов остается проблема типизации конфликта. Исследователи и практики сталкиваются с многомерностью этого феномена: конфликт может быть скрытым или явным, конструктивным или деструктивным, краткосрочным или затяжным. Отсутствие четкого понимания того, к какому типу относится конкретное противостояние, делает невозможным не только его прогнозирование, но и грамотное вмешательство.

Значение типизации

1. Аналитическая функция. Типизация позволяет структурировать хаотичную реальность конфликта. Выделив общие признаки (например, цели участников, сферу возникновения, состав сторон), исследователь выходит за рамки уникальных деталей ситуации и переходит к научному анализу.

2. Инструментальная функция. Каждый тип конфликта требует специфических методов работы. То, что эффективно для семейной медиации, бесполезно при политическом кризисе. Знание типа позволяет подобрать адекватный диагностический и управленческий инструментарий.

3. Прогностическая функция. Определение типа конфликта дает ключ к предсказанию его динамики. Зная, что конфликт относится к типу «ценностных» (а не «ресурсных»), можно прогнозировать его затяжной характер и низкую вероятность компромисса.

Без определения типа невозможно ответить на главные вопросы управления конфликтом: кто является реальным субъектом, какова

истинная причина (объективная или субъективная) и какие методы разрешения будут легитимными [3].

Главная проблема заключается в отсутствии универсальной классификации. Конфликт одновременно может принадлежать к разным типам в зависимости от выбранного критерия (например, политический, межгрупповой, деструктивный, краткосрочный). Исследователь вынужден выбирать приоритетное основание для типизации, что несет в себе элемент субъективизма. Это порождает риск редукции — сведения сложного конфликта к одной, удобной для автора, категории при игнорировании остальных его измерений.

Даже осознавая важность определения типа конфликта, практикующий конфликт-менеджер не застрахован от искажений в диагностике. Ошибки на этапе идентификации типа конфликта не просто снижают точность анализа — они фатально влияют на выбор стратегии вмешательства, зачастую переводя ситуацию из острой в хроническую или провоцируя эскалацию. Выделим наиболее распространенные из них.

1. Преждевременное «замораживание» конфликта. Простое «разведение» сторон и разграничение областей их деятельности могут дать определенный положительный эффект. Но даже замена действующих субъектов при сохранении объективных причин конфликта приведет к его возобновлению уже в другом действующем составе. Преждевременное «замораживание» конфликта — это остановка, не меняющая сути объективной ситуации, поэтому его ни в коей мере нельзя принимать за разрешение конфликта. Преждевременное «замораживание» чревато возобновлением конфликта в еще более острой форме.

2. Неверно определены предмет конфликта и оппоненты. Даже если проведена диагностика компонентов конфликта, нельзя исключить вероятность ошибки в определении предмета конфликта и его реальных оппонентов. Иногда активно выступающие оппоненты на самом деле не являются самостоятельными игроками и действуют по наводке реальных оппонентов, предпочитающих по тем или иным причинам находиться в «тени». Для того чтобы избежать такой ошибки, диагностику следует проводить по максимально развернутой схеме, в которой главным вопросом, требующим ответа, является вопрос: кому это выгодно?

3. Запаздывание с принятием мер. Даже если конфликт был задан объективными причинами, он имеет тенденцию к распространению на межличностные отношения. Если по этому показателю конфликт перешел в хроническую форму, то и эффективных организационных решений бывает недостаточно для его разрешения. Оппоненты еще долгое время в той или иной степени продолжают испытывать личную неприязнь друг к другу.

4. Некомплектность, односторонность мер - силовых или дипломатических. Опыт показывает, что наиболее эффективно сочетание разнообразных мер разрешения конфликта, которое позволяет актуализировать разноуровневые мотивы оппонирующих сторон.

Список цитируемой литературы:

1. Цой, Л. Н. Организационный конфликт-менеджмент. 111 вопросов, 111 ответов / Л. Н. Цой. – Москва : Книжный мир, 2012. – 352 с.

2. Конфликт-менеджер // Profclick : [сайт]. – URL: https://profclick.ru/konflikt-menedzher (дата обращения: 04.04.2026).

3. Халеева, А. А. К вопросу о типологии конфликтов: современный подход / А. А. Халеева // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. – 2020. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tipologii-konfliktov-sovremennyy-podhod (дата обращения: 04.04.2026).

Баева М.М., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

РОЛЬ МОЛОДЕЖИ В РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ НАРОДОСБЕРЕЖЕНИЯ: УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ (ОПЫТ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация

В статье рассматривается роль молодежи как ключевого субъекта политики народосбережения. На примере Волгоградской области анализируются управленческие технологии вовлечения молодого поколения: фестивали, волонтерские движения, цифровые платформы. Оценивается эффективность применяемых подходов и предлагаются направления совершенствования региональной молодежной политики.

Ключевые слова: молодежь; молодежная политика; Волгоградская область; фестиваль; добровольческое движение; цифровые платформы; молодежные инициативы.

Молодежная политика является национальным приоритетом в системе государственного управления, оказывая прямое влияние на долгосрочное социально-экономическое и геополитическое развитие страны. В современных условиях именно региональный аспект ее реализации приобретает ключевое значение, выступая катализатором

освоения и укрепления территорий. В данной статье рассматривается опыт Волгоградской области как репрезентативного региона.

Молодежь как социально-демографическая группа выделяется не только возрастными рамками, но и специфическими интересами, ценностными ориентирами, а также своей уникальной ролью в структуре общества. Современная Россия переживает множество глобальных вызовов, таких как миграционные процессы, демографические дисбалансы, экономическая нестабильность и экологические изменения. В этих условиях именно человеческий потенциал и эффективное использование научно-технических достижений становятся ключевыми факторами для устойчивого развития [5, с.41].

Т.К. Ростовская в своей работе характеризует молодежь как социально-демографическую группу, отличающуюся возрастными и статусными особенностями и ролью в воспроизводстве общества. Она обеспечивает воспроизводство общественных отношений, их обновление и передачу будущим поколениям, с учетом меняющихся потребностей и новых вызовов [3, с. 20].

Молодежь несет особую ответственность за сохранение и развитие своей страны, за преемственность исторического и культурного наследия, за возрождение своего отечества. Молодежь выступает своего рода резервом, необходимым для дальнейшего динамичного и прогрессивного развития общества [3, с.34].

Реализация государственной молодежной политики в Волгоградской области представляет собой многоуровневый процесс, адаптированный к социально-экономическим, демографическим, культурно-историческим особенностям региона. Ключевым региональным аспектом является ее ориентация на решение специфических, уникальных задач, стоящих перед местной молодежью, с учетом потенциала и вызовов, характерных для Волгоградского субъекта.

Основным документом реализации государственной молодёжной политики в Волгоградской области служит закон Волгоградской области «О молодежной политике в Волгоградской области» № 2210-ОД от 15 июля 2011 года. Целью данного закона является обеспечение правовых, социально-экономических и организационных условий для успешной социализации, эффективной самореализации, патриотического воспитания и повышения гражданской ответственности молодых людей [1].

На основании данного документа разработано постановление Администрации Волгоградской области от 26 мая 2025 г. №318-п «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Волгоградской области на период до 2030 года [2].

Под технологией, в контексте данной работы, понимается систематизированная организация действий: выбор каналов, инструментов, методов, через которые молодежь участвует в жизни региона [4, с.70].

Наиболее массовым и видимым каналом вовлечения выступают молодежные форумы, слеты, фестивали, сетевые площадки онлайн- и офлайн- формата. Они позволяют собрать молодых людей, сформировать новые связи, стимулировать инициативы и проекты. Так, в Волгоградской области отмечается появление молодежного фестиваля #ТриЧетыре, что стало значимым событием в культурной жизни молодежи города. Благодаря этому фестивалю молодежь может участвовать в решении региональных проблем через работу в открытых дискуссиях, где формируются конкретные предложения по развитию социальных инициатив.

Особое место в системе вовлечения занимает развитие волонтерских движений, формирующих практические навыки через участие в добровольческой деятельности.

Такие крупные объединения, как «Волонтеры Победы» и «Движение Первых», предлагают молодежи широкий спектр направлений для реализации молодежи – от сохранения исторической памяти до развития профессиональных навыков и творчества. Органы власти поддерживают это направление, создавая инфраструктуру в виде молодежных центров, штабов и образовательных программ.

Современный этап вовлечения молодежи в молодежную политику характеризуется активной цифровизацией всех каналов вовлечения молодежи. Традиционные формы работы трансформируются через внедрение цифровых решений, что создает принципиально новую экосистему взаимодействия с молодым поколением. Цифровизация сферы работы с молодежью – это комплексный процесс, который направлен на модернизацию обеспечивающих систем, привычных алгоритмов деятельности, оптимизацию рабочего времени специалистов.

Оценка эффективности управленческих технологий является важным элементом системы государственной молодежной политики, позволяющим не только констатировать достигнутые результаты, но и корректировать стратегию, перераспределять ресурсы и повышать отдачу от проводимых мероприятий.

Фестиваль #ТриЧетыре берет свое начало в 2022 году, где гостями стало 240 тысяч человек, в 2023 году количество участников возросло практически вдвое и их стало 450 тысяч, в 2024 году фестиваль посетило более 500 тысяч человек, а в 2025 году участниками стали 540 тысяч человек, также фестиваль приобрел международный статус. Четко выраженная положительная динамика роста числа участников из года в год убедительно доказывает, что данная площадка прочно укореняется в молодежном пространстве Волгоградской области.

Если в 2022 году организацию и координацию мероприятия обеспечивали 300 прошедших обучение волонтеров, то в последующие три года их численность возросла и стабилизировалась на отметке в 350 человек ежегодно.

Параллельно с этим отслеживается активность молодежи в цифровом пространстве – рост числа подписчиков и уровень вовлеченности в официальных сообществах Комитета молодежной политики (Молодежь34) в социальных сетях, а также регионального волонтерского центра (Волонтер34) и молодежного центра Волгоградской области (Молодежный центр).

Общее число подписчиков официальных сообществ, осуществляющих молодежную политику в регионе, составляет более 20 тысяч пользователей, что свидетельствует о широком охвате аудитории через цифровые коммуникации. Наибольшей популярностью пользуется сообщество «Волонтер34» в социальной сети ВКонтакте, а также официальный паблик «Молодежь34» и сообщество «Молодежный центр Волгоградской области».

Цифровая экосистема молодежной политики Волгоградской области включает не только сообщества в социальных сетях, но и специализированный портал «Молодежь34», выполняющий функции основной платформы для коммуникации с молодежью региона. Данный ресурс помогает в обеспечении многостороннего взаимодействия между органами власти, молодежными объединениями и активными гражданами.

Структура портала включает несколько ключевых разделов, обеспечивающих удобную навигацию для различных категорий пользователей. Раздел «Новости» содержит актуальную информацию о последних событиях в молодежной среде, «Проекты» предоставляет информацию о текущих и планируемых инициативах, а «Афиша» позволяет пользователям оперативно получать информацию о предстоящих событиях.

Проведенный анализ управленческих технологий, и оценка их эффективности позволяют выделить ключевые направления для совершенствования государственной молодежной политики в Волгоградской области.

Принципиальным направлением совершенствования должна стать систематизация и повышение гласности информационных ресурсов. В настоящее время потенциальному участнику молодежных программ приходится сталкиваться с фрагментированностью информации: данные о мероприятиях, грантах и проектах рассредоточены по различным сайтам и социальным сетям. Решение данной проблемы видится в создании единого информационного пространства, которое бы аккумулировало данные обо всех ресурсах молодежной политики региона.

Важным направлением совершенствования представляется развитие системы наставничества и сопровождения молодежных инициатив.

Внедрение института наставничества с привлечением успешных представителей бизнеса, государственного управления и общественных деятелей региона создаст условия для передачи практического опыта и будет способствовать профессиональному становлению молодых людей.

Таким образом, современная молодежь Волгоградской области демонстрирует значительный потенциал социальной активности. Проведенное исследование позволило выявить и проанализировать ключевые управленческие технологии вовлечения молодежи в реализацию государственной молодежной политики, среди которых наиболее эффективно себя проявили форумные площадки, грантовая поддержка инициатив, волонтёрские движения, такие как «Волонтеры Победы», «Движение Первых» и цифровые платформы взаимодействия. Оценка количественных показателей, в частности динамики участия в фестивале #ТриЧетыре, роста волонтерского корпуса, подтвердила результативность применяемых подходов, однако выявлена необходимость дополнения системы оценки качественными параметрами, отражающими глубину и устойчивость достигаемых социальных эффектов.

Список цитируемой литературы:

1. Волгоградская область. Законы. О молодежной политике в Волгоградской области: Закон Волгоградской области от 15 июля 2011 г. № 2210-ОД // Волгоградская правда. – 2011. – № 132.

2. Волгоградская область. Администрация. Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Волгоградской области на период до 2030 года: Постановление Администрации Волгоградской области от 26 мая 2025 г. № 318-п // Волгоградская правда. – 2025.

3. Ростовская, Т. К. Государственная молодежная политика: учебное пособие для вузов / Т. К. Ростовская, Д. В. Накисбаев. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 122 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-21502-1.

4. Пачина, Н. Н. Молодежная политика в регионе: подходы, стратегии, технологии: монография / Н. Н. Пачина, О. Н. Блинникова. – Липецк: Липецкий ГТУ, 2022. – 116 с. – ISBN 978-5-00175-162-5.

5. Социология молодежи: учебник для вузов / под редакцией Р.В. Ленькова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 329 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-12768-3.

Беляева С.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Головлева И.В., канд.ист.наук

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО КАК ФАКТОР ОПТИМИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Аннотация

В статье рассматриваются профессиональные компетенции государственных служащих как ключевой фактор повышения эффективности взаимодействия личности, общества и государства. Анализируются современные подходы к формированию компетенций, включая цифровые и управленческие навыки, а также актуальные тенденции развития государственной службы. Обосновывается необходимость совершенствования системы подготовки кадров в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: государственная служба; профессиональные компетенции; государственное управление; цифровые компетенции; взаимодействие общества и государства.

Современное государственное управление функционирует в условиях усложнения социальных процессов, цифровизации и роста требований граждан к качеству государственных услуг. В этой связи профессиональные компетенции государственных служащих становятся ключевым фактором обеспечения эффективного взаимодействия личности, общества и государства. От уровня подготовки кадров зависит не только результативность управленческих решений, но и степень доверия населения к государственным институтам.

Государственная гражданская служба представляет собой профессиональную деятельность по обеспечению исполнения полномочий государственных органов [1]. Ее эффективность во многом определяется уровнем компетентности служащих, включающей совокупность знаний, умений, навыков и личностных характеристик, необходимых для выполнения должностных обязанностей.

Современные исследования выделяют комплексную структуру профессиональных компетенций государственных служащих. Так, в научной литературе выделяются личностные, профессиональные, цифровые и коммуникативные компетенции, формирующие целостную модель специалиста государственного управления [2]. Личност-

ные компетенции включают ответственность, ориентацию на результат и клиентоцентричность, что особенно важно в условиях ориентации государственной службы на потребности граждан.

Профессиональные компетенции охватывают знание законодательства, умение применять управленческие технологии и способность к принятию эффективных решений. При этом современные требования существенно расширяют содержание данных компетенций за счет внедрения проектного управления и стратегического планирования. В 2025 году на федеральном уровне были определены приоритетные направления развития компетенций государственных служащих, среди которых стратегическое управление, нормотворческая деятельность и повышение эффективности государственного управления [3].

Особое значение в современных условиях приобретают цифровые компетенции. Развитие информационных технологий требует от государственных служащих способности работать с большими объемами данных, использовать цифровые платформы и обеспечивать информационную безопасность. Исследования показывают, что недостаточный уровень цифровых навыков является одним из ключевых ограничений эффективности государственного управления [4]. В связи с этим реализуются программы дополнительного профессионального образования, направленные на развитие цифровых компетенций государственных служащих.

Коммуникативные компетенции также играют важную роль в оптимизации взаимодействия государства и общества. Государственный служащий выступает посредником между органами власти и гражданами, обеспечивая реализацию принципов открытости и прозрачности. Однако практика показывает, что развитие коммуникативных навыков остается недостаточно эффективным, что связано с несовершенством существующих образовательных программ и недостаточной мотивацией служащих к их освоению [5].

Важным аспектом является непрерывное профессиональное развитие государственных служащих. Современные подходы предполагают переход от формального обучения к гибким образовательным моделям, адаптированным к индивидуальным потребностям служащих.

Исследования 2024–2025 годов подчеркивают необходимость внедрения краткосрочных образовательных программ, цифровых платформ обучения и инструментов оценки эффективности подготовки кадров [6].

Дополнительным направлением совершенствования профессиональных компетенций является развитие системы оценки персонала. Применение современных кадровых технологий, включая ассессмент-центры и цифровые системы мониторинга, позволяет более точно определять уровень компетентности служащих и выявлять дефициты в

их подготовке [7]. Это способствует формированию эффективной кадровой политики и повышению качества государственного управления.

Следует отметить, что развитие профессиональных компетенций государственных служащих напрямую влияет на качество взаимодействия личности, общества и государства. Компетентный служащий способен учитывать интересы различных социальных групп, обеспечивать баланс публичных и частных интересов и формировать эффективные управленческие решения.

В условиях цифровой трансформации и глобальных вызовов возрастает значение системного подхода к формированию компетенций. Необходима интеграция образовательных, организационных и технологических механизмов, направленных на повышение профессионализма государственных служащих.

Таким образом, профессиональные компетенции государственных служащих являются ключевым фактором оптимизации взаимодействия личности, общества и государства. Их развитие требует совершенствования системы подготовки кадров, внедрения современных образовательных технологий и усиления роли цифровых инструментов в государственном управлении. Только при наличии высококвалифицированного кадрового потенциала возможно обеспечение эффективного функционирования государственной системы и устойчивого социального развития.

Список цитируемой литературы:

1. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

2. Чумичева Д.А. Компетенции государственных служащих в условиях цифровизации // Государственное управление. – 2022.

3. Минтруд России. Приоритетные направления развития профессиональных компетенций государственных служащих. – 2025.

4. Кайсарова В.П. Профессиональное развитие цифровых компетенций государственных служащих // Государственное управление. – 2021.

5. Давыдова М.В. Развитие коммуникативных компетенций государственных служащих. – 2024.

6. Воскресенская О.А. Эффективное профессиональное развитие государственных служащих: современные подходы // Экономика труда. – 2025.

7. Актуальные вопросы оценки профессиональных качеств государственных служащих // ВЦОТ. – 2022.

8. Игнаткова В.А. Направления совершенствования профессиональной подготовки государственных служащих в Российской Федерации // 2025.

Берлов В.Ю., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Усачева О.Ю., доктор филол. наук, доц.

ОСТОРОЖНО, ЗАГОЛОВОК! МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАГОЛОВКА МЕДИЙНОГО ТЕКСТА

Аннотация

Заголовок, как структурно-смысловой компонент целого текста, выполняет несколько функций. Однако в условиях возросших объемов информации, с появлением Интернета и новейших каналов связи, когда между СМИ обостряется конкуренция за внимание читателя, на первый план выходят функции воздействия, в том числе манипулятивного. В статье выявлены наиболее распространенные приемы манипулирования в заголовках современных медиатекстов. В конце сделан вывод: читателю необходимо учиться распознавать такие заголовки, чтобы не стать жертвой манипуляции.

Ключевые слова: заголовок, функции заголовка, СМИ, медийный текст, манипуляция.

Заголовок текста в газете или на сайте – это первое, что видит читатель. Часто он обращает внимание только на заголовок, а сам текст даже не открывает. Журналисты давно заметили: хороший заголовок в медиа может спасти плохой материал, а плохой заголовок – убить хороший. *Актуальность* нашего исследования продиктована необходимостью изучить способы воздействия на читательскую аудиторию, используемые в современных медиапрактиках, на уровне заголовочного компонента текста.

Цель исследования: оценить манипулятивный потенциал заголовков в современных медиатекстах, выявить основные манипулятивные приемы, используемые в них. Задачи:

- изучить лингвистическую природу заголовка, его основные функции;
- осмыслить понятие манипуляции как коммуникативной тактики;
- собрать и проанализировать материал, выявить конкретные приемы манипулятивного воздействия, используемые в заголовках современных медиатекстов;
- рассмотреть психологические причины успешного манипулирования;
- предложить способы нейтрализации манипулятивного воздействия в медиасреде.

Объект исследования: заголовки современных медиатекстов. Предмет: манипулятивные механизмы, используемые в заголовках. Материалом послужили заголовки медиатекстов в российских СМИ за последние 3 года; выборка составила 15 примеров.

Лингвистика текста рассматривает заголовок как структурно-смысловой компонент целого текста, т.е. он обеспечивает смысловую связь со всем последующим содержанием, а учитывая претекстовую (так называемую сильную) позицию, предвосхищает восприятие и понимание содержания и формирует ожидание читателя. В составе текста (художественного, научного, публицистического) заголовок выполняет несколько основных функций.

Во-первых, он называет данный текст, чтобы обозначить его и выделить среди других текстов. В этом случае заголовок выступает как имя текста, подобно другим именам. Эту функцию можно назвать номинативной, или ономастической.

Во-вторых, заголовок кратко и концентрированно передаёт тему и главную мысль всего текста: это семантико-информационная (фактуальная и концептуальная) функция.

В-третьих, заголовок должен привлечь внимание к тексту, заинтриговать потенциального читателя, мотивировать его к прочтению. Данная функция носит название аттрактивной.

В-четвёртых, заголовок задаёт настроение целого текста – будь то серьёзное, шутливое, или же тревожное. Такая функция называется эмоционально-психологической.

В-пятых, заголовок передает отношение автора к содержанию текста – это оценочная функция.

В конечном счете, именно заголовок помогает читателю решить, стоит ли тратить время на чтение всего текста или нет, что позволяет говорить также об ориентирующей функции.

Медийные тексты сохраняют все перечисленные функции заголовка [3]. Вместе с тем с возрастанием объемов информации благодаря появлению Интернета, новостных сайтов, социальных медиа, телеграмм-каналов в СМИ значительно усилилась конкуренция за внимание аудитории и борьба за формирование у нее желаемого для данного автора или медиа отношения к передаваемому содержанию. Современные СМИ не просто информируют – они формируют общественное мнение, рекламируют, оценивают, продвигают те или иные идеи, ценности и установки.

Сегодня главная цель для любого СМИ – прежде всего, заполучить внимание читателя. Чем больше людей перешло по ссылке с интригующим заголовком, тем шире и скорее распространилось сообщение, тем бóльший охват читателей получил нужную установку, тем

больше денежных средств принесла реклама и т.д. В этих условиях на первое место выходят задачи «привлечь внимание», «создать определенное настроение», «внушить нужную идею», а задача «честно рассказать о сути» отодвигается в сторону. Иными словами, на первый план выходят функции воздействия (аттрактивная, эмоционально-психологическая, оценочная), которые в ряде случаев доминируют над остальными функциями, что создает значительный потенциал для манипулирования.

Манипулирование – это особая коммуникативная тактика воздействия, которая заключается в неявном влиянии на адресата в интересах автора. Влияние может заключаться в изменении или навязывании определенных идей, целей, представлений, состояний, мнений, действий [1; 2].

Механизм манипулирования выглядит так. Сначала заголовок вызывает у читателя сильную эмоцию: страх, злость или жгучее любопытство. Читатель переходит по ссылке, ожидая, что сейчас ему расскажут что-то важное или страшное. А в тексте оказывается либо совсем не то, о чём говорилось в заголовке, либо вообще ничего интересного. Заголовок в таком случае работает как крючок внимания, а сам текст оказывается если не пустышкой, то совсем не тем, чего ожидал читатель. Человек получает не информацию, а только эмоцию или оценку. Особенно часто таким приёмом пользуются политические каналы и группы, которым важно навязать читателю своё мнение, даже если факты этому мнению противоречат.

Приведем отдельные примеры.

1. Татьяна Буланова сделала заявление об отъезде из России. Артистка высказалась о патриотизме [https://teleprogramma.org/news/3932852-tatyana-bulanova-sdelala-zayavlenie-ob-otezde-iz-u3872?ysclid=mg54t3x53t67526409; 26 апреля 2022]. Заголовок формирует ожидание: известная певица покидает нашу страну в связи с началом СВО. На самом деле, в тексте она прямо заявляла обратное: «Уезжать я никуда не собираюсь... Меня все связывает лишь с моей любимой Родиной». Заголовок перевернул смысл с ног на голову. Суть искажения: использование выражение об отъезде из России при подлежащем Татьяна Буланова, что устанавливает ложную смысловую связь с действием, выраженным отглагольным существительным (=отъезд Татьяны Булановой).

2. Перебравший Градский устроил переполох на «Голосе» Об [https://news.rambler.ru/starlife/38153178/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylinkhttps://news.rambler.ru/starlife/38153178-perebravshiy-gradskiy-ustroil-perepoloh-na-golose/?ysclid=mo3bsw6dcu709861187; 14 октября 2017]. Журналисты обыграли карточный термин «перебрал», имея в виду значение «выпить лишнего».

В тексте же речь шла о том, что наставник Александр Градский нарушил правила шоу, взяв в команду лишнего участника, а вовсе не об алкогольном опьянении. Суть искажения: использование многозначного слова в скандальном контексте для привлечения кликов.

3. Названа шокирующая причина смерти Марьянова. Нарколог высказал свою, шокирующую версию случившегося [https://utro.ru/showbiz/2017/10/19/1343021.shtml?ysclid=mo3btubgdl491982838; 19.10.2017]. Заголовок ссылался на версию нарколога Дмитрия Вашкина, который предположил синдром отмены алкоголя, но не был лечащим врачом актера. Позже появились данные о разрыве сосуда из-за тромба. Суть искажения: выдача предположения стороннего эксперта за установленный официальный факт.

Анализ современной медиапрактики позволяет выделить несколько устойчивых приемов манипуляции, регулярно воспроизводящихся в заголовках различных изданий.

Первый прием – семантическая неопределенность.

Заголовок использует многозначные или размытые выражения, которые каждый читатель интерпретирует по-своему. Например, заголовок «Клиенты компании столкнулись с неожиданностью» не сообщает ничего конкретного, но создает тревожное ожидание. Каждый читатель достраивает «неожиданность» из собственных страхов или надежд. В тексте же может оказаться самая рядовая информация.

Второй прием – драматизация нейтрального.

Заголовок наделяет обыденное событие эмоционально заряженными словами: «бушевать», «шок», «кошмар», «сенсация». Например, заголовок «Ураган обрушится на регион» может скрывать обычный прогноз усиления ветра до 15 м/с, не представляющий никакой угрозы. Читатель, однако, уже испытал эмоцию страха или тревоги – манипуляция его состоянием состоялась.

Третий прием – превратность (переворачивание смысла).

Заголовок использует кавычки или ироническую интонацию, чтобы сказать одно, а означать противоположное. Например, в заголовке «Житель города "отвоевал" свою квартиру у управляющей компании» кавычки сигнализируют, что слово «отвоевал» не следует понимать буквально. Из текста может выясниться, что человек несколько лет судился, потратил значительные средства, а проблема так и не была решена. Однако тот, кто прочитал только заголовок (а таких большинство), останется с убеждением, что победа состоялась.

Четвертый прием – навязывание рамки восприятия.

Заголовок включает в себя слово «очередное» или аналогичные маркеры, которые незаметно для читателя формируют определенное отношение к фактам еще до их изложения. Например, заголовок «Оче-

редное заявление экспертов вызвало скепсис» уже содержит оценку (заявление – «очередное», то есть не заслуживающее внимания) и реакцию («скепсис»). Читатель, даже если он не согласен с такой оценкой, вынужден принять эту рамку, чтобы понять, о чем вообще идет речь.

Пятый прием: «обещали – не сделали».

Заголовок обещает читателю готовый ответ или законченную историю, но в тексте его нет. Таков, например, заголовок «Учёные назвали неожиданную причину выпадения волос. Спойлер: дело не в наследственности». В тексте же сообщается: «Исследователи продолжают изучать этот вопрос. Точного ответа пока нет». Заголовок обещает открытие, а текст сообщает об отсутствии открытия. Это чистый обман, при котором аттрактивная функция полностью разрывает связь с содержательной.

Итак, рассмотрев основные приемы манипулятивного воздействия в заголовках медиатекстов, обратимся к причинам их успеха, на которые обращают внимание психологи.

Во-первых, человек не любит чувствовать себя незнающим. Когда он видит заголовок типа «Вот что случилось дальше…», он испытывает дискомфорт от того, что не знает, что именно случилось. Ему хочется закрыть этот пробел – и он кликает на ссылку.

Во-вторых, то, что человек узнал в первую очередь, имеет больше влияния, чем то, что он узнал потом. Даже если в тексте написано, что заголовок преувеличил, в голове уже осталось первое впечатление.

В-третьих, у современного человека очень много информации. Он физически не может проверять каждый заголовок. Он пролистывает ленту, читает только заголовки – и они становятся его картиной мира. Это особенно опасно в политике. Представьте: одно СМИ пишет «Реформа прошла успешно», а другое – «Реформа провалилась». Читатель, который не открыл ни ту, ни другую статью, просто запомнит, что кто-то в чём-то разошёлся. А активно настроенный читатель запомнит именно тот заголовок, который совпадает с его взглядами

Что же делать? Читателю нужно учиться распознавать манипулятивные заголовки. Вот несколько простых вопросов, которые стоит задать себе, прежде чем переходить по интригующей ссылке.

Вопрос первый: заголовок сообщает что-то конкретное или просто давит на эмоции («шокирующее», «невероятное», «ужасное»)?

Вопрос второй: не навязывает ли заголовок мнение, с которым я, возможно, не согласен?

Вопрос третий: может ли короткая заметка на самом деле содержать то, что обещает заголовок? Если заголовок кричит «Сенсация!», а заметка на три абзаца – скорее всего, сенсации там нет.

Если читатель научится задавать себе эти вопросы, он перестанет быть лёгкой добычей для медийных манипуляторов. А авторы медиатекстов, в свою очередь, должны помнить: хороший заголовок – это не тот, который обманывает, а тот, который честно говорит о содержании и при этом всё равно интересен.

Список цитируемой литературы:

1. Басова, М.В. К проблеме манипулятивного воздействия в рекламе: критерии верификации / М.В. Басова, О.Ю. Усачева // Когнитивные исследования языка. – 2018. – №34. – С.271-274.

2. Доценко, Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. – М.: ЧеРо, 2000. – 344 с.

3. Лазарева, Э.А. Заголовок в газете / Э.А. Лазарева. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. – 96 с.

Глазкова Е.А., студент
Елецкий филиал АНО ВО «Российский новый университет», г. Елец
Научный руководитель – Бакаева О.Н., канд. пед. наук, доц.

РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В РАЗВИТИИ УСПЕШНОСТИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Аннотация

В статье рассмотрена образовательная среда как одно из средств развития успешности детей младшего школьного возраста. Особое внимание уделяется характеристике развивающей предметно-пространственной, оценочно-рефлексивной и цифровой среды.

Ключевые слова: образовательная среда, цифровая образовательная среда, развитие успешности, школьная успешность, младшие школьники.

Развивающая образовательная среда является интегративным результатом реализации требований Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования к условиям реализации основной образовательной программы начального общего образования. Образовательная среда начальной школы выступает одним из ключевых факторов формирования успешности ребенка, поскольку именно через нее он ежедневно получает опыт взаимодействия с учебными требованиями, оценкой, взрослыми и сверстниками, а также осваивает способы учебной деятельности и модели отношения к себе [1].

В отличие от отдельных педагогических приемов, развивающая предметно-пространственная среда обладает системным воздействием. Это выражено в определении норм, ожиданий, эмоционального тона, допустимых способов поведения и характера переживания успеха и неудачи [2]. Поэтому развитие успешности детей младшего школьного возраста целесообразно рассматривать не только как результат индивидуальных усилий ребенка, но и как итог того, насколько образовательная среда поддерживает его мотивацию, уверенность, самостоятельность и психологическое благополучие [6].

В структуре образовательной среды можно выделить несколько взаимосвязанных компонентов, каждый из которых вносит вклад в становление успешности младшего школьника: организационно-педагогический, социально-психологический, эмоционально-нравственный, предметно-развивающий и оценочно-рефлексивный [5].

Организация учебного процесса в начальных классах определяет, будет ли обучающийся воспринимать учение как посильную и понятную деятельность [5]. Для младшего школьника особенно важны ясность требований, стабильность правил и предсказуемость школьных процедур [5]. Когда инструкции понятны, цели задания проговорены, а требования последовательны, снижается уровень неопределенности – одного из основных источников школьной тревожности [4]. Напротив, противоречивые требования, резкие изменения правил и отсутствие понятных критериев успеха приводят к переживанию беспомощности: ребенок не понимает, что именно от него ожидают, и начинает избегать активности из страха ошибиться [4].

С точки зрения развития успешности значимыми являются:

- структурированность урока (четкие этапы, понятная логика «цель – действие – результат»);

- доступность учебных задач (посильность и постепенное усложнение, наличие опор);

- вариативность способов выполнения (возможность выбора способа, уровня сложности, формы ответа) [3];

- включение детей в учебное сотрудничество (работа в парах и группах при сохранении личной ответственности) [2].

Такая организация делает учебную деятельность управляемой и психологически безопасной: ребенок начинает понимать, что успех зависит не от «везения» и не от «врожденных способностей», а от проявления усилия, стратегии и поддержки [4].

Отношения с педагогом и сверстниками для младшего школьника имеют решающее значение. В этом возрасте авторитет взрослого чрезвычайно высок, а оценка учителя воспринимается ребенком как оценка личности. Следовательно, характер педагогического общения либо

укрепляет уверенность школьника и его готовность действовать, либо формирует устойчивый страх ошибки.

Важным фактором успешности является психологическая безопасность класса: младший школьник должен чувствовать, что имеет право на ошибку, что его не унизят и не высмеют, что помощь доступна, а трудности воспринимаются как нормальная часть учения. Психологически безопасная среда предполагает:

- отсутствие травмирующих сравнений («Посмотри, как другие сделали»);
- недопустимость публичного стыда и негативных «ярлыков»;
- уважительный тон взаимодействия;
- поддерживающую позицию учителя при затруднениях («Давай разберемся», «Попробуем иначе»).

В отношениях со сверстниками успешность поддерживается через культуру сотрудничества [5]. Если в классе закрепляется конкурентная модель («Кто лучше?», «Кто хуже?»), дети с трудностями быстро формируют устойчивую роль «неуспешного» [4]. Если же поддерживается сотрудничество и взаимопомощь, ребенок получает социальный опыт, который снижает тревожность и повышает учебную активность.

Эмоциональный климат класса отражает общую атмосферу: спокойствие или напряжение, доверие или страх, принятие или критика. Для младшего школьника эмоции не являются «фоном» – они напрямую влияют на внимание, память, работоспособность и мотивацию. Ребенок, который находится в состоянии тревоги, хуже понимает инструкцию, быстрее утомляется, чаще ошибается, а затем эти ошибки подтверждают его внутреннее ощущение «я не справляюсь». Возникает замкнутый круг неуспешности.

Поэтому в системе сопровождения успешности важны меры, обеспечивающие эмоциональное благополучие:

- поддержание доброжелательной атмосферы;
- использование педагогом позитивной обратной связи;
- нормализация ошибок как «точек роста»;
- чередование видов активности на уроке;
- соблюдение разумного темпа и профилактика переутомления.

Н.В. Ковалева, А.П. Панфилова подчеркивают, что «благоприятная образовательная среда, ориентированная на поддержку и признание индивидуальных достижений каждого ребенка, способствует снижению школьной тревожности и формированию устойчивой мотивации к успеху» [5]. В данном положении акцент сделан на признании индивидуального достижения: младший школьник особенно нуждается в том, чтобы взрослый замечал не только результат, но и усилие, прогресс, попытку.

Система оценивания – один из наиболее сильных факторов, влияющих на успешность. В начальной школе оценка часто становится главным мотивом обучения. Если ребенок воспринимает отметку как «ярлык», а ошибку как «провал», то формируется избегающее поведение и школьная тревожность. Если же оценивание организовано как поддерживающая обратная связь, ребенок учится понимать критерии успеха, анализировать свои действия и видеть возможности улучшения.

Оценочно-рефлексивная среда, способствующая успешности, включает:

- понятные критерии (ребенок знает, что именно считается правильным и почему);
- обратную связь по процессу (не только «правильно/неправильно», но и «что получилось», «что можно сделать иначе»);
- опору на динамику (подчеркивается прогресс, а не сравнение с другими);
- развитие рефлексии («Что было трудным?», «Что помогло?», «Что я сделаю по-другому?»).

Важно, чтобы ребенок постепенно переходил от внешней оценки к внутренней: учился сам видеть качество своей работы и управлять собственным продвижением. Это является основой устойчивой успешности.

Предметно-пространственная организация класса в начальной школе – не только эстетический фактор, но и функциональный ресурс успешности. Для младших школьников особую важность имеют наглядность, визуальная поддержка, доступность материалов и возможность самостоятельных действий. В этом смысле образовательная среда поддерживает успешность, если:

- содержит визуальные алгоритмы, в том числе и компьютерную поддержку (памятки, схемы действий, «как проверять работу», «как решать задачу» и т.д.);
- предоставляет опоры для самоконтроля (чек-листы, образцы, эталоны и др.);
- позволяет ребенку действовать самостоятельно (доступ к раздаточному материалу, организованные рабочие зоны и пр.);
- учитывает различия темпа и работоспособности (возможность выбора, работа по станциям, индивидуальные карточки и т.д.).

Визуальные опоры особенно важны для детей с неустойчивой произвольностью и повышенной тревожностью: они снижают нагрузку на память, помогают удерживать последовательность действий и тем самым поддерживают ощущение контроля над ситуацией.

В настоящее время в образовательных организациях реализуется Федеральный проект «Цифровая образовательная среда» (2025 г.) Во

всех дошкольных и общеобразовательных учреждениях создается и внедряется цифровая образовательная среда (ЦОС), под которой понимается единое пространство, объединяющее с помощью информационных систем, контентов и технических средств участников образовательного процесса (педагогов, обучающихся и их родителей (законных представителей) [7]. Цифровая образовательная среда способствует:

- доступу к качественному образованию, дистанционному и онлайн-обучению;
- автоматизации образовательного процесса;
- созданию безопасных условий для обучения;
- персонализации и индивидуализации обучения;
- повышению компьютерной грамотности и пр. [7].

Одним из центральных механизмов развития успешности в образовательной среде является создание ситуации успеха. Это не «искусственная похвала» и не снижение требований, а педагогически организованное переживание ребенком результата, достигнутого собственными усилиями. Ситуация успеха предполагает:

- посильную задачу (чтобы ребенок мог справиться при поддержке);
- понятный критерий (ребенок понимает, что считается успехом);
- признание усилий (поддерживается процесс достижения, а не только итог);
- фиксацию прогресса (подчеркивается рост по сравнению с предыдущим уровнем).

Важнейшее условие успешности заключается в регулярности. Если успех носит эпизодический характер, младший школьник не успевает сформировать устойчивую уверенность. Если же среда системно поддерживает маленькие шаги, то ребенок приобретает опыт «я могу», который становится психологической основой дальнейших его достижений.

Эффективная образовательная среда учитывает индивидуальные различия между детьми. Дифференцированные задания, уровневые карточки, вариативные формы ответа и помощь в выборе стратегии позволяют каждому ребенку действовать в зоне ближайшего развития.

Таким образом, образовательная среда является важнейшим средством проявления успешности в младшем школьном возрасте. Она создает благоприятные условия для развития учащихся, повышает их мотивацию к обучению и достижению высоких результатов.

Список цитируемой литературы:

1. Дубровина, И. В. Практическая психология образования: учебное пособие / И. В. Дубровина. – Москва: Просвещение, 2004. – 320 с.

2. Зимняя, И. А. Педагогическая психология: учебное пособие / И. А. Зимняя. – Москва: Логос, 2004. – 384 с.

3. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург: Питер, 2011. – 512 с.

4. Концепция развития психологической службы в системе образования Российской Федерации на период до 2025 года. – URL: psy.su (дата обращения: 22.02.2026).

5. Ковалева, Н. В. Психолого-педагогическое сопровождение в образовательной организации / Н. В. Ковалева, А. П. Панфилова. – Москва: Юрайт, 2020. – 218 с.

6. Прихожан, А. М. Тревожность у детей и подростков / А. М. Прихожан. – Москва: Академия, 2000. – 189 с.

7. Федеральный проект «Цифровая образовательная среда» // Министерство просвещения Российской Федерации: официальный сайт. – URL: https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos/ (дата обращения: 26.02.2026).

Гопп У.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель –Чурсина Ю.Е., канд. филол. наук

ФОРМИРОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ У ПОДРОСТКОВ СРЕДСТВАМИ ПЛАВАНИЯ: ЦЕЛИ И ЦЕННОСТИ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация

В статье рассмотрено, как регулярные тренировки помогают подросткам учиться управлять своими эмоциями и справляться со стрессом - через освоение конкретных целей и ценностей в спорте. Мы опираемся на свой опыт занятий плаванием в ОКСШОР «Спартак» (10 лет и КМС) и переход в тренерскую деятельность, а также разбираем, как дисциплина, коллективизм и осознанность становятся помощниками саморегуляции. Цель данной статьи – разобрать, почему плавание дает не только физическую форму, но и ценностно-целевые ориентиры, которые необходимы подростку.

Ключевые слова: занятия спортом; физическая активность; спортивная подготовка; саморегуляция; стрессоустойчивость; эмоциональное состояние.

Современные подростки живут в условиях постоянной неопределенности, перегруженности информацией и размытости ценностей. Все это негативно сказывается на психике ребенка: появляется тревожность, импульсивность, неумение себя остановить. Поэтому важны те сферы жизни, которые могут дать подростку возможность не просто занять свободное время, но и развить ценностно-целевые ориентиры. Спорт, особенно плавание, является именно той сферой, где цели и ценности осваиваются не формально, а через ежедневную практику.

У меня, как у автора статьи, за плечами 10 лет плавания в ОКСШОР «Спартак» и переход в тренерство, что позволяет посмотреть на проблему с двух сторон: спортсмена, прошедшего этот путь, и тренера, формирующего эти качества у ребят.

Плавание - это циклический, монотонный и командно-индивидуальный вид спорта. Пловец проводит значительное время наедине с собой и своими ощущениями, что создает особые условия для формирования его системы ценностей и целей. В игровых видах спорта не так: за эмоциональную регуляцию отвечают партнеры и постоянная смена ситуации, а в плавании ты должен справляться с этим сам.

Ценности, формируемые плаванием, можно разделить на три группы. Первая - дисциплина и структура. С первых лет занятий пловец осваивает жесткий режим: подъем в 5:00, две-три тренировки в день, соблюдение расписания. Эта ценность формирует жизненный уклад, который для подростка служит фундаментом, позволяющим постепенно выстраивать на нем внутренние механизмы саморегуляции.

Вторая группа - коллективизм и ответственность. Главная уникальность плавания заключается в том, что это командно-индивидуальный вид спорта. На старт спортсмен выходит один, но его подготовка происходит в коллективе, где каждый несет ответственность за тренировочную атмосферу. На сборах, где телефоны сдавались тренеру в 21:00 и возвращались только после последней тренировки в 19:00-20:00, живое общение становилось единственной формой коммуникации и формировало ценность настоящего общения. В коллективе спортсмен учится узнавать и корректировать свои эмоциональные проявления.

Третья группа - самостоятельность. С переходом от юношеского возраста к взрослению цели смещаются: от внешних (выполнить разряд, не отстать от сокомандников) к внутренним (понять свое тело, научиться управлять состоянием). Именно этот момент является ключевым для формирования личности. Когда спортсмен начинает задавать себе вопрос «Зачем я это делаю?», а не просто «Что мне сказали сделать?», он начинает анализировать свои мысли и эмоции и перестает обращать внимание на внешнее воздействие.

Целевая структура плавания также проходит этапы развития, которые взаимосвязаны с формированием стрессоустойчивости.

Начальный этап: цель - выдержать объемы, терпеть монотонность, соблюдать режим. Здесь формируется выносливость по отношению к дискомфорту, которая является фундаментом стрессоустойчивости.

Этап спортивного совершенствования: цель - нормативы, разряды, победы. Здесь происходит главная трансформация: неудачи и проигрыши перестают восприниматься как катастрофа и начинают ощущаться как обратная связь, что формирует ценность процесса, а не только результата.

Наш путь к разряду «Кандидат в мастера спорта» включал множество ситуаций, где цели и ценности вступали в противоречие, и именно они становились точкой роста. Например, на сборах, где проводилось по три тренировки в день, физическое утомление достигало пика на крайней тренировке. В этот момент внешняя цель «выполнить задание» сталкивалась с внутренним состоянием «я больше не могу». Именно в этом промежутке формировалась эмоциональная регуляция: мы учились не подавлять злость или отчаяние, а переводить их в действие - корректировать технику, переключать внимание на дыхание, разбивать дистанцию на отрезки. Этот навык потом отлично пригодился в стрессовых ситуациях вне спорта. Также на основе личного опыта в плавании можно выделить несколько методов психологической подготовки, которые оказались полезными как в тренировочном процессе, так и в обычной жизни:

Во-первых, при возникновении негативных ситуаций, которые могут вызвать негодование, мы используем фразу: «Абсолютно все поправимо!» Это напоминание помогает сохранять спокойствие и рационально оценивать ситуацию. Как отмечает психолог Валерий Гут, научные исследования показывают, что любая эмоция длится в среднем 15 минут, после чего её интенсивность снижается. («Алфавит отношений» В. Гут).

Во-вторых, на тренировках или стартах мы оценивали свои успехи не через сравнение с другими, а через сравнение с собственными прошлыми результатами. Такой подход заставлял загораться интересом и стремиться к развитию, забывая об усталости. «Дабы научиться очень хорошо делать что-то, человек должен превзойти самого себя» (Ангела Дакворт «Твердость характера» 2018)

В-третьих, мы напоминаем себе о важной аксиоме: «Все, что происходит в нашей жизни, является результатом наших подсознательных желаний». Важно осознавать, что каждое событие несет в себе определенную выгоду. Если что-то произошло, значит, это было важно для

нашего подсознания. Мировая психология убеждена в том, что человек и его поведение зависят от подсознательных установок, сформированных на протяжении всей жизни. «Тело — это бессознательный разум» (Джо Диспенза «Сила подсознания»).

Также особую роль в формировании личности спортсмена-подростка играет фигура тренера. В нашем опыте можно выделить два подхода.

Традиционный подход, преобладавший в начале моего пути, показывал ценность «результат любой ценой» и цель «выполнить, даже если через силу». Эмоции при этом часто подавлялись, и это формировало высокий порог терпимости, но не учило осознавать эмоции и управлять ими.

Современный подход, где тренеры начинают транслировать иные ценности и цели. Задача не заставить спортсмена «не ныть», а помочь ему понять свое состояние и найти способ работать с ним. Вместо «Терпи!» появляется «Устал? Можем изменить план тренировок». Так формируется ценность осознанного подхода к спорту и цель понимания себя.

Таблица 1

Этапы формирования ценностно-целевой структуры

Этап	Цели	Ценности	Формируемый навык
Начальная подготовка (10-12 лет)	Адаптация к режиму, освоение объема	Дисциплина	Терпимость к монотонному стрессу
Спортивное совершенствование (13-15)	Достижение результатов, выполнение разрядов	Коллективизм, ответственность	Управление эмоциями, работа в команде
Высшее мастерство (16+ лет, КМС, МС)	Самореализация, осознанное управление своим состоянием	Самоответственность	Самоанализ, самоконтроль

Проведенный анализ показывает: плавание – это не просто спорт, а особое пространство для формирования саморегуляции и стрессоустойчивости у подростков.

Ключевые ценности – дисциплина, создающая определенный ритм жизни и помогающая снизить тревожность; коллективизм, формирующий безопасное место для выражения эмоций; осознанность, определяющая переход от внешнего контроля к саморегуляции и самоанализу.

Ключевые цели – последовательное прохождение адаптации, достижение самореализации, причем самый важный момент – переход от внешнего результата к внутреннему процессу.

Тренер, который транслирует осознанность и помогает спортсмену различать свои состояния, создает условия для успешного самопознания. Навыки, полученные в спортивной жизни подростка-пловца, отлично переносятся на обычную жизнь: управление тревогой перед важными событиями, умение справляться с монотонной работой, спокойное отношение к неудачам, эмоциональная устойчивость в конфликтах.

Таким образом, плавание полезно не только как пространство для физического развития, но и как эффективная ценностно-целевая среда, воспитывающая эмоциональную зрелость у подростка. В сегодняшней ситуации спорт дает четкую структуру ценностей и понятную логику постановки целей, а внутри нее уже формируется саморегуляция, нужная в любой жизненной ситуации.

Список цитируемой литературы:

1. Исследование мотивационной основы // Offsport.r : [сайт]. – URL: https://offsport.ru/plavanie/issledovanie-motivacionnoj-osnovy.shtml (дата обращения: 09.04.2026).

2. Стричко, А. В. Влияние спорта на психологическое состояние человека / А. В. Стричко, А. А. Рубан // Форум молодых ученых. – 2023. – № 8 (84). – С. 112–115.

3. Редюкова, Е. А. Плавание и его оздоровительное значение / Е. А. Редюкова // Обучение и воспитание: методики и практика. – 2016. – № 27. – С. 45–49.

4. Ивасенко, Е. К. Особенности формирования личности в избранном виде спорта. Плавание // B17.ru: [сайт]. – 2017. – URL: https://www.b17.ru/article/79823/ (дата обращения: 09.04.2026).

5. Шифрин, Ф. От проблем с верой в себя до отсутствия чувства свободы: кто такие «ментальные тренеры» и как они помогают спортсменам // Sports.ru: [сайт]. – 2024. – URL: https://www.sports.ru/health/blogs/3226894.html (дата обращения: 09.04.2026).

Грачева О.С., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лесных Е.В., канд. филол. наук., доц.

ПУТИ РАЗВИТИЯ СОБСТВЕННОЙ МОТИВАЦИИ РУКОВОДИТЕЛЯ

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые подходы к развитию внутренней мотивации руководителя как условие эффективного управления организацией. Анализируются психологические механизмы поддержания высокой мотивации, включая целеполагание, развитие эмоционального интеллекта, рефлексию, профессиональное саморазвитие и формирование устойчивой системы ценностей. Особое внимание уделяется роли самоменеджмента и способам преодоления профессионального выгорания. Предложены практические рекомендации по построению индивидуальной траектории мотивационного развития.

Ключевые слова: мотивация руководителя; самомотивация; эмоциональный интеллект; целеполагание; профессиональное выгорание; рефлексия; саморазвитие.

В текущих обстоятельствах экономика и структуры организаций быстро меняются, поэтому к лицу на руководящей должности предъявляются серьезные запросы. И это касается не только профессиональных навыков, но и того, насколько постоянно он сохраняет желание работать. На мотивации руководителя основывается его личная продуктивность. И от этого же состояния зависит, как вовлечены в процесс подчиненные. По этой причине важно изучать способы, как управленец может развивать свою волю к труду самостоятельно. Для долгого поддержания активности внешних стимулов часто не хватает, когда речь идет о деньгах. [1, с. 112].

К фундаментальным методам развития такого состояния относится осознанное целеполагание. Если человек ставит профессиональные задачи в согласии со своими ценностями, то его деятельность обретает прочный смысл. Когда руководитель понимает долгосрочную миссию своего труда, он остается энергичным даже при неясных обстоятельствах. В таких случаях полезно использовать технологии SMART-целеполагания. И важно периодически оценивать задачи заново, если условия вокруг становятся другими [2].

Вторым важным процессом является то, как человек развивает эмоциональный интеллект. Когда руководитель распознает свои чув-

ства, он лучше контролирует внутренние побуждения. Если лидер понимает свои эмоции, он успешно переносит психическое напряжение. В таких случаях риск того, что человек потеряет интерес к работе, становится минимальным. Для этого полезно, если менеджер регулярно записывает свои мысли в дневник. К достижению такого состояния ведут упражнения mindfulness. Также важно, чтобы человек сам оценивал, в каком настроении он находится.

Третьим способом является то, как выстраивается система постоянного получения знаний. Внутренняя сила руководителя меняется, поэтому ему нужно постоянно изучать новые управленческие инструменты. При участии в профессиональных сообществах у специалиста сохраняется интерес к делу. Для роста полезно, когда наставники дают обратную связь по итогам работы. По данным исследований организационного поведения, лидеры показывают высокую заинтересованность, если они постоянно учатся. Но те, кто использует только старый опыт, реже сохраняют продуктивность.

Важным аспектом развития мотивации является также работа с профессиональным выгоранием. Симптомы эмоционального истощения, деперсонализации и снижения личных достижений разрушают мотивационную структуру личности. Для их преодоления необходимо внедрять практики восстановления: соблюдение баланса «работа – личная жизнь», делегирование полномочий, формирование поддерживающего окружения, а также своевременное обращение к методам психологической самопомощи [3].

Напоследок, ценностная рефлексия является важным инструментом для работы. Когда руководитель обдумывает причины своих поступков, он соотносит решения с тем, во что верит. В этом случае человек действует по своей воле, а не под влиянием других. Если мотивация исходит из личного выбора, лидер сохраняет стабильность в сложные времена. Для сравнения, страх перед санкциями дает лишь временный эффект. Но автономная мотивация опирается на то, что человек считает правильным. По этой причине она помогает сохранять силы, когда внешние обстоятельства меняются [4].

Таким образом, пути развития собственной мотивации руководителя лежат в плоскости системной работы с целями, эмоциональной саморегуляции, непрерывного профессионального развития, профилактики выгорания и ценностного самоопределения. Интеграция указанных подходов позволяет сформировать индивидуальную систему самомотивации, которая становится основой как личной эффективности руководителя, так и результативности возглавляемого им коллектива.

Список цитируемой литературы:

1. Макгрегор, Д. Человеческая сторона предприятия / Д. Макгрегор ; перевод с английского. – Москва: Альпина Паблишер, 2019. – 286 с.
2. Друкер, П. Ф. Эффективный руководитель / П. Ф. Друкер; перевод с английского. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2020. – 240с.
3. Ньюстром, Д. В. Организационное поведение: человеческое поведение на рабочем месте / Д. В. Ньюстром, К. Дэвис ; перевод с английского. – Санкт-Петербург : Питер, 2018. – 448 с.
4. Деси, Э. Л. Самодетерминация: психология мотивации / Э. Л. Деси, Р. М. Райан ; перевод с английского. – Москва : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2021. – 456 с.

Грачева О.С., студент
Шаповалова И.Б., канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк

СПЕЦИФИКА УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ПЕРСОНАЛА МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМБИНАТА

Аннотация

В статье рассматриваются особенности управления развитием персонала на предприятиях черной металлургии. Металлургический комбинат – крупное предприятие с наличием разнообразных сложных и масштабных производственных процессов. В числе специфических характеристик - непрерывный цикл, высокий класс опасности, невозможность остановки производства без значительных материальных и временных потерь, большая энергоемкость. Эти и другие особенности работы металлургического комбината создают свою специфику управления развитием персонала.

Ключевые слова: металлургический комбинат, развитие персонала, кадровый резерв, профессиональные стандарты.

Управленческая задача, связанная с развитием персонала на металлургическом комбинате (МК), не укладывается в рамки какого-либо одного функционального направления. Она располагается в зоне пересечения трех разнородных сфер: производственной необходимости, экономического расчета и социальных обязательств предприятия. Металлургия относится к числу базовых отраслей, причем таких, где

высокая капиталоемкость производства напрямую обостряет зависимость конечного результата от действий работника.

Поскольку при стратегическом подходе увеличивается число направлений деятельности по обеспечению организации персоналом, должна быть изменена и система управления данным процессом. В частности, по мнению А.А. Смирнова, должно быть создано подразделение по рекрутинговому маркетингу, которое подчиняется не службе маркетинга, а службе управления человеческими ресурсами (персоналом), и в его функции включается исключительно управление брендом работодателя [4].

Специфика кадровой работы на металлургическом комбинате формируется под воздействием нескольких факторов, каждый из которых вносит собственные ограничения. Градообразующий статус большинства МК привязывает управленческие решения к социальной инфраструктуре города – разрыв этой связи чреват последствиями, выходящими за рамки отдельного предприятия. Отраслевые риски (вредные условия, повышенный травматизм) переводят вопросы развития персонала из плоскости HR в область промышленной безопасности, где цена ошибки измеряется человеческой жизнью. К этим обстоятельствам добавляется жесткая регламентация: система допусков, требования к аттестации, правила безопасности, – а также длительный горизонт окупаемости инвестиций в обучение. В такой конфигурации традиционные методы HR-менеджмента, зарекомендовавшие себя в секторе услуг или легкой промышленности, оказываются неприменимы без глубокой адаптации. То, что эффективно в офисе, на прокатном стане требует совершенно иной логики внедрения и иных критериев оценки результата.

Крупный металлургический комбинат функционирует не как изолированное производственное звено, а как сложный производственно-территориальный комплекс, где кадровые решения неизбежно затрагивают инфраструктуру города и социальные взаимосвязи. И инфраструктура, и население, и другие факторы, находящиеся за рамками полномочий менеджеров комбината, выступают ограничениями по принимаемым решениям.

Иная группа ограничений связана с непрерывностью технологической цепочки. Остановка доменной печи или конвертера – не просто пауза в работе, а событие, влекущее многомиллионные потери и риск выхода оборудования из строя. В проектных или дискретных производствах такие риски распределены во времени, здесь же они сконцентрированы в каждой минуте простоя. Система подготовки кадров поэтому обязана исключать сценарий, при котором носитель критической профессии (горновой, сталевар, вальцовщик) выбывает из про-

цесса, не оставляя подготовленной замены. Именно из этого требования вырастает приоритет института дублеров и кадрового резерва – причем не столько на уровне управленческих позиций, сколько в операторском и ремесленном слое, где дефицит замены ощущается острее всего.

Добавляется и фактор режимной жесткости, завязанный на промышленную безопасность. Металлургия устойчиво входит в число трех отраслей с наиболее высокими показателями травматизма, и любые мероприятия по обучению оказываются встроены в логику допуска к работам повышенной опасности. Получение формального свидетельства о повышении квалификации само по себе не гарантирует сформированности навыков безопасного ведения работ – разрыв между документом и реальной компетенцией здесь особенно опасен. Управление развитием персонала, следовательно, не может существовать как обособленная функция: оно оказывается интегрированным в контур производственной безопасности и охраны труда, подчиняясь тем же регламентам и проверочным процедурам.

С.А. Кушка приводит примеры привлечения персонала к решению проблем предприятия – это инструменты «Фабрика идей» и «Доска решения проблем» Уральской горнометаллургической компании. С помощью данных инструментов любой сотрудник от младшего звена до руководителя может изменить свое рабочее место, участок, подразделение и внести вклад в совершенствование компании [3].

Формирование кадровой стратегии на металлургическом комбинате сталкивается с трудноразрешимым противоречием в самом определении целевого профиля работника. Прежние десятилетия выработали ценностный ориентир, ориентированный на «рабочего-ремесленника» – специалиста, чей тактильный опыт и сенсорная чувствительность позволяли оценивать ход технологического процесса по косвенным признакам: изменению вибрации, оттенку шлака, акустическим сигналам работающего агрегата. Современное производство требует от того же работника уверенного владения человеко-машинными интерфейсами (ЧМИ), ориентации в MES и ERP-системах. Два этих набора навыков – эмпирический и цифровой – сосуществуют с трудом, и попытки совместить их в одном человеке нередко дают противоречивые результаты.

Целесообразно рассматривать структуру необходимых профессиональных качеств как трехуровневую конструкцию, где каждый уровень формируется собственными инструментами и имеет различные источники воспроизводства.

Нижний, фундаментальный слой образуют базовые отраслевые знания. Сюда относится понимание физико-химической сути процес-

сов, поведения металлов при различных режимах обработки, конструктивных особенностей оборудования. Корпоративные университеты и отраслевые технические школы справляются с передачей этих знаний достаточно успешно – они опираются на устоявшиеся методики и могут масштабироваться без привязки к конкретному агрегату.

Следующий слой – операционно-технологический – к таким универсальным методикам невосприимчив. Речь идет о навыках управления конкретными агрегатами, скажем, в электросталеплавильном или прокатном переделах. Многие установки эксплуатируются по 30–50 лет, их поведение в нештатных режимах не фиксируется в регламентах в полном объеме, а передача нюансов управления происходит через наставничество и систему дублирования – прямой трансфер от опытного работника к сменщику.

Верхний уровень – цифровые и аналитические компетенции. Требуется не просто умение считывать показания датчиков, а способность интерпретировать массивы данных, работать с цифровыми двойниками оборудования, применять инструменты прогнозной аналитики для предупреждения отклонений.

Воспроизводство всех трех уровней осложняется тем, что внешний рынок образовательных услуг предлагает здесь ограниченную помощь. Уникальность оборудования (доменные печи индивидуальной конструкции, прокатные станы с нестандартной компоновкой) делает сторонние учебные программы либо избыточно общими, либо вовсе неприменимыми. Комбинаты оказываются перед необходимостью создавать собственную экосистему подготовки – мощные корпоративные учебные центры (КУЦ), оснащенные тренажерными комплексами.

Таким образом, современная специфика управления развитием персонала металлургического комбината предполагает, что объектом управления выступает не текущая расстановка работников, а совокупный человеческий капитал. В рамках такой логики предполагается, что цифровые инструменты внедряются повсеместно, но при этом сохраняется и институт наставничества, выполняющий функцию передачи неформализованных знаний. Ведется разработка гибкой модели компетенций, которая должна одновременно охватывать и уникальные навыки работы с физическими процессами, и цифровую грамотность – два набора качеств, редко сочетающихся в одном специалисте. В новой технологической конфигурации требования к квалификации персонала возрастут многократно, и предприятия, не выстроившие заблаговременно целостную систему подготовки, окажутся в положении догоняющих.

Список цитируемой литературы:

1. Братарчук, Т. В. Перспективы внедрения инновационных технологий в металлургической промышленности России: от энергоэффективности до экологичности производства / Т. В. Братарчук, А. Ботсваку // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. – 2024. – № 2. – С. 59–67.

2. Журавлева, О. В. Формирование системы кадрового резерва как основного элемента управления карьерой / О. В. Журавлева, Н. В. Дмитриева, А. Г. Панова, О. Н. Митрофанова // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 3 (152). – С. 950–958.

3. Кушка, С. А. Инструменты мотивации и вовлечения персонала предприятия металлургического профиля / С. А. Кушка, Е. Е. Лагутина // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2022. – № 11-4 (74). – С. 190–198.

4. Смирнов, А. А. Стратегический подход к управлению системой обеспечения компании квалифицированными кадрами / А. А. Смирнов, И. А. Кулькова // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15, № 3. – С. 1–9.

Данилина А.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Чурсина Ю.Е., канд. филол. наук

ВОЗДЕЙСТВИЕ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА КОГНИТИВНЫЕ СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: МЕХАНИЗМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Аннотация

Способность мозга адаптироваться и развиваться под воздействием языковой практики — именно этому посвящено исследование, которое представлено в данной статье. В центре внимания находится английский язык как инструмент, формирующий когнитивные процессы: концентрацию внимания, аналитическое мышление, память и общую мозговую активность.

Ключевые слова: когнитивные трансформации, воздействие языкового обучения на интеллектуальные способности, английский язык.

Примечательно, что интерес к иностранным языкам в системах образования по всему миру возник не случайно. Технологический прогресс, стремительно набирающий обороты в последние десятилетия, вместе с нарастающей взаимосвязанностью государств и культур породил острую потребность в универсальном средстве коммуникации. Английский язык занял эту нишу, превратившись в обязательный элемент учебных программ большинства стран мира.

Таким образом, за стремлением овладеть английским стоит не только практическая необходимость общаться на международной арене, но и глубокий когнитивный потенциал, который раскрывается в процессе его изучения.

Сравнительный анализ когнитивных показателей между теми, кто занимается освоением английского, и теми, кто изучает иные иностранные языки, составляет одну из ключевых задач настоящей работы — он призван выявить существенные различия между данными группами. Помимо этого, в ходе исследования предпринимается попытка определить, какие именно когнитивные способности претерпевают изменения под воздействием изучения английского языка. В центре внимания находится вопрос о том, каким образом целенаправленное и активное изучение английского сказывается на мыслительных процессах человека — в частности, на его способности концентрироваться, удерживать информацию в памяти и выстраивать логические умозаключения.

Когнитивные трансформации, возникающие под влиянием изучения английского языка, составляют центральную проблематику данной работы. Для сбора первичных данных был применён специально составленный опросник, позволивший получить измеримые сведения об интенсивности и методах языковой подготовки респондентов. Анализ нейронных изменений, происходящих в процессе освоения иностранного языка, потребовал объединения эмпирической базы с теоретическими положениями — именно такой синтез лёг в основу методологии исследования. Таким образом, работа направлена на всестороннее изучение того, каким образом приобретение языковых компетенций преобразует механизмы мышления и обработки информации в человеческом мозге.

В общей сложности в исследовании участвовали тридцать человек в возрасте от 18 до 50 лет, разделённых на две основные категории. Молодёжь от 18 до 25 лет, проходящая обучение английскому в рамках учебных программ, составила большую часть выборки — около 60%. В основу работы лёг опросник, позволяющий оценить частоту занятий, продолжительность освоения языка и достигнутый уровень владения им. Чтобы охватить максимально широкий спектр факторов, определяющих характер языкового освоения, к участию привлекались

люди разных возрастных категорий — от учащихся до представителей взрослого населения. Подобный подход к формированию выборки дал возможность точнее установить оптимальное число респондентов, необходимых для получения достоверных результатов.

В три смысловых блока была разделена онлайн-анкета, включавшая 15 вопросов, посредством которой осуществлялся сбор данных — с последнего дня марта по пятое апреля 2025 года. Демографический профиль участников формировался на основе сведений о роде их занятий, полученном образовании и возрасте — всё это составляло первый блок. Третий блок был посвящён языковой компетентности респондентов: их уровень определялся согласно международной шкале CEFR, охватывающей диапазон от начального A1 до продвинутого C2. Второй блок фокусировался на опыте освоения английского языка и включал сведения о том, как часто участники занимаются — от ежедневной практики до эпизодических занятий, — а также о продолжительности обучения, которая могла составлять менее года, от одного до трёх лет либо превышать трёхлетний порог.

Среди респондентов значительную долю — 40% — составляли люди среднего возраста от 26 до 50 лет, часть из которых активно осваивала английский язык, тогда как другие к его изучению не приступали. Для измерения субъективного восприятия собственных достижений в завершающем разделе анкеты использовалась пятиступенчатая шкала Ликерта — в частности, респондентам предлагалось оценить, насколько улучшилась их способность к концентрации с момента начала языковых занятий.

Ключевым элементом любого научного исследования неизменно остаётся грамотная работа с полученными данными — их систематизация и последующая интерпретация. В ходе реализации настоящего проекта был задействован широкий спектр аналитических подходов, позволивших в равной мере обработать как статистические показатели, так и описательные сведения, зафиксированные посредством анкетирования.

Анализ количественных показателей позволил установить ряд значимых тенденций. В частности, было обнаружено, что продолжительность языковой практики существенно сказывается на когнитивных характеристиках испытуемых: у тех, кто занимается свыше трёх лет, показатели рабочей памяти превышают аналогичные результаты начинающих примерно на треть.

Для математической обработки собранных эмпирических данных использовались профессиональные программные инструменты, позволяющие проводить как описательную, так и индуктивную статистику. В рамках применяемых методов вычислялись средние арифметические

величины, а степень вариативности данных оценивалась через показатель стандартного отклонения.

Стоит также отметить, что когнитивные изменения во многом определяются возрастом участников: если среди молодёжи преобладало развитие творческого мышления (4,2 балла из 5), то взрослые учащиеся демонстрировали преимущественный прогресс в области структурирования информации (4,0 балла из 5). Немаловажно и то, что степень владения языком напрямую соотносится с активизацией когнитивных функций — те, кто достиг уровня B2 и выше, в значительно большем числе случаев фиксировали положительную динамику в концентрации внимания (72%) и развитии логики (65%). У начинающих же, чей уровень не превышает A1–A2, аналогичные показатели оказались существенно скромнее: 48% и 40% соответственно.

Критическое и аналитическое мышление активно развивается в процессе языковой практики — и это далеко не ограничивается простым запоминанием слов или грамматических конструкций. Примечательно, что рабочая память, играющая ключевую роль в обработке информации, заметно укрепляется под влиянием языковых занятий. Те, кто регулярно практикует иностранный язык, превосходят своих сверстников, не занимающихся лингвистикой, по целому ряду показателей: способности концентрироваться, удерживать информацию и находить решения в сложных ситуациях.

Согласно полученным научным данным, изучение английского оказывает выраженное положительное воздействие на когнитивные функции человека в целом, а также — на развитие творческого потенциала, концентрации и памяти, в частности. Данный вывод наглядно подтверждается результатами проведённого исследования. Подчеркнем, что испытуемые, не уделявшие времени языковой практике, существенно уступали в тестовых показателях тем участникам, которые целенаправленно занимались английским: последние продемонстрировали значительно более высокий уровень многозадачности и рабочей памяти. Подобный эффект объясняется тем, что погружение в иноязычную среду вынуждает мозг постоянно адаптироваться, перерабатывать и структурировать поступающую информацию. Люди, систематически практикующие английский, значительно легче справляются с параллельным восприятием и удержанием большого объёма данных. Всё это убедительно свидетельствует о том, что изучение иностранного языка является одним из наиболее действенных способов укрепить и развить когнитивные функции.

Связь между нейропластичностью мозга и изучением иностранных языков оказалась одним из ключевых результатов проведённого исследования. Укрепление когнитивных функций через языковое обу-

чение открывает широкие возможности для педагогической и психологической науки, а также служит действенным инструментом поддержания умственной активности, что особенно актуально в пожилом возрасте. Снижение риска возрастных неврологических расстройств, в частности деменции и болезни Альцгеймера, напрямую связано с формированием новых нейронных связей в процессе освоения языка. Помимо этого, изучение английского положительно сказывается не только на успеваемости, но и на общем ощущении благополучия и удовлетворённости жизнью.

В заключение отметим, что когнитивные способности человека во многом определяются тем, насколько активно он занимается освоением иностранных языков, и английский в этом отношении занимает особое место. Помимо очевидной практической пользы в профессиональной и социальной среде, его изучение запускает целый ряд умственных процессов. В эпоху стремительных перемен крайне важно не останавливаться на достигнутом и продолжать поиск наиболее эффективных методик и подходов, способных максимально раскрыть интеллектуальный потенциал обучающихся.

Список цитируемой литературы:

1. Игнатенко, Н. А. Подкасты на английском языке для индивидуальной работы студентов продвинутого уровня изучения иностранного языка / Н. А. Игнатенко // Язык и культура. – 2016. – № 1 (33). – URL: tsu.ru (дата обращения: 02.06.2026).

2. Крылова, Е. А. Технология смешанного обучения в системе высшего образования / Е. А. Крылова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2020. – Вып. 1 (207). – С. 86–93. – URL: tspu.edu.ru (дата обращения: 02.06.2026).

3. Курбакова, М. А. Способы оптимизации процесса изучения иностранного языка (современное использование психотерапевтического метода доктора Лозанова) / М. А. Курбакова // Язык и культура. – 2016. – № 3 (35). – URL: tsu.ru (дата обращения: 02.06.2026).

4. Мильруд, Р. П. Коммуникативная компетенция или коммуникативная готовность изучающих язык к общению / Р. П. Мильруд, И. Р. Максимова // Язык и культура. – 2017. – № 38. – URL: tsu.ru (дата обращения: 02.06.2026).

Джуматова А.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Тонких А.Г., преподаватель СПО

ПАТРИОТИЗМ И ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ КАК ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация

В статье рассматриваются особенности формирования ценностных ориентиров личности в современной России. Анализируются ключевые категории - патриотизм, свобода и успех – в контексте социокультурных и исторических трансформаций российского общества. Особое внимание уделяется противоречиям между индивидуальной свободой и общественной ответственностью, а также переосмыслению понятия успеха в условиях изменяющихся социальных реалий.

Ключевые слова: патриотизм, гражданственность, ценностные ориентиры, любовь к Родине.

В современной России тема ценностных ориентиров становится всё более актуальной. Общество меняется, появляются новые взгляды, и вместе с этим меняется представление человека о самом себе, своих целях и месте в жизни. В подобных условиях особенно важно разобраться, какие ориентиры помогают формированию личности.

Среди таких ориентиров можно выделить патриотизм, свободу и успех.

Важнейшими ориентирами современного российского общества являются патриотизм и гражданственность. Упоминание этих категорий все чаще встречается в средствах массовой информации, а также сопровождает весь учебный процесс в образовательных организациях разного уровня.

При всём этом, каждый человек имеет собственное представление о сути патриотизма. Для кого-то патриотизм – это любовь к Родине и готовность действовать в её интересах. Однако сегодня молодое поколение формирует новые представления о патриотизме, связывая его со свободой и успехом. В данном контексте необходимо рассмотреть соотношение этих понятий и влияние на формирование личности.

Патриотизм – это не просто громкие слова о любви к Родине, а глубокое чувство, которое формируется у человека с детства. Многогранная история нашей страны во многом повлияла на мировоззрение людей. С детства нам рассказывают о важных событиях, о подвигах

людей, о трудных периодах, через которые прошла страна. Все это формирует уважение к прошлому и понимание того, что современное общество является результатом долгого исторического пути. Поэтому именно через патриотизм человек зачастую осознает себя как часть общества и государства.

Сегодня патриотизм проявляется не только в словах, но и в поступках. Это может быть участие в общественной жизни, волонтерство, уважение к законам и к другим людям [4]. В этой связи, настоящий патриот своей страны всегда должен стремиться к улучшению жизни в стране, он не просто только хвалит, но хочет сделать свою страну лучше. Однако настоящий патриотизм не должен ограничивать личность, а наоборот - вдохновлять её на развитие.

Гражданственность представляет собой интегральное качество личности, выражающееся в осознании своих прав и обязанностей как гражданина, ответственности за судьбу страны, уважении к законам, готовности действовать в интересах общества и государства. Данное определение имеет под собой законодательную основу и содержится в ряде нормативно-правовых актов (например, Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года») [5]. Стоит заметить, что в указанном акте гражданственность рассматривается через формирование социально ответственной личности, разделяющей традиционные духовно-нравственные ценности [3, с. 397].

Гражданственность можно рассматривать как важную характеристику личности, которая отражает степень её включённости в общественную жизнь и осознание своей роли в государстве. Она проявляется, прежде всего, в уважении к законам и нормам, принятым в обществе, а также в понимании своих прав и обязанностей.

Одной из ключевых составляющих гражданственности является чувство ответственности не только за собственные поступки, но и за состояние общества в целом. Человек с развитой гражданской позицией стремится участвовать в общественной жизни, проявляет интерес к социальным и политическим процессам, не остаётся равнодушным к проблемам окружающих [6, с. 77]. Важную роль играет и ценностный компонент: уважение к другим людям, готовность к сотрудничеству, справедливость и гуманизм. Кроме того, гражданственность тесно связана с чувством принадлежности к своей стране, её культуре и истории, что формирует устойчивую гражданскую позицию. В целом данное качество объединяет правовые знания, нравственные установки и активную жизненную позицию, позволяя человеку полноценно реализовывать себя как члена общества.

В условиях сложных социальных и политических процессов гражданственность становится своего рода связующим звеном между личностью и государством. Она способствует укреплению общественной стабильности, формированию доверия к институтам власти и развитию правовой культуры [1, с.107].

Формирование гражданственности происходит не стихийно, а через деятельность различных социальных институтов. Основополагающим институтом в данном случае является семья. В ней закладываются базовые ценности, нормы поведения и отношение к обществу. Именно в семье человек впервые усваивает представления о долге, ответственности и уважении к другим людям. Образовательные учреждения - школы, колледжи и вузы - продолжают этот процесс, формируя у молодёжи знания о государстве, праве, истории и культуре страны. Через учебные программы и воспитательную работу они развивают гражданскую позицию и критическое мышление.

Значительную роль играют государственные институты, включая органы власти и правовую систему, которые задают нормативные рамки гражданского поведения и обеспечивают реализацию прав и свобод. Средства массовой информации влияют на формирование общественного мнения и ценностных ориентиров, а общественные организации и движения создают возможности для участия граждан в социальной и политической жизни. В совокупности эти институты формируют гражданскую идентичность личности и способствуют развитию активного и ответственного общества [2, с. 49].

Подводя итог вышесказанному, гражданственность и патриотизм неразрывно связаны между собой. Патриотизм служит ценностным ориентиром, формирует любовь к Родине, воспитывает чувство гордости за ее историческое и культурное наследие, порождает готовность служить ее интересам, создает эмоциональную привязанность к своей стране и своему народу. В свою очередь, гражданственность проявляется в осознанном выполнении лицом своих гражданских прав и обязанностей. Она включает в себя набор инструментов, используемых для реализации упомянутых выше чувств. Объединяют эти две категории общие ценности, среди которых можно назвать заботу о будущем родной страны и последующих поколениях, уважительное отношение к ее традициям, проявление ответственного отношения перед обществом. Гармоничное сочетание патриотизма и гражданственности порождает сознательного гражданина, искренне вовлеченного в дела своей страны. Он не ограничивается лишь движимыми им эмоциями, а преобразует собственные чувства в благие созидательные действия на пользу обществу и государству.

Список цитируемой литературы:

1. Багдасарян, А. С. Патриотизм и гражданская идентичность в эпоху искусственного интеллекта: вызовы и возможности / А. С. Багдасарян, В. В. Лыткин // Тенденции развития науки и образования. – 2025. – № 119-1. – С. 106-109.

2. Макарчук, А. И. Герменевтика патриотизма: динамическая модель интерпретации «образа родины» в структуре политического сознания студенческой молодежи / А. И. Макарчук // Динамика систем, механизмов и машин. – 2025. – Т. 13, № 1. – С. 47-50.

3. Погодина, И. В. Научный патриотизм: возможно ли законодательное регулирование? / И. В. Погодина // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2025. – Т. 70, № 2. – С. 396-399.

4. Российская Федерация. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

5. Российская Федерация. Президент (В. В. Путин). О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // Российская газета. – 2024. – № 100.

6. Симоненко, Д.В. Патриотическое воспитание молодого поколения как основа национальной идентичности / Д.В. Симоненко // Вестник науки и образования. – Ростов-на-Дону. – 2020. – № 18-1 (96). – С. 74-79.

Дьяков Н.С., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель - Рыжкова И. Д., канд. юрид. наук

БАЗОВЫЕ ПРАВИЛА СОЗДАНИЯ ЦИФРОВОЙ РЕПУТАЦИИ

Аннотация

В данной статье рассматривается, как изменились наши возможности транслировать информацию о себе во внешний мир, анализируется влияние информационных технологий на нашу жизнь, а также раскрываются базовые понятия цифровой репутации. Многие пользователи соцсетей забывают о том простом факте, что, помимо близкого круга друзей, доступ к вашей информации в сети может получить

практически любой человек, даже если вы ограничили настройки приватности.

Ключевые слова: интернет; цифровая репутация; социальные сети; фейковые странички; личность; публичность; цифровой маркетинг; информация.

Понятие репутации не меняется уже как минимум три последних века, но кое-что всё же изменилось. Изменились наши возможности транслировать информацию о себе во внешний мир. Влияние информационных технологий на нашу жизнь, особенно в последние два десятилетия, существенно расширило зону репутационного влияния человека. Личные высказывания, привычки, интересы, конфликты — всё это может стать достоянием не пары десятков или даже сотен человек из вашего ближайшего окружения, но будет доступно миллионам. Если до взрывного роста социальных сетей круг общения человека был ограничен как географически, так и социально, то сейчас видео с вашим участием может в считанные часы получить аудиторию в миллионы человек по всему миру.

Давайте разберем правила поведения в сети, правила цифровой безопасности и создания личностного контента, следуя которым вы сможете, во-первых, минимизировать риски для вашей личной цифровой репутации, а во-вторых, получить многие из тех преимуществ, которые открывает для нас мир цифровой экономики. Правила, которые будем разбирать, сформулировал и привел в единую систему профессор Эрик Куалман, американский писатель, профессор Международной школы бизнеса Hult, автор мировых бестселлеров «Как соцмедиа изменили наш образ жизни и наш бизнес» и «Цифровое лидерство: пять простых уроков для достижения успеха». Эти принципы формирования репутации в сети Эрик Куалман опубликовал в своей книге «Безопасная сеть. Правила сохранения репутации в эпоху социальных медиа и тотальной публичности». Это простые правила, большинство из которых мы соблюдаем, даже не задумываясь об этом. Точно так же, как нарушаем некоторые из них, не думая о последствиях.

Управление цифровой репутацией — это системный, последовательный и долгосрочный проект, основанный на стратегии выстраивания нужного вам контента, связанного с вашей личностью в сети. Собранные в единую систему, эти правила позволяют эффективно проводить аудит вашей цифровой активности и по возможности избегать ошибок. Впрочем, правила Эрика Куалмана говорят нам, что вопрос не в том, совершите ли вы ошибки. Конечно, вы их совершите и ни один раз. Более того, не надо бояться ошибок в сети. Главный вопрос в том, как минимизировать ущерб.

Перейдем к более подробному разбору — что же это за простые, удобные и эффективные правила. Ниже приведены 12 правил формирования цифровой репутации:

1. Здравый смысл торжествует не всегда.
2. Живите так, как будто на вас смотрит ваша мать.
3. Живите как можно проще.
4. Заполните ваш профиль на сетевых площадках.
5. Не публикуйте слухи.
6. Честность и репутация теперь одно и то же.
7. Что является вашим цифровым компасом?
8. Имейте недостатки.
9. Неприкосновенность частной жизни — это ваша проблема.
10. Публикуйтесь в сети под одним никнеймом.
11. Жаловаться — иметь проблемы.
12. Публикуйтесь вперед.

Первое правило (оно первое не только по номеру в списке, но именно по своей важности) определяет главную проблему той темы, которую мы с вами разбираем. Здравый смысл торжествует не всегда! Афоризм Иосифа Бродского «На каком-то этапе понял, что я - сумма своих действий, поступков, а не сумма своих намерений» в применении к цифровой реальности получает совершенно новое прочтение. По итогам массовых опросов пользователей Twitter, несколько лет назад выяснилось, что каждый третий из опрошенных сожалеет о чем-либо, что попало в сеть. Следующее правило — живите так, как будто на вас смотрит ваша мать. Многие пользователи соцсетей забывают о том простом факте, что помимо близкого круга друзей, доступ к вашей информации в сети может получить практически любой человек. Даже если вы ограничили настройки приватности, то вы не можете быть уверены, что кто-то из ваших друзей не разместит забавную фотографию с вами или видео после вечеринки на свои ресурсы, которые не защищены настройками вовсе. Факты, которые, возможно, заставят вас задуматься еще больше:

• Около 70% специалистов по подбору персонала в США признавались, что хоть раз отказали кандидатам из-за информации, опубликованной на их страницах в соцсетях. Это был опрос 2010 года. Сейчас количество отказов работодателей, связанных с анализом контента в сети, выросло в разы.

• Все места массового скопления людей оснащены камерами с распознаванием лиц. Эти факты приводят нас к еще более интересной мысли: вероятность того, что хамское поведение автомобилиста на дороге или ссора матерей на детской площадке, или неспортивное поведение во время соревнований будет зафиксировано и мгновенно выложено в сеть

в наше время, приближается к 100%. То есть вы никоим образом не контролируете возможный видеоконтент с вашим участием, который может оказаться завтра на YouTube. Просто подумайте об этом.

Дальше у нас идут сразу два правила, которые тесно взаимосвязаны: живите как можно проще и публикуйтесь в Интернете под своим именем. Стив Джобс с гордостью заявлял, что есть вещи, которые он и его компания Apple решили не делать. Если вы поддерживаете всё, то вы не поддерживаете ничего. Если у вас десять страниц в соцсетях, да еще и под разными именами, ваша эффективность по управлению репутационными рисками будет снижаться. Чем больше и разнообразнее ваше присутствие в сети, тем больше времени и ресурсов на это требуется. Попытки работодателей на заре появления цифрового маркетинга обязать своих сотрудников заниматься в дополнение к их обычным обязанностям ведением корпоративных соцсетей потерпели сокрушительное поражение. Сейчас это отдельные отделы и целые департаменты, где множество людей работают над формированием корпоративного бренда.

Создание личного цифрового двойника — тоже работа, а поэтому не распыляйте свои силы и ресурсы. Выделите главное. Определите, кто вы как частное лицо? Какие темы вас интересуют больше всего? Чаще пишите тексты или выкладываете фотографии? Любите короткие видео или обстоятельную аналитику? Хотите вести бизнес или выкладывать фото котиков? Ваши интересы, склонности, сильные стороны помогут не только выбрать оптимальную сетевую площадку, но и исключить присутствие там, где вероятность повредить свою цифровую репутацию наиболее высока.

Отдельно встает вопрос фейковых страничек. Иногда за фейковыми страницами в соцсетях стоят банальные житейские проблемы, иногда это более сложные психологические причины: желание почувствовать свободу от внимания друзей и подписчиков, необходимость анонимности для поиска партнера, конфликты в реальности, которые находят вас и в сети. Почему это опасно? Потому что надо обладать очень специфическими навыками, чтобы при современных возможностях поиска в сети (по фотографиям, по вычислению IP-адреса и т. д.), во-первых, не выдать себя, а во-вторых, не навлечь на себя подозрение в мошенничестве.

Фейковые аккаунты очень активно создаются именно для мошеннических действий в сети. И доказательство того, что вы имеете фейковые страницы, а может, и не одну, способно навредить вашей цифровой репутации самим этим фактом. Кроме того, существует вероятность, что вы просто забудете про старые фейковые аккаунты, и эта информация всплывет во время собеседования при приеме на работу. Попытка

скрыть свои страницы в сети сейчас рассматривается как нарушение корпоративной этики и может иметь для вас неприятные последствия.

Раскрутка видеоклипа неизвестного исполнителя до миллиардной аудитории по всему миру традиционными методами стоила бы продюсерской компании десятков миллионов долларов и несколько лет работы, хотя и тогда результат был бы не гарантирован. Аудитория соцсетей сделала это бесплатно за несколько часов, превратив его буквально в мировую звезду. Каждый жест, каждое слово, каждое движение будет зафиксировано тысячами камер и выложено в сеть. В 2005 году оплошность в высказывании, или неожиданное восклицание, или неприличный жест забылся бы через несколько дней. Сейчас такой возможности уже нет. Всё будет снято на видео и разойдется по сети.

Всё, что происходит в вашей жизни, сохраняется в цифровом измерении. По сути, у вас появился цифровой клон личности, который обладает собственной цифровой репутацией. С тем уровнем развития сети, который есть сейчас, неприкосновенность частной жизни умерла!

Если вы думаете, что эта проблема внезапной популярности в сети грозит только знаменитостям — людям, которые изначально ведут открытый образ жизни и жаждут общественного внимания, то это не так. По последним данным, в сети хранится полная информация на 92% всех детей планеты в возрасте до пяти лет от момента рождения (а иногда и зачатия) с ежедневным таймингом их жизни: от момента родов до мельчайших деталей взросления, включая довольно смущающие фотографии, которые в прошлом были надежно скрыты в семейных фотоальбомах. Таким образом, все эти дети, которые еще не умеют читать, писать, делать фотографии и пользоваться соцсетями, уже имеют цифрового двойника и, соответственно, цифровую репутацию, которая на данном этапе зависит исключительно от чувства меры их родителей.

Вы не можете быть уверены, что ваша удачная (или, наоборот, очень неудачная) фотография не окажется завтра в подборке лучших мемов Рунета. Хотите вы этого или, напротив, не хотите. И создана эта база на основе информации, которую люди выкладывали в сеть абсолютно добровольно. Многое из того, что происходит в вашей жизни, сохраняется в цифровом измерении. Вы сами выкладываете о себе информацию — оставляете цифровые следы. Фотографии и данные о детях, которые выкладывают их родители и родственники, информация о вас, которую выкладывают другие люди, называется цифровой тенью. Цифровые следы и цифровая тень — и вот у вас появился слепок вашей личности в сети. А совокупное мнение окружающих об этом цифровом двойнике называют цифровой репутацией.

Список цитируемой литературы:

1. Синаторов, С. В. Информационные технологии в профессиональной деятельности : учебное пособие / С. В. Синаторов, О. В. Пикулик. – Москва : ИНФРА-М, 2022. – 277 с. – URL: znanium.ru (дата обращения: 02.06.2026).

2. Овчинников, А. И. Безопасность личности и государства в цифровую эпоху: политико-правовой аспект / А. И. Овчинников // Журнал российского права. – 2020. – № 6. – С. 5–21. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=43115810 (дата обращения: 02.06.2026).

Ефанова А.С., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Чурсина Ю.Е., канд. филол. наук

УРОВЕНЬ ВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ УВЕРЕННОСТИ В СЕБЕ

Аннотация

В статье рассматривается влияние уровня владения иностранным языком на уверенность в себе через ключевые аспекты: психологическое воздействие, социальные и карьерные преимущества, практические механизмы влияния.

Ключевые слова: самооценка, иностранный язык, личностное развитие, уверенность, коммуникативные навыки.

В начале рассмотрим статистику изучения иностранных языков в России и мире.

Изучение иностранных языков — всемирный тренд, связанный с глобализацией, развитием технологий и потребностями рынка труда. Ниже представлены ключевые статистические данные по России и миру. Глобальная статистика изучения языков выглядит следующим образом.

Самыми изучаемыми языками в мире (2020–2024) являются английский – 1.5 миллиарда изучающих-это основной язык международного общения; китайский – 120 миллионов, рост популярности которого объясняется увеличением экономического влияния Китая; испанский – 70 миллионов, французский – 50 миллионов, немецкий – 20 миллионов, востребован, главным образом, в науке и бизнесе.

Что касается онлайн-обучения, по данным за 2023год, то лидером является платформа Duolingo с 74 миллионами активных пользователей в месяц. Вторую позицию занимает Babbel с 10 миллионами подписчиков. Отмечается значительный рост спроса на азиатские языки, в первую очередь, корейский (+80% за 5 лет) и японский (+50%).

Говоря о популярности языков в образовательной среде, по данным за 2023год, отметим лидирующее с большим отрывом положение английского языка – 85% изучающих в школах, вузах, на курсах. Вторым по популярности в школах остается немецкий язык, закрепивший за собой 8%. Интерес к освоению французского языка сохраняется у 4% учащихся, преимущественно в гимназиях. Наметился стойкий спрос на изучение китайского языка у школьников в связи с укреплением сотрудничества с КНР. На долю испанского, японского, корейского и некоторых других нишевых языков приходится не более 1%.

По уровню владения английским языком (EF EPI 2023) Россия занимает 48-е место из 113 стран (средний уровень – B1). При этом только 5% россиян свободно говорят на английском (C1–C2). Закономерно, что в Москве и Санкт-Петербурге уровень выше, чем в регионах.

Рис. 1 Уровень владения английским в России

В России активно увеличивается спрос на китайский и арабский языки, что отражает текущие геополитические изменения. Обращает на себя внимание также рост популярности онлайн-курсов с носителями языков. Школы постепенно и планомерно вводят второй иностранный, чаще немецкий или китайский.

Остановимся теперь на том влиянии, которое оказывает изучение иностранного языка на личностное развитие.

Снижение барьеров между странами превратило знание языков из полезного навыка в фактор личностного роста. Помимо практической пользы (путешествия, учеба, работа), существует внутренний аспект. Изучение языка требует усилий и преодоления страха ошибок. Каждая успешная попытка укрепляет веру в свои силы. Новый язык требует выхода из зоны комфорта, взаимодействия с иной культурой, что развивает решительность и открытость. Понимание чужого менталитета снижает тревожность при общении, а регулярные контакты с носителями языка облегчают диалог.

Еще одним важным аспектом является эволюция коммуникативных навыков учащегося. Погружение в иностранный язык оттачивает общие коммуникативные навыки: умение точно формулировать мысли, слушать, улавливать контекст и добиваться понимания. Эти навыки переносятся и на родной язык, делая общение более эффективным.

Рассматривая профессиональное измерение личности, подчеркнем, что владение иностранным языком — мощный стимул для карьерного роста и изменения самовосприятия. В условиях глобального рынка труда языковая грамотность становится значимым конкурентным преимуществом. Специалисты, владеющие иностранными языками, чаще получают повышение и участвуют в международных проектах. Профессиональная уверенность, подкрепленная языковой компетенцией, расширяет карьерные амбиции.

В качестве наиболее доступных и действенных практических шагов на пути овладения иностранным языком можно назвать следующие: ежедневные занятия с приложениями, например, Duolingo, Quizlet; участие в разговорных клубах как онлайн, так и офлайн; регулярное чтение новостей и литературы на изучаемом языке.

В заключение отметим, что знание иностранного языка существенно повышает самооценку. Каждое новое слово и грамматическая конструкция — это шаг вперед. Иностранный язык — это инвестиция в личностное и профессиональное развитие.

Список цитируемой литературы:

1. Пахомова, Н. В. Иностранный язык в современном мире. Изучение иностранного языка в вузах, школах страны и всемирной сети

Интернет // Образовательный портал «Продлёнка» : методические разработки. – URL: https://www.prodlenka.org/metodicheskie-razrabotki/523174-issledovatelskaja-rabota-na-temu-inostrannyj (дата обращения: 02.06.2026).

2. Колесник, А. А. Актуальность владения иностранным языком в современном мире / А. А. Колесник, С. А. Волкова // Молодой ученый. – 2017. – № 3 (137). – С. 562–564. – URL: https://moluch.ru/archive/137/38511/ (дата обращения: 02.06.2026).

3. Комарова, Е. А. Реализация культурологического подхода в обучении иностранному языку // Образовательная социальная сеть nsportal.ru: [сайт]. – URL: https://nsportal.ru/vuz/filologicheskie-nauki/library/2014/10/18/realizatsiya-kulturologicheskogo-podkhoda-v-obuchenii (дата обращения: 02.06.2026).

Загоскина К.К., студент
ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», г. Екатеринбург

ПРОЦЕССЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ПАРАДИГМЫ

Аннотация

Актуальность тематики статьи обусловлена кризисом традиционных ориентиров и переходом от парадигмы «Движение есть преодоление» к парадигме «здорового эгоизма и поиска покоя». В качестве инструмента получения результатов используется методика анализа и структурирования информации и поведенческих особенностей общества.

Ключевые слова: классические концепции, психика, реальность.

Как известно, психоаналитика зародилась благодаря отказу ученых принимать личность как простую сумму врожденных качеств. Вместо этого акцент изучения был смещен на динамику внутрипсихических процессов, конфликтов и способов их разрешения. Классические теории, несмотря на все различия, заложили тот фундамент, на котором впоследствии выросло современное понимание формирования личности.

Австрийский ученый, Зигмунд Фрейд, в 1923 году предложил структурную теорию «Оно, Я, Сверх-Я» как арену конфликта биологических влечений и социальных запретов. Согласно данной модели, человеческая психика состоит из трех компонентов: «Оно» (Id) – это, по словам Зигмунда Фрейда, хаос котел, наполненный кипящими стра-

стями» [7; 23], примитивные инстинктивные импульсы, функционирующие по принципу удовольствия; «Я» (Ego) – посредник между «оно» и «Сверх-Я», уравновешивающее звено, олицетворение здравого смысла; «Сверх-Я» (Super-Ego) – чрезмерно правильная, интериоризированная в социальных нормах инстанция, закрепляющая в психике моральные устои и идеалы человека [4; 6; 7]. Целью данной теории выступает освобождение бессознательного для превращения его в сознательное для освобождения скрытых желаний, что, своего рода, подразумевает исполнение желаний.

В отличие от своего учителя, Карл Густав Юнг сместил фокус внимания с биологических инстинктов на духовные и трансперсональные аспекты бытия. Он ввел понятие коллективного бессознательного – глубинного слоя психики, содержащего универсальные, врожденные образцы восприятия и поведения, известные как архетипы. Согласно теории Юнга, архетипы заставляют людей определенным образом воспринимать и переживать события, а процесс их осознания составляет суть индивидуации – центрального понятия его аналитической психологии [9].

К числу наиболее значимых архетипов относятся Персона (социальная маска), Тень (подавленная, темная сторона личности), Анима и Анимус (бессознательные противоположные гендерные начала), а также Самость, символизирующая целостность и единство личности, к которой индивид стремится на пути самореализации [22; 25].

Таким образом, если Фрейд видел цель психотерапии в адаптации к обществу через контроль влечений, то Юнг – в интеграции всех аспектов психики (включая тень и аниму/анимус) для обретения внутренней целостности и аутентичности.

Рассмотрим точку мнение Альфреда Адлера и Карена Хорни. И тогда: Исследователи Альфред Адлер и Карен Хорни и биологизма, акцентировав внимание на социальной природе человека.

Адлер полагал, что стержнем формирования личности является изначальное чувство неполноценности, которое, по его мнению, присуще каждому человеку в силу биологической беспомощности младенца. Именно это чувство служит источником всех устремлений к саморазвитию, росту и компетентности, а также порождает «стремление к превосходству» как универсальную движущую силу, компенсирующую ощущение собственной недостаточности [1; 2; 24; 25].

Хорни, в свою очередь, в работе «Невротическая личность нашего времени» (1937) усматривает источник невроза не в интрапсихических конфликтах, а в чувстве «базисной тревоги», возникающем из противоречий и небезопасности в межличностных отношениях, прежде всего с родителями [20].

Базальная тревога – это устойчивое ощущение одиночества, беспомощности и враждебности мира, которое формируется, когда основные потребности ребенка хронически фрустрируются. Для совладания с этой тревогой личность вырабатывает невротические стратегии, которые Хорни сгруппировала в три основные категории: движение к людям (уступчивость), движение против людей (агрессия) и движение от людей (обособленность) [15; 20].

Завершает плеяду «классиков» Эрих Фромм, который, начав как ученик Фрейда, быстро осознал ограниченность ортодоксального психоанализа и предложил его «гуманистический» вариант, стремясь преодолеть биологизаторство и мифологичность учения Фрейда. Свои основные идеи он изложил в ставшей знаменитой работе «Бегство от свободы» (1941).

Ключевая дилемма человека, согласно Фромму, – это диалектика свободы и чувства изоляции. С одной стороны, освобождение от средневековых авторитетов и социальных пут дало человеку «негативную свободу» (свободу от). С другой стороны, эта же свобода породила чувство одиночества, тревоги и утраты корней, заставляя индивида искать спасения в авторитарных механизмах и конформизме как формах «бегства от свободы» [18].

Таким образом, Фромм вывел психоанализ на уровень анализа социально-культурных условий существования личности, показав, что формирование «Я» неразрывно связано с исторически обусловленным типом социального характера и с тем, насколько человек способен к продуктивной, спонтанной реализации своего истинного потенциала, то есть к достижению «позитивной свободы» (свободы для).

Цифровая среда трансформирует когнитивные процессы: феномен «транзактивной цифровой памяти» («эффект Гугл») заставляет человека запоминать не информацию, а путь к ней [8]. Одновременно конструируется множественная цифровая идентичность, где виртуальное «Я» может существенно отличаться от реального, причём подростки и взрослые выстраивают эти идентификационные матрицы поразному [3, 21]. Постковидные исследования 2024 года фиксируют феномен посттравматического роста (ПТР) через переоценку жизненных приоритетов и ценностей, при этом ключевыми медиаторами выступают психологическая гибкость [16], «развитие самостоятельности и самоорганизации» [5, с.56].

Исходя из наблюдений, после 2020 года запрос любого клиента сместился от межличностных конфликтов к смысло-утрате и тревоге в условиях неопределённости, от «кто виноват?» к «что делать?». Глобализация и цифровизация, с одной стороны, размывают традиционные ценности, с другой – дают беспрецедентный доступ к знаниям и

межкультурному обмену, что создаёт как риски, так и ресурсы для личности.

В классическом психоанализе личность жестко детерминирована прошлым, ценности задаются Сверх-Я, а терапевт выступает «нейтральным зеркалом», интерпретирующим перенос [10, 17]. Современные подходы, напротив, делают акцент на свободе выбора и архитектуре сознания, где центральной категорией становится аутентичность – способность жить в согласии со своими истинными ценностями, а не внешними требованиями.

Приведём практический пример: девушка 27 лет, IT-специалист, обращается с запросом: «У меня есть всё, но я не чувствую себя живой». В процессе выясняется, что выбор профессии и образа жизни был сделан под давлением родительского Сверх-Я (по Фрейду), а её реальное «Я» – увлечение живописью – оказалось вытеснено в виртуальное пространство анонимного блога с красочным никнеймом, отражающим её собственную идентичность. Отказ от классического анализа детских травм в пользу ценностно-ориентированных техник ACT позволил не «излечить невроз», а выстроить новую конфигурацию жизни. Запрос трансформировался от «почему я такая?» к «как мне жить иначе?» и «кем я хочу стать?».

Таким образом, подтверждается переход от внешней социальной желательности к внутренней аутентичности как главной цели развития личности в новой реальности.

Классические психоаналитические идеи (бессознательное, защиты, роль детского опыта) остаются рабочим инструментом для понимания глубинной структуры личности, однако новая реальность требует их интеграции с методами осознанности, ценностного выбора и метакогнитивной регуляции. Формирование личности сегодня – это путь не столько от травмы к норме, сколько от анализа прошлого к дизайну осмысленного будущего в постоянно меняющихся условиях современного мира.

Список цитируемой литературы:

1. Адлер, А. Наука жить: глава 10 «Преступность и отсутствие социального интереса» / А. Адлер // RuLit: [сайт]. – URL: rulit.me (дата обращения: 05.04.2026).

2. Адлер, А. Невротический характер / А. Адлер // Knizhnik.org: [сайт]. – URL: knizhnik.org (дата обращения: 06.04.2026).

3. Глебко, Н. Р. Цифровая среда и когнитивные процессы: что происходит с запоминанием и как это изучать / Н. Р. Глебко // Новые психологические исследования. – 2026. – № 1. – URL: newpsyresearches.ru (дата обращения: 06.04.2026)

4. Гуревич, П. С. Психоанализ. Современная глубинная психология: учебник для магистров / П. С. Гуревич. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2013. – 564 с.

5. Загоскина, Р. В. Особенности дистанционного обучения в вузе как вектор развития современного образования / Р. В. Загоскина, Т. Н. Коротенко // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 51–59.

6. Фрейд, З. Введение в психоанализ / З. Фрейд. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2005. – 480 с.

7. Фрейд, З. Я и Оно: [сочинения] / З. Фрейд. – Москва: Эксмо-Пресс, 2003. – 864 с.

8. Змановская, Е. В. Современный психоанализ. Теория и практика / Е. В. Змановская. – Москва: Проспект, 2022. – 288 с.

9. Короленко, Ц. П. Основные архетипы в классических юнгианских и современных представлениях / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева // Медицинская психология в России. – 2018. – Т. 10, № 1. – С. 3. – URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 06.04.2026).

10. Корчагина, Р. А. Экзистенциальные ценности, смыслы и проблемы личности / Р. А. Корчагина // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2024. – № 3. – URL: https://psy-teaching.ru (дата обращения: 06.04.2026).

11. Когнитивно-поведенческая терапия // Центр психологии и психотерапии «Модус»: [сайт]. – 2025. – URL: https://modus-center.ru (дата обращения: 06.04.2026).

12. Лейбин, В. М. Психоанализ: учебное пособие / В. М. Лейбин. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 592 с.

13. Лейбниц, В. Г. Монадология // Научно-популярный журнал «ПсихоПоиск»: [сайт]. – URL: https://psychosearch.ru/masters/zigmund-frejd/312-ya-ono-i-sverkh-ya-ili-o-tom-chto-takoe-psikhoanaliz (дата обращения: 06.04.2026).

14. Гаврилина, Е. А. Многообразие факторов трансформации ценностей в информационно-техногенном обществе / Е. А. Гаврилина, К. В. Гаврилин // Вестник Нижегородского педагогического университета. – 2024. – № 3. – URL: https://vestnik.npi-tu.ru (дата обращения: 06.04.2026).

15. Невротические потребности: когда стратегия выживания становится тюрьмой // b17.ru: сайт профессиональных психологов. – URL: https://www.b17.ru/article/nevroticheskie_potrebnosti_kogda_strategiya_vyzhivaniya_stanovitsya_tyurmoy/ (дата обращения: 06.04.2026).

16. Солдатова, Г. У. Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых / Г. У. Солдатова, С. В. Чи-

гарькова, А. Е. Войскунский // Культурно-историческая психология. – 2022. – Т. 18, № 4. – С. 7–16.

17. Терапия принятия и ответственности (ACT) // Московский государственный психолого-педагогический университет: [официальный сайт]. – 2025. – URL: https://mgppu.ru (дата обращения: 06.04.2026).

18. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм; перевод с английского Г. Ф. Швейника; общая редакция П. С. Гуревича. – Москва : Прогресс, 1990. – 269 с.

19. Холмогорова, А. Б. Посттравматический стресс и посттравматический рост у пациентов с COVID-19 после лечения в стационаре / А. Б. Холмогорова, Н. Г. Гаранян, А. А. Авдеенко [и др.] // Медицинская психология в России. – 2024. – Т. 16, № 1. – URL: https://www.mprj.ru (дата обращения: 06.04.2026).

20. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени / К. Хорни; перевод с английского А. И. Фета. – Москва: Академический проект, 2018. – 208 с.

21. Сидоренко, А. В. Цифровая идентичность как феномен информационной современности / А. В. Сидоренко, Н. А. Голубева // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. – URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 06.04.2026).

22. Юнг, К. Г. Структура психики и архетипы / К. Г. Юнг; перевод с немецкого Т. А. Ребеко. – 2-е изд. – Москва: Академический Проект, 2009. – 303 с.

23. Мартынова, Е. В. Я, Оно и Сверх-Я в онтогенезе, филогенезе и в психоанализе // b17.ru: сайт профессиональных психологов. – 2017. – URL: https://www.b17.ru/article/ego_super-ego_and_id_in_ontogenesis/ (дата обращения: 04.04.2026).

24. Horney, K. Basic Anxiety // Arab Psychology: [сайт]. – 2025. – URL: https://scales.arabpsychology.com/trm/basic-anxiety/ (дата обращения: 06.04.2026).

25. Adler, A. Striving for superiority and social interest // Deakin University Library: [digital archive]. – URL: https://archive.org/details/superioritysocia00adle (дата обращения: 06.04.2026).

26. Jung, C. G. Volume 9.1: The Archetypes of the Collective Unconscious // International Association for Analytical Psychology: [official website]. – URL: http://iaap.org/resources/academic-resources/collected-works-abstracts/volume-9-1-archetypes-collective-unconscious/ (дата обращения: 06.04.2026).

Кривоносова Д.О., Бровкина А.В., студенты
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лесных Е.В., канд филол. наук, доц.

ПРОБЛЕМА ИЗМЕРЕНИЯ РЕАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА КОНФЛИКТУЮЩИХ СТОРОН

Аннотация

Настоящая работа представляет собой детальное исследование проблем измерения реального потенциала конфликтующих сторон. В работе даётся определение реального потенциала. Рассматриваются основные аспекты и подходы к измерению реального потенциала участников конфликта, а также их применение для анализа и прогнозирования динамики конфликтных процессов.

Ключевые слова: конфликт, конфликтующие стороны, реальный потенциал, анализ ресурсного потенциала.

Конфликт представляет собой ситуацию противоборства между двумя или более сторонами, возникающую вследствие несовместимости их интересов, потребностей, ценностей или целей [1]. Каждый конфликт является уникальным и определяется множеством факторов, включая реальный потенциал участников [1, 3].

В данном контексте термин «реальный потенциал» обозначает способность участников конфликта влиять на его ход и исход. Определение и оценка такого потенциала являются важными задачами для анализа и прогнозирования конфликтных ситуаций [3].

Оценка потенциала конфликтующих сторон представляет собой комплексную задачу, требующую глубокого анализа человеческой природы, динамики социальных процессов и специфики конкретной конфликтной ситуации [1, 3]. Такой процесс сопряжён с рядом методологических и аналитических вызовов. Стоит более детально рассмотреть основные аспекты данной проблемы, которые представлены далее [3].

1. Сложность оценки неэкономических ресурсов [2]:

Конфликты редко ограничиваются материальными ресурсами. В свою очередь неэкономические ресурсы включают интеллектуальные, психологические, социальные, культурные и духовные аспекты, среди которых Э. Тоффлер выделил три основных источника силы [1]:

1.1. Насилие (физическая мощь, оружие, военная техника) [1];

1.2. Богатство (экономические ресурсы, финансовая мощь, доступ к финансовым ресурсам) [1];

1.3. Знание (интеллектуальные ресурсы, технологии, информация) [1].

Информация — одно из основных понятий кибернетики. Последние десятилетия эту категорию все шире используют другие науки в силу ее общенаучного значения. Мощный объяснительный потенциал, которым обладает категория «информация», важно использовать в интересах конфликтологии. Все типы конфликтов относятся как раз к тому классу явлений, в саморазвитии и исследовании которых информация играет ключевую роль.

В современной конфликтологии информация выступает одним из ключевых ресурсов, способных оказать решающее влияние на исход противостояния. Поэтому при анализе ситуации необходимоучитывать как достоверные, так и недостоверные сведения. [2].

2. Отсутствие универсальных критериев оценки [2]:

На сегодняшний день не существует единого стандарта, позволяющего количественного или качественно оценить потенциал сторон конфликта. Каждая из применяемых методологий имеет свои ограничения, что затрудняет проведение объективного анализа и сопоставление возможностей участников.

3. Проблема субъективного восприятия [2]:

Восприятие реальности в условиях конфликта часто оказывается искажённым. Участники могут неверно истолковывать происходящее, а информация о потенциале противника может быть неточной из-за недостатка данных, влияния субъективных установок или сознательного сокрытия сведений.

4. Динамичность и изменчивость потенциала [2]:

Потенциал сторон в конфликте может изменяться под воздействием новых обстоятельств, развития ситуации или действий самих участников, что затрудняет прогнозирование и объективную оценку потенциала на различных этапах конфликта.

5. Нормализация переменных в различных системах [2]:

При сравнении различных систем (например, субъектно-субъектных и субъектно-объектных) возникает необходимость нормализации переменных, измеренных по различным шкалам. Для такого требуется внешний эталон и признанный критерий, что может быть затруднительно в условиях конфликта [1, 2].

В конфликтологии существуют различные подходы к анализу потенциала конфликтов, которые можно классифицировать по нескольким критериям, представленным в виде таблицы 1.

В качестве оценки реального потенциала конфликтных сторон, стоит привести один из подходов – институализированный конфликт [2]. Некоторые исследователи утверждают, что только реальная борьба

в форме институализированного конфликта позволяет получить точные данные о сравнительной силе сторон [2, 3].

Поэтому данный подход основывается на идее, что в ходе конфликта стороны демонстрируют свои истинные возможности, что способствует более объективной оценке их потенциала. Так же стоит отметить, что институциональный подход подразумевает создание сети организаций, особой инфраструктуры предотвращения и урегулирования внутренних конфликтов. Она должна включать институты национального, регионального и глобального уровней. По завершении такого противостояния может установиться новое равновесие, основанное на реальных возможностях и ресурсах участников [1].

Таблица 1

Анализ потенциала конфликтов

<table>
<tr><td>Критерий</td><td colspan="4">Содержание критерия – разновидности анализа</td></tr>
<tr><td rowspan="3">1. По типу анализа</td><td colspan="4">1.1. Качественный анализ</td></tr>
<tr><td>Исторический анализ (изучение исторических примеров конфликтов для выявления закономерностей)</td><td colspan="2">Социологический анализ (исследование социальных структур, норм и ценностей)</td><td>Психологический анализ (изучение индивидуальных и групповых психологических характеристик, таких как агрессия)</td></tr>
<tr><td colspan="4">1.2. Количественный анализ</td></tr>
<tr><td colspan="2">Статистический анализ (использование методов статистики для оценки вероятности возникновения конфликтов на основе данных о прошлых конфликтах)</td><td colspan="2">Математическое моделирование (применение математических моделей для прогнозирования развития конфликтов)</td></tr>
<tr><td>2. По уровню анализа</td><td>2.1. Микроуровень (анализ индивидуальных, групповых факторов)</td><td>2.2. Мезоуровень (анализ организационных и институциональных факторов)</td><td colspan="2">2.3. Макроуровень (анализ социальных, экономических и политических факторов)</td></tr>
<tr><td>3. По методологии</td><td>3.1. Системный (конфликт – более широкая система)</td><td>3.2. Ситуационный (анализ конкретных ситуаций)</td><td colspan="2">3.3. Структурный (изучение социальных структур)</td></tr>
<tr><td>4. По целям анализа</td><td>Прогностический (вероятность возникновения конфликтов в будущем)</td><td>Диагностический (текущие факторы, способствующие возникновению конфликтов)</td><td colspan="2">Реконструктивный (изучение причин и последствий произошедших конфликтов)</td></tr>
</table>

Исходя из ранее сказанного, измерение реального потенциала конфликтующих сторон представляет собой сложную задачу, требующую комплексного подхода.

Необходимо учитывать множество факторов, применять разнообразные аналитические методы и учитывать специфику самого конфликта. Таким образом, оценка потенциала является не только инструментом анализа, но и способом понимания динамики конфликта и поиска путей его урегулирования.

Стоит отметить, что качество управленческих решений должно оцениваться не только по их предметной компетентности, но и по тому конфликтному потенциалу, который они содержат. Чем более масштабен характер решений, тем более тщательную конфликтологическую экспертизу они должны проходить.

Данные показывают, что организационно-управленческие факторымогут выступать причиной 67% конфликтов в трудовых коллективах.

В настоящее время развивающаяся конфликтология как учение о закономерностях возникновения, развития и разрешения конфликта способствует смене парадигмы бесконфликтности конфликтологической парадигмой, ориентирующей массовое сознание на признание неизбежности противостояния в социальныхвзаимодействиях. Это ведет к необходимости повышения конфликтологической компетентности и признания того факта, что конфликтология — это междисциплинарная наука, но приоритетным остается психологический подход.

В итоге, конфликт — это сложное, меняющееся явление, которое требует полного подхода и учёта всех факторов, как объективных, так и субъективных.

Список цитируемой литературы:

1. Анцупов, А. Я. Конфликтология : учебник для вузов / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – Москва: Юрайт, 2019. – 640 с.

2. Борычев, Н. А. Конфликтология: теория и практика разрешения конфликтов / Н. А. Борычев. – Санкт-Петербург: Питер, 2020. – 320 с.

3. Конфликтология : учебное пособие / под редакцией О. Н. Громовой. – Москва : Академия, 2018. – 400 с.

Кузнецов В.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лесных Е.В., канд. филол. наук, доц.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФЛИКТА И ДИНАМИКА КОНФЛИКТА: СХОДСТВО И ОТЛИЧИЕ

Аннотация

В статье рассматривается фундаментальная проблема современной конфликтологии – отсутствие четких критериев разграничения понятий «динамика» и «трансформация» конфликта. На основе анализа актуальных отечественных и зарубежных концепций (2020–2025 гг.) выявляются ключевые параметры сходства и различия данных феноменов. Динамика трактуется как смена фаз развития противостояния, трансформация – как качественное, необратимое изменение его сущностных характеристик. Теоретические выводы подкрепляются примерами из международных отношений, организационной практики и сферы медиации. Результаты исследования имеют практическое значение для выбора стратегий управления конфликтами на различных уровнях.

Ключевые слова: динамика конфликта, трансформация конфликта, эскалация, деэскалация, медиация, урегулирование конфликтов.

Двадцать пятый год XXI века, как отмечают аналитики, отмечен усилением нестабильности и конфликтов по всему миру. В 2025 году количество политических конфликтов в мире достигло исторического максимума, а девять конфликтов впервые вышли на наивысший уровень военной мощи [14]. От Ближнего Востока до постсоветского пространства – конфликты становятся все более запутанными, затяжными и трудноразрешимыми. В этих условиях конфликтология как наука и как практика оказывается перед жестким вызовом: старые модели урегулирования, ориентированные на «разрешение» спора, работают все хуже. Конфликты не просто эскалируют и деэскалируют– они меняют свою природу настолько радикально, что становятся неузнаваемыми. Это и есть та реальность, в которой различение между динамикой и трансформацией конфликта перестает быть академическим упражнением и превращается в вопрос выживания.

Смешение терминов «динамика» и «трансформация» конфликта в научной и прикладной литературе ведет к системным ошибкам. Когда конфликтолог говорит «конфликт перешел в новую стадию», он может иметь в виду как банальную эскалацию (динамику), так и глубинное

изменение сути конфликта (трансформацию). Но способы реагирования на эти два явления принципиально различаются.

Первая проблема – ошибочная диагностика. Конфликт, начавшийся как спор о бюджете, может перерасти в войну идентичностей, но специалист, вооруженный только динамической моделью, этого не заметит. Он будет применять техники деэскалации, в то время как конфликт уже требует совершенно иных инструментов – работы с ценностями и нарративами.

Вторая проблема – ложное чувство разрешения. Конфликт может затихнуть сам собой: стороны устали, эскалация спала, динамика остановилась. Но если качественных изменений не произошло, он неизбежно возобновится – возможно, в еще более острой форме. Как образно выражаются исследователи, «одни конфликты деградируют в насилие, а другие становятся катализатором развития» [1, с. 16]. Различие здесь – не в интенсивности, а в сути.

Третья проблема – неверная стратегия вмешательства. Если конфликт уже трансформировался, попытки «вернуться к переговорам» так же бесполезны, как лечить перелом пластырем. Необходимо понимать: работа с динамикой – это тактика; работа с трансформацией – это стратегия.

Динамика конфликта – это его временная развертка, последовательность стадий от зарождения противоречия до его завершения [3]. Исследователи выделяют латентную стадию (накопление противоречий), инцидент, эскалацию, кульминацию, деэскалацию и завершение. Ключевое свойство динамики – обратимость. Конфликт может эскалировать, а затем деэскалировать, возвращаясь к переговорному процессу. При этом его природа может оставаться неизменной.

Особого внимания заслуживает эскалация – та стадия, где конфликт начинает жить собственной жизнью. Как отмечает в своем исследовании Д.Д. Короткова, «социальные конфликты обладают не линейной, а фазовой динамикой, где каждая последующая стадия определяется не только объективными расхождениями интересов, но и скрытыми психологическими механизмами» [1, с. 4]. Эскалация запускает «психологическую спираль» конфликтной радикализации: растут фрустрирующие эмоции, формируется образ врага, усиливается внутригрупповая сплоченность, происходит коммуникационный разрыв [1, с. 9]. Чем дальше заходит эта спираль, тем труднее остановиться – и тем более вероятно, что конфликт перейдет в фазу качественной трансформации.

Современные методы моделирования позволяют количественно оценивать динамические переходы. Китайские ученые в 2025 году предложили метод симуляции динамических трансформаций вооруженных конфликтов, выделив пять типов переходов: вспышка, стаби-

лизация, эскалация, деэскалация и сохранение мира [2]. Их анализ показал глобальную тенденцию к поляризации вооруженных конфликтов за последние 20 лет: увеличивается как количество кластерных высокоинтенсивных, так и рассредоточенных низкоинтенсивных конфликтов [2]. При этом стабильные регионы продолжающихся конфликтов формируются вокруг таких зон, как Сирия, границы Афганистана и Непала, и новые конфликты с большей вероятностью возникают именно рядом с ними. Динамика, таким образом, не просто описывает развитие отдельного конфликта – она создает среду, в которой конфликты размножаются и мутируют.

Если динамика отвечает на вопрос «как?», то трансформация – на вопрос «что именно изменилось?». Трансформация конфликта – это качественное, часто необратимое изменение его базовых параметров: целей сторон, используемых средств, состава участников, их идентичностей и ценностей.

Ключевые фигуры в теории трансформации – Джон Пол Ледерах и Йохан Галтунг. Ледерах, чьи идеи продолжают активно развиваться в исследованиях 2025 года, рассматривает трансформацию конфликта как многомерный процесс, включающий изменение структурных несправедливостей, отношений, нарративов и институтов для достижения устойчивого мира [4]. Галтунг, ушедший из жизни в 2024 году, заложил основы трех «больших стратегий» трансформации: миротворчество (прекращение насилия через переговоры), поддержание мира (предотвращение возобновления конфликта) и миростроительство (устранение коренных причин) [4].

Интересное развитие этих идей предложили в 2025 году Изабель Брамсен и Оле Вевер. В своей статье они представили теорию «конфликтуализации» – процесса, посредством которого объекты, отношения и общества начинают определяться логикой конфликта [3]. Конфликтуализация, по их мысли, – это трехэтапный процесс: «формирование социальных отношений по бинарной схеме "свой-чужой", смещение фокуса на "победу" в конфликте и превращение все большего числа вопросов в объекты противоборства» [3, с. 7]. Эта теория фиксирует момент, когда конфликт перестает быть спором по конкретному поводу и становится всеобъемлющей матрицей организации жизни. Это и есть трансформация в чистом виде – и она, как правило, необратима.

Сходство динамики и трансформации очевидно: оба понятия описывают изменение. Более того, они взаимосвязаны: трансформация всегда включает в себя динамические процессы, а любое динамическое изменение может при определенных условиях привести к трансформации. Однако различия носят фундаментальный характер.

Первое различие – глубина изменений. Динамика фиксирует количественные изменения в рамках существующей формы конфликта. Трансформация предполагает качественный скачок, изменение самой природы конфликта.

Второе различие – обратимость. Динамические процессы, как правило, обратимы: эскалация может смениться деэскалацией. Трансформация, напротив, зачастую необратима. Если конфликт из ресурсного стал ценностным – возврата к исходному состоянию уже нет.

Третье различие – субъектность. Динамика во многом подчиняется внутренней логике развертывания противоречий, она может развиваться спонтанно. Трансформация же почти всегда требует осознанного вмешательства – медиатора, фасилитатора, политического лидера или внешнего шока, заставляющего стороны пересмотреть свои позиции.

Четвертое различие – временной горизонт. Динамика разворачивается в кратко- и среднесрочной перспективе. Трансформация – это всегда долгий процесс, измеряемый годами, а иногда и десятилетиями.

Пример из международных отношений. Российско-украинский конфликт, вступивший в 2025 году в четвертый год, демонстрирует сложное переплетение динамики и трансформации. Динамика здесь очевидна: эскалация боевых действий, переход к позиционной войне, контрнаступления, затяжное противостояние на истощение. Но есть и элементы трансформации. «В ноябре 2025 года США предложили сторонам новый 28-пунктный мирный план, а в декабре в Майами состоялись переговоры, где американская делегация проводила отдельные встречи с российской и украинской сторонами» [10]. Сам факт появления дипломатического трека и взаимного смягчения позиций – это уже трансформация формата взаимодействия. Однако до полноценной трансформации целей и идентичностей участников пока далеко. Конфликт не стал от этого менее интенсивным – в 2025 году Россия продолжила наступление, хотя и не смогла переломить его ход. Это наглядная иллюстрация того, как динамика и трансформация могут сосуществовать, но не совпадать.

Пример из организационной практики. Конфликт в компании из-за несправедливого распределения премий: недовольство, жалобы, забастовка, увольнение руководителя. Динамика описана – а трансформация? Нет, природа конфликта не изменилась: это все тот же спор о распределении ресурсов. Через полгода конфликт повторится с новыми лицами. Трансформация произошла бы, если бы стороны пришли к пересмотру самой системы оплаты труда и признанию права каждого на справедливое вознаграждение – то есть изменили бы ценности, лежащие в основе их взаимодействия.

Пример из сферы медиации. В России в 2025 году стартовала масштабная реформа внесудебного разрешения споров. Как сообщает «Коммерсантъ», «количество гражданских споров в России вдвое выше, чем в Индии, и сопоставимо с Китаем при меньшем населении, а лишь 3% коммерческих споров заканчиваются мировыми соглашениями» [11]. Реформа, включающая развитие медиации, внедрение адъюдикации и модернизацию третейского разбирательства, направлена на то, чтобы сделать урегулирование конфликтов быстрее, дешевле и удобнее [11]. Но ключевой вопрос: приведет ли это к трансформации конфликтной культуры в стране? Медиация, если она работает как простое примирение сторон, остается инструментом управления динамикой. Но если она помогает сторонам перейти от позиций к интересам, изменить восприятие друг друга – это уже трансформация.

Различение динамики и трансформации конфликта – это не игра в термины, а практический инструмент. Тот, кто работает с конфликтами – будь то менеджер, медиатор, политик или дипломат, – должен понимать, на каком уровне он вмешивается.

Если он имеет дело с чистой динамикой, его задача – тактическое управление: снизить эскалацию, перевести конфликт в конструктивное русло, найти временное решение. Для этого достаточно стандартных техник деэскалации и переговоров.

Если же он сталкивается с трансформацией, ему нужны стратегические инструменты: изменение правил игры, работа с идентичностями и ценностями, долгосрочное миростроительство. Это требует времени, ресурсов и, как правило, участия третьей стороны – фасилитатора или медиатора.

Ошибиться в выборе уровня – значит, потратить ресурсы впустую или даже усугубить ситуацию. Поэтому конфликтология будущего должна двигаться в сторону интеграции динамического и трансформационного подходов, создавая гибкие методики, которые позволяют диагностировать глубину конфликта и выбирать адекватные меры вмешательства.

Как резюмируют исследователи, «философское переосмысление конфликта как потенциала общения, соединенное с эмпирическими данными психологии установок, позволяет сформулировать стратегии, минимизирующие издержки эскалации и максимизирующие ресурс инновационных изменений» [1, с. 16]. Другими словами, конфликт – это не всегда плохо. Иногда это единственный способ что-то изменить. Но чтобы это изменение было к лучшему, нужно понимать – на какой стадии ты находишься и что именно происходит: обычная ссора или смена реальности.

Список цитируемой литературы:

1. Короткова, Д. Д. От эскалации к трансформации социальных конфликтов: философский, конфликтологический и психологический анализ / Д. Д. Короткова // Конфликтология. – 2025. – Т. 20, № 2. – С. 26–31.

2. Mueller, H. Assessing the Transformation of Armed Conflict Types: A Dynamic Approach / H. Mueller [et al.] // Big Data and Cognitive Computing. – 2025. – Vol. 9, No. 5. – Art. 123.

3. Bramsen, I. Conflictualization: Theorizing how relations, societies, and issues come to be defined by the logic of conflict / I. Bramsen, O. Wæver // Cooperation and Conflict. – 2025. – Vol. 60. – P. 978–1004.

4. Miall, H. Contemporary Conflict Resolution / H. Miall [et al.]. – 5th ed. – [S. l.] : Polity Press, 2025. – 496 p.

5. Ramsbotham, O. Contemporary Conflict Resolution: The Prevention, Management and Transformation of Deadly Conflicts / O. Ramsbotham, T. Woodhouse, H. Miall. – 5th ed. – Cambridge : Polity, 2024. – 512 p.

6. Nikovskaya, L. I. Features of conflict in the transforming Russian society: on the issue of the model of complex-composite conflict / L. I. Nikovskaya, V. N. Yakimets // Socio-political conflicts: theoretical concepts and practice of settlement : monograph. – 2024. – P. 46–59.

7. Wanyonyi, D. N. S. Challenges and opportunities for management of aggressive intractable inter-ethnic conflicts between the Turkana and Pokot people in the north-western region of Kenya / D. N. S. Wanyonyi [et al.] // African Journal of Empirical Research. – 2025. – Vol. 6, No. 2. – P. 88–95.

8. Аналитика — Российско-украинский конфликт: Поиски мира в 2025 году и прогнозы на 2026 год // Информационное агентство Анадолу : [сайт]. – 2025. – URL: aa.com.tr (дата обращения: 02.06.2026).

9. Весь этот год Россия и Украина под давлением Трампа пытались договориться о мире... // Meduza : [сайт]. – 2026. – URL: https://meduza.io (дата обращения: 02.06.2026).

10. АСИ запустило реформу внесудебного разрешения споров для бизнеса и государства // Коммерсантъ. – 2025. – 9 декабря. – № 228. – С. 2.

11. Мир в 2025 году: движение к новому порядку // Радио «Голос Вьетнама» : [сайт]. – 2025. – URL: https://vovworld.vn (дата обращения: 02.06.2026).

12. Рекордное количество политических конфликтов в мире в 2025 году: войны — это лишь «самая захватывающая» часть // Free Press : [сайт]. – 2025. – URL: https://freepress.ru (дата обращения: 02.06.2026).

Кузнецова К.И., Чёрная М.А., студенты
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лесных Е.В., канд. филол. наук, доц.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ МЕНЕДЖЕРА

Аннотация

В статье рассматривается анализ проблем формирования конфликтологической компетенции менеджеров в современности. Мы рассмотрим проблемы недостаточного системного обучения, влияние организационной культуры на развитие у руководителей навыков разрешения конфликтов. Мы также предложим способы и подходы к преодолению барьеров, мешающих молодым специалистам эффективно справляться с конфликтных ситуаций в рабочем коллективе.

Ключевые слова: конфликтология, конфликтологическая компетенция, менеджер, конфликт, управление конфликтами, организационная культура, управление персоналом.

Сейчас организации на рынке живут в состоянии вечной конкуренции, и одним из самых эффективных способов повышения конкурентоспособности предприятия являются инновации. Они помогают компаниям внедрить новые методы управления, создать уникальный продукт или технологию его производства, что и дает возможность стать одним из лидеров на рынке. Тем не менее, после такого шага руководителю нужно быть готовым к негативным последствиям, таким как рост трудовых конфликтов, которые замедляю темпы реализации инноваций. В этом случае на первый план выходит конфликтологическая компетенция руководителя.

Конфликтологическая компетентность представляет собой профессиональную осведомленность о диапазоне возможных стратегий конфликтующих сторон и умение оказать технологическое содействие в реализации конструктивного взаимодействия в конкретной конфликтной ситуации. Для эффективной работы менеджера недостаточно только разрешать возникающие конфликты, важно уметь управлять ими, исследовать закономерности их возникновения. Возникновение конфликтных ситуаций в коллективе – не редкость, поэтому управленец должен обладать некоторыми компетенциями, предполагаемыми в его сфере деятельности [2].

В конфликтологической компетенции выделяют 3 аспекта: когнитивный, деятельностный и регулятивный.

Когнитивный компонент конфликтологической компетенции – это знания, которыми должен обладать современный менеджер. Руководитель должен владеть информацией о предметах, принципах и категориях конфликтологии, быть способным определять специфику, причины и виды организационных конфликтов, формы и уровни проявления конфликтности корпоративных отношений. Мы считаем, что именно эти знания необходимо приобретать каждому менеджеру, который хочет успешно управлять коллективом.

Деятельностный компонент – это умения, которыми руководителю следует обладать. К ним можно отнести постановку задач, решение конфликтов, творческое мышление, системное видение, исследовательский подход. Необходимы и практические умения конфликтологии, например, анализ конфликтных ситуаций, что поможет менеджеру в будущем быстрее и эффективнее справляться с конфликтами в рабочем коллективе, диагностика планирование, прогнозирование, моделирование, урегулирование и диагностика, чтобы не сталкиваться с определенными происходящими когда-то ситуациями, без особых сложностей уже уметь правильно разрешить конфликтую ситуацию. Еще мы не можем упускать владение компьютером, электронной системой переписки, современному руководители не справиться с трудными ситуациями без этого. Без перечисленных нами умений менеджеру будет куда тяжелее управлять своим коллективом в конфликтной ситуации.

Регулятивный компонент - навыки, важные для управленца. Мы можем отнести к ним приемы моделирования устойчивого к конфликтам коллектива, приемы анализа конфликтов, их разрешения, владение методами диагностики и регулирования конфликтов в разных ситуациях, навыки ведения переговоров. Нередко из-за отсутствия регулятивных навыков руководители сталкиваются со сложностями разрешения конфликтов, что приводит к разладу и снижению продуктивности в организации.

Перечисленные нами компоненты компетенции обычно усваивается во время профподготовки работника в учебной сфере деятельности, в науке и через практику с самого начала карьерного пути молодого управленца.

Конфликтологическая компетентность будущего специалиста является результатом его профподготовки. Она проявляется в конфликтологической деятельности, реализуется на практике. Эта компетентность представляет собой совокупность профессиональных характеристик работника, которые позволяют конструктивно управлять конфликтами, совокупность значимых качеств личности для менеджера, и систему личностно значимых и ценных убеждений специалиста в области взаимоотношений.

Разрешая конфликтую ситуацию, руководитель должен уважать психологические особенности всех представителей своего коллектива при выстраивании конструктивного общения и профессиональных связей. Всегда эффективнее проявить интерес к внутреннему миру и ценностям собеседника и быть настроенным на совместную продуктивную работу.

Конфликтологическая компетентность специалиста является профессионально-личностным ресурсом, который имеет соответствующую направленность личности в социальном взаимодействии. Ее проявление заметно во время того, как он решает конфликтную ситуацию в своем коллективе, какие методы и знания применяет и как быстро обстановка в коллективе нормализуется. Многие конфликтологические компетенции вырабатываются в молодом менеджере еще во время обучения в высшем учебном заведении, чаще всего позже они улучшаются, и руководитель все проще справляется с неблагоприятными ситуациями в рабочем коллективе. Если менеджер хочет с меньшими потерями для организации справляться с трудовыми конфликтами, ему следует посещать специализированные тренинги для повышения конфликтологической компетенции, если есть возможность, хорошим вариантом также является перенимание опыта более квалифицированных успешных руководителей.

Мы изучили некоторые методы повышения конфликтологической компетенции на тренингах и выделили некоторые из них. Например, руководителю можно намеренно моделировать эскалацию споров в тренингах, чтобы учиться разрешать конфликтные ситуации, минимизировать убытки от этого конфликта и создавать в коллективе приятную для работы дружескую атмосферу. Также можно разыгрывать сценарии, чтобы на практике пережить сложные ситуации, а не ограничиваться теоретическими знаниями. На наш взгляд такие методики будут полезны и молодым руководителем с небольшим опытом работы для повышения квалификации, и уже опытным, которые просто желали бы справляться с проблемами в рабочей среде проще и с меньшими потерями [1].

Таким образом, конфликтологическая компетенция является одним из важных профессиональных навыков современного успешного менеджера. Это не просто банальное умение сглаживать углы, но и управлять разногласиями сторон ради развития компании. Благоприятный психологический климат повышает заинтересованность в успехе профессиональной деятельности, мотивацию каждого сотрудника, из-за чего и результаты деятельности трудового коллектива станут значительно лучше.

Список цитируемой литературы:

1. Цой, Л. Н. Современные образовательные технологии в обучении HR-менеджеров: путь к конфликтологической компетенции / Л. Н. Цой // Кадровик. – 2012. – № 3. – С. 122–128. – URL: https://publications.hse.ru/articles/71529366 (дата обращения: 08.04.2026).

2. Серебровская, Н. Е. Проблемы конфликтологической подготовки менеджеров в системе высшего профессионального образования в русле компетентностного подхода / Н. Е. Серебровская // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2021. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-konfliktologicheskoy-podgotovki (дата обращения: 08.04.2026).

3. Воронцова, О. А. Конфликтологические компетенции менеджера как средство профилактики неконструктивных конфликтов в организации / О. А. Воронцова // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2021. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktologicheskie-kompetentsii-menedzhera (дата обращения: 08.04.2026).

Кулыгина У.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Чудинова Е.В., канд. пед. наук, доц.

КАК ПЕДАГОГ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕЙ ШКОЛЬНОЙ ЖИЗНИ ВЛИЯЕТ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ?

Аннотация

В статье предлагается рассмотреть, как педагог на протяжении всей школьной жизни влияет на формирование личности. Анализируются основные механизмы педагогического влияния: через организацию учебной деятельности, воспитание ценностных ориентаций, развитие коммуникативных навыков и создание благоприятной психологической атмосферы в классе.

Ключевые слова: педагог, личность, формирование, образ.

На протяжении веков человечество исследовало свою сущность, задаваясь вопросом: кто же такой человек? Чем он отличается от животных? Великие философы пришли к выводу, что главное отличие

человека в том, что он живёт в обществе. Человек не рождается личностью, он ставится ею в процессе социализации.

Под личностью понимается совокупность тех черт, которые проявляются в человеке и имеют значение для социума: это и отзывчивость, и умение действовать самостоятельно, и склонность к созиданию. Как указывает Л.И. Божович, «человек становится личностью в ходе усвоения социальных норм, культурных ценностей, образцов поведения в обществе Социализация включает общение, обучение, накопление опыта» [1, с.4].

Кто влияет на формирование личности? По мнению А.Г. Ковалева, «семья – это первое и самое главное место, где человек учится жить в обществе» [3, с. 15]. Здесь закладываются наши главные ценности, формируется наш характер, мы осваиваем важные навыки общения и учимся управлять своими чувствами. То, как нас воспитывают, насколько нас любят и поддерживают, какие традиции есть в семье – всё это сильно влияет на то, каким человеком мы вырастем, и как будем вести себя в жизни.

Средства массовой информации (СМИ) и интернет оказывают значительное влияние, особенно на подростков. СМИ формируют мировоззрение, ценности, могут вдохновлять или, наоборот, оказывать деструктивное воздействие

Образовательное учреждение. В рамках учебной деятельности происходит развитие ключевых социальных навыков, коммуникативных способностей, самоорганизации и чувства долга. Как считает А.З. Зак, «школа способствует формированию умений эффективно взаимодействовать в коллективе, осознавать своё место в обществе и усваивать этические принципы» [2, с.3].

Целью данной статьи является узнать, как педагог влияет на развитие личности.

Влияние учителя на формирование личности в начальных классах — сложный и многогранный процесс, который включает несколько этапов и направлений работы.

В младших классах педагог учит детей отличать хорошее от плохого, осознавать последствия своих действий, проявлять уважение к другим. Как указывает А.З. Зак, это помогает «развитию социальной ответственности и гражданской позиции» [2, с.7].

Работа учителя в начальной школе имеет свои особенности. А.Г. Ковалев подчеркивает, что они связаны с «возрастными и психологическими характеристиками младших школьников, которые необходимо учитывать» [3, с. 17].

По мнению А. З. Зака, в начальных классах «ребенок начинает формировать свой характер, активно познавать мир, учиться общаться

с другими и понимать свои чувств» [2, с.15]. Он отмечает в своих работах, что для того, чтобы удержать интерес учеников, учитель «использует разнообразные методы обучения, включающие игровые формы, творческие проекты, практические задания…В этом возрасте педагог развивает у детей любознательность, умение задавать вопросы и находить ответы» [2, с. 56]. Как считает Л.И. Божович, одной из ключевых особенностей является «высокая эмоциональная восприимчивость детей» [1, с.13].

Гармоничное развитие личности ребёнка достигается благодаря эффективному взаимодействию педагогов и родителей, формирующему единую систему ценностных ориентиров, начиная с ранних лет.

По мнению Т.Н. Мальковской, средний школьный возраст (11–15 лет) является критическим этапом развития, «сопровождающимся существенными психологическими и физиологическими изменениями» [4, с.25]. В этот период наблюдается:

- активное развитие самооценки и самосознания;
- усиление стремления к социальному признанию и уважению;
- процесс формирования идентичности через поиск авторитетов и ролевых моделей;
- закладывание основ для формирования мировоззрения и системы ценностей.

В этот период учитель:

- служит образцом; подростки склонны перенимать черты характера, стиль общения и жизненные принципы тех, кого они уважают;
- корректирует самовосприятие: позитивное отношение, конструктивные замечания и беспристрастность помогают подростку выработать реалистичное представление о себе;
- оттачивает навыки межличностного общения: через групповые проекты, дискуссии и разрешение споров учитель обучает эффективному взаимодействию с окружающими;
- направляет в выборе жизненного пути. Приведем цитату из работы А. Фернхема: «Учитель может помочь раскрыть потенциал, наметить пути развития и поддержать в определении будущей профессии» [5, с.9].

В период старшей школы, охватывающий возраст от 16 до 18 лет, учащиеся переживают этап перехода к самостоятельной жизни. Т. Н. Мальковская отмечает, что этот возрастной период отличается следующими ключевыми особенностями: «профессиональная ориентация, формирование мировоззренческой системы, развитие автономии, социальная интеграция» [4, с.21].

В старших классах роль учителя трансформируется, приобретая новые грани.

Проводник в будущее: учитель становится наставником, помогая ученикам осмыслить карьерные пути, подготовиться к поступлению и справиться с жизненными трудностями.

Я считаю, что педагог – это личный пример и образ, на который человек обращает внимание с раннего возраста.

Не зря символ образа учителя – птица пеликан. Этот символ выбран неслучайно. Пеликан – птица, которая символизирует заботу и самопожертвование. Именно такими качествами должен обладать учитель, который играет ключевую роль в формировании личности.

Они призваны призывать педагогов быть преданными своей профессии, милосердными к воспитанникам и самоотверженными наставниками.

В ходе исследования был проведен опрос «Роль учителя в моей жизни» среди студентов 1 курса Липецкого филиала РАНХиГС, обучающихся по программам СПО. Анализируя ответы опрошенных, можно сделать вывод, что практически у всех был учитель, который повлиял на их дальнейшую жизнь, а также помог сформировать индивидуальные убеждения и взгляды. На предложение продолжить фразу «Учитель – это…» были даны различные ответы, такие как: «наставник», «пример поведения», «проводник в мир знаний», «вторая мама», «доверие на 100 процентов», «идеал» и «образ». Все это подтверждает предположение о том, что образ учителя ассоциируется у студентов с положительными качествами.

Список цитируемой литературы:

1. Божович, Л. И. Возрастные закономерности формирования личности ребенка: автореферат диссертации … доктора педагогических наук (по психологии): 19.00.00 / Божович Лидия Ильинична. – Москва, 1966. – 40 с.

2. Зак, А. З. Психологические особенности рефлексии у детей младшего школьного возраста: автореферат диссертации ... кандидата психологических наук: 19.00.07 / Зак Анатолий Залманович. – Москва, 1976. – 17 с.

3. Ковалев, А. Г. Психология личности / А. Г. Ковалев. – Москва: Мысль, 1970. – С. 5–22.

4. Мальковская, Т. Н. Социальная активность старшеклассников / Т. Н. Мальковская. – Москва: Педагогика, 1988. – 184 с.

5. Фернхем, А. Личность и социальное поведение / А. Фернхем, П. Хейвен ; перевод с английского Н. Мальгина. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – 368 с.

Мазурова Д.М., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Тонких А.Г., преподаватель СПО

СОХРАНЕНИЕ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация

В статье рассматривается семья как значимый элемент культуры. Внимание уделяется анализу семейных традиций, их роли в повседневной жизни в качестве важной составляющей формирования духовной культуры личности.

Ключевые слова: семья; элементы культуры, духовная культура; семейные традиции.

В наши дни общество проживает глубокие социокультурные трансформации, которые трогают все сферы нашей жизни. Институт семьи в этом смысле не является исключением. Изменяются представления о родительстве, браке, гендерных ролях и семейной ответственности. В этих случаях особую роль приобретают традиционные ценности, способные стать поддержкой для сохранения и укрепления семьи.

Смотря на основные направления социокультурных трансформаций, стоит отметить, что в современной семье муж и жена имеют равные права, решения они принимают вместе. В таком случае видно понижение роли традиций на определенную ячейку общества [3, с.57].

Помимо этого, членов современной семьи отличает тяга к неограниченной личной свободе, желание реализоваться и стремление к эмоциональному комфорту. Нередко такие потребности становятся приоритетом, чем сохранять брак. Происходит и изменение структуры семьи: увеличивается количество неполных семей, растет число незарегистрированных сожительств. В дополнение ко всему, рождаемость становится контролируемой, фокус воспитания перемещается на качество, а не количество детей. Общество полностью погружается в цифровизацию, которая изменяет способы общения и воспитания. Это нередко приводит к сокращению живого общения.

Осмотрим основные тенденции последнего десятилетия:

- глобализация новых культурных стандартов;
- перемена гендерных ролей и моделей поведения;
- рост индивидуализма и приоритета личных интересов над семейными;

- трансформация представлений о браке (гражданский брак, поздние браки, увеличение числа разводов);

- влияние цифровых технологий на общение внутри семьи.

Эти процессы приводят к слабым семейным связям, понижению рождаемости, возрастанию количества неполных семей и кризису между поколениями [2, с.106].

Традиционные ценности представляют собой основу крепкой семьи, базирующийся на любви, преданности, признании, и поддержке. Они поддерживают морально-нравственный фундамент общества, дают духовно-нравственные цели из поколения в поколение и способствуют сохранению целостности государства через крепкий брак [4, с. 46].

В числе основных принципов традиционных семейных ценностей:

- любовь, преданность и доверие (фундаментальные элементы, обеспечивающие взаимную поддержку и безопасность);

- уважение и заботу (почитание старших, ответственность за младших);

- взаимоотношения поколений (передача традиций, обычаев и жизненного опыта следующему поколению).

- сплоченность (наличие совместных традиций, таких как семейные трапезы);

Стоит помнить, что ценности не просто улучшают личные взаимоотношения в семье, но и помогают институту семьи в современном обществе. Они выстраивают целостность и защищают от внешних проблем; формируют сознание ребенка, давая понимание хорошего, любви и долга. Приоритет духовного над материальным дает возможность поставить интересы семьи выше эгоизма [4, с.48].

Традиционные семейные ценности также включают:

- почитание старших и забота о детях;

- ответственность в браке, друг за друга и за семью в целом;

- приоритет семейного блага над личными интересами;

- поддерживание духовных и нравственных базовых знаний, передачу навыков между поколениями.

На протяжении многих лет в российской культуре эти ценности делали ключевую роль, обеспечивая стабильность и наследственность поколений [2, с. 105].

Традиционные ценности в наших реалиях играют роль основы для сохранения культурной идентичности, поддержания социальной стабильности и преемства.

Традиционные ценности общества в России выражаются в ряде признаков. Одним из таких получается сохранение культурного индивидуализма народов, живущих в нашей стране. Выступая фундаментом для усиления семьи, традиционные ценности также помогают вос-

питывать у детей почтение к истории, а также передавать ему культурное наследие. В кризисные времена традиции, обычаи дают атмосферу защищенности и уверенности в следующем дне.

Применение традиций в семейное воспитание помогает противостоять неприятным факторам в нашем мире, связанным с эгоизмом. В этих целях формирование традиционно духовно-нравственных значимостей среди населения следует проявлять следующие меры:

- усиление эмоциональной связи техникой регулярного проведения времени вместе (семейный отдых, походы, праздники и т.д.);
- не скрывая обмениваться своим мнением, прибегая к технике активного слушания.
- показывать знаки внимания, говорить комплименты.
- строить совместное будущее и цели [1, с. 14].

Очень важно взаимодействие. В этой сфере, действенными мерами являются:

- умение конструктивно говорить своё мнение;
- умение находить компромиссы;
- уважать личное пространство и индивидуальные вещи человека;
- планировать бытовые обязанности.

Теперь можно сделать вывод о том, что сохранение семьи в современном мире социокультурных трансформаций невозможно без опоры на традиции. Они выступают не только как моральные ценности, но и как инструмент для поддержки семейных отношений, воспитания поколения и передачи культурного наследия. Таким образом, совместными усилиями государства, общества и каждой отдельной ячейки общества способны обеспечить устойчивость института семьи в современной жизни.

Список цитируемой литературы:

1. Алиханова, Р. А. Психолого-педагогическая характеристика ценностей семьи / Р. А. Алиханова // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2021. – № 6. – С. 12–16.

2. Клименко, Л. В. Семья в поликультурном пространстве Юга России: этногендерное измерение / Л. В. Клименко // Женщина в российском обществе. – 2021. – № 3. – С. 99–116.

3. Миронцева, С. А. Государственная семейная политика и формирование семейных ценностей в современной России: институциональное, символическое и дискурсивное измерения / С. А. Миронцева, А. А. Гнедаш // Южно-российский журнал социальных наук. – 2024. – Т. 25, № 4. – С. 55–66.

4. Стародубровская, И. В. Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия / И. В. Ста-

родубровская // Журнал исследований социальной политики. – 2019. – Т. 17, № 1. – С. 40–56.

Майорова Д.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель - Соловьёва Н.Ю., канд. пед. наук, доц.

СТОКГОЛЬМСКИЙ СИНДРОМ: МЕХАНИЗМ ПРИВЯЗАННОСТИ К АГРЕССОРУ

Аннотация

В данной работе рассматривается феномен стокгольмского синдрома как парадоксального психологического механизма, при котором жертва неосознанно формирует эмоциональную привязанность к агрессору в условиях травматического события. Анализируются ключевые условия возникновения синдрома и его защитная природа. Особое внимание уделяется объяснению этого механизма через эволюционную психологию и теории привязанности.

Ключевые слова: стокгольмский синдром, психология, механизм, агрессор, жертва.

Термин «стокгольмский синдром» был введён шведским криминалистом и психиатром Нильсом Бейеротом для описания необъяснимого поведения жертв во время ограбления банка Kreditbanken в шведском городе Стокгольме в 1973 году [1]. Шесть дней четверо заложников провели взаперти с захватившим их преступником Яном-Эриком Олссоном. Вопреки ожиданиям, после освобождения они не только проявили симпатию к своему мучителю, но и активно препятствовали действиям властей, а одна из заложниц, Кристин Энмарк, в телефонном разговоре с премьер-министром умоляла разрешить ей покинуть банк вместе с похитителями.

Этот парадоксальный случай лёг в основу определения синдрома, который психиатр Фрэнк Очберг позже охарактеризовал для ФБР через три ключевых критерия: человек переживает нечто ужасное, будучи уверенным в неминуемой смерти; затем он проходит через стадию «инфантилизации», когда теряет контроль над своими базовыми потребностями; наконец, небольшие акты доброты со стороны агрессора вызывают у жертвы «примитивную благодарность за дар жизни» [2].

В основе формирования привязанности к агрессору лежат мощные бессознательные защитные механизмы. Ключевым из них является «идентификация с агрессором», концепция, разработанная Анной Фрейд в её классической работе «Эго и механизмы защиты» [3]. Она описывает ситуацию, когда человек, столкнувшись с внешней угрозой, бессознательно перенимает черты и поведение угрожающей фигуры, чтобы справиться с тревогой и ощущением собственного бессилия. Как позже отмечал Бруно Беттельгейм, схожие процессы можно было наблюдать даже у некоторых узников нацистских концлагерей, которые начинали идентифицировать себя с охранниками.

Дальнейшее развитие эта идея получила в концепции «травматической связи», предложенной Дональдом Даттоном и Сьюзен Пейнтер [4]. Они показали, что наиболее прочные эмоциональные узы возникают в отношениях, характеризующихся двумя основными чертами: дисбалансом власти и прерывистым подкреплением (чередованием жестокого и доброго обращения). Эта динамика, схожая с механизмом игровой зависимости (лудомании), делает поведение агрессора непредсказуемым, а редкие акты доброты воспринимаются жертвой как ценная награда, что парадоксальным образом усиливает привязанность.

Современные исследования предлагают отойти от восприятия стокгольмского синдрома как исключительно психопатологии. В своей работе 2007 года «Травматическая ловушка, умиротворение и комплексное ПТСР» авторы, Кантор и Прайс, предлагают эволюционный взгляд на этот феномен [5]. Они рассматривают стокгольмский синдром как специфическую реакцию на «травматическую ловушку» - ситуацию, из которой жертва не может физически или психологически выбраться. Ключевым понятием здесь становится «умиротворение», которое Кантор и Прайс называют защитной реакцией млекопитающих, наиболее актуальной для выживания в подобных обстоятельствах. Используя сравнения с поведением приматов, они показывают, что демонстрация покорности и установление положительной связи с доминирующей особью — это глубоко укоренившийся видоспецифичный механизм, направленный на деэскалацию конфликта и снижение угрозы [5].

Наиболее радикальный пересмотр концепции был предложен в 2023 году группой исследователей во главе с Ребеккой Бейли в статье «Умиротворение: замена стокгольмского синдрома как определения стратегии выживания» [6]. Авторы утверждают, что термин «синдром» несёт негативную, патологизирующую коннотацию и не имеет достаточного эмпирического обоснования. Они предлагают заменить его на более нейтральный и научный термин «умиротворение», который можно объяснить через поливагальную теорию Стивена Порджеса [7].

С этой точки зрения, внешнее проявление привязанности к агрессору — это не патологическая любовь, а мощный, рефлекторный нейробиологический механизм, активируемый нервной системой для выживания в экстремальной ситуации [7]. Жертва бессознательно использует стратегии, направленные на то, чтобы успокоить агрессора и тем самым повысить свои шансы на выживание. Понимание этого, как подчёркивают Бейли и коллеги, помогает дестигматизировать поведение потерпевших, нормализует их реакции как адаптивные стратегии выживания и способствует более здоровому восстановлению после травмы [6].

Таким образом, стокгольмский синдром представляет собой многогранный феномен, расположенный на стыке психоанализа, бихевиоризма и эволюционной биологии. Современная наука склоняется к тому, чтобы рассматривать его не как психическое расстройство или парадокс, а как глубоко укоренившуюся, бессознательную стратегию выживания в условиях абсолютной зависимости и перманентной угрозы. Сдвиг в терминологии от «синдрома» к «реакции умиротворения» отражает более широкую тенденцию в психотравматологии — отказ от стигматизации жертв в пользу понимания адаптивной природы их поведения, что имеет ключевое значение для клинической практики и правовой оценки действий потерпевших.

Список цитируемой литературы:

1. Бейерот, Н. Шестидневная война в Стокгольме / Н. Бейерот // Новый учёный. – 1974. – Т. 61, № 886. – С. 486–487.

2. Очберг, Ф. М. Стокгольмский синдром / Ф. М. Очберг // Журнал Американской академии психиатрии и права. – 1978. – Т. 6, № 2. – С. 150–152.

3. Фрейд, А. Эго и механизмы защиты / А. Фрейд ; перевод с английского. – Москва : Эксмо, 2003. – 256 с. – (Психологическая коллекция). – ISBN 5-699-04230-2.

4. Даттон, Д. Г. Травматическая связь: формирование эмоциональных привязанностей у женщин, подвергающихся насилию, и в других отношениях с прерывистым насилием / Д. Г. Даттон, С. Л. Пейнтер // Виктимология: международный журнал. – 1985. – Т. 10, № 1–4. – С. 118–132.

5. Кантор, К. Травматическая ловушка, умиротворение и комплексное посттравматическое стрессовое расстройство: эволюционные перспективы реакций заложников, домашнего насилия и стокгольмского синдрома / К. Кантор, Дж. Прайс // Австралийский и новозеландский журнал психиатрии. – 2007. – Т. 41, № 5. – С. 377–384. – DOI: 10.1080/00048670701261178.

6. Бейли, Р. Умиротворение: замена стокгольмского синдрома как определения стратегии выживания / Р. Бейли, Дж. Дьюгард, С. Ф. Смит, С. В. Порджес // Европейский журнал психотравматологии. – 2023. – Т. 14, № 1. – Ст. 2161038. – DOI: 10.1080/20008066.2022.2161038.

7. Порджес, С. В. Поливагальная теория: нейрофизиологические основы эмоций, привязанности, общения и саморегуляции / С. В. Порджес. – Нью-Йорк : W. W. Norton & Company, 2011. – 416 с. – (Серия по межличностной нейробиологии Нортона). – ISBN 978-0-393-70700-7

Мацерук В.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Усачёва О. Ю., доктор филол. наук, доц.

СУБСТАНДАРТНАЯ (ОБСЦЕННАЯ) ЛЕКСИКА В ОБЩЕНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация

В статье представлены результаты социолингвистического исследования, направленного на изучение употребления субстандартной (обсценной) лексики среди студентов Липецкого филиала Президентской академии. Основная цель исследования – выявление основных причин, контекстов и частоты использования указанной лексики. Делается вывод о том, что несмотря на ее широкое распространение в неформальной коммуникации, 64,4% опрошенных считают необходимым сократить ее употребление в общении.

Ключевые слова: субстандартная (обсценная) лексика; социолингвистика; речевая культура; общение.

Современное состояние русской речевой культуры характеризуется заметным ослаблением нормативных барьеров и расширением сферы бытования субстандартной лексики. Если несколько десятилетий назад нецензурная брань была жёстко табуирована в публичном пространстве, то сегодня она активно проникает в средства массовой информации, интернет-коммуникацию, художественные тексты и повседневное общение различных социальных групп [3, с. 1–2]. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ), 61% россиян использует нецензурную лексику в повседневной жизни, причём наиболее высокая частотность употребления фиксируется именно в

молодежной среде [2]. При этом, согласно исследованиям, большинство граждан осознает нежелательность подобной речевой практики: 67% респондентов убеждены, что употреблять нецензурные выражения недопустимо ни при каких обстоятельствах [1, с. 13].

Подобное противоречие между реальным речевым поведением и декларируемыми нормами требует детального изучения, особенно в студенческой среде, где формируются коммуникативные привычки будущих специалистов. Этим обосновывается актуальность настоящего исследования.

Цель исследования – выявить основные причины, контексты и частоту использования нецензурной лексики среди студентов Липецкого филиала Президентской академии, а также определить их отношение к данному явлению и факторы, влияющие на его распространение в молодёжной среде.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: 1) проанализировать теоретические подходы к изучению субстандартной лексики; 2) разработать анкету, отражающую ключевые аспекты употребления нецензурной лексики (причины, контексты, влияние окружения); 3) провести анкетирование среди студентов филиала; 4) осуществить статистическую обработку и сравнительный анализ полученных данных; 5) выявить преобладающие причины и контексты использования обсценизмов, а также отношение респондентов к данному явлению; 6) сопоставить эмпирические результаты с общероссийскими данными и сформулировать выводы.

В лингвистической и социологической литературе для обозначения слов и выражений, нарушающих нормы общественной морали, используется ряд терминов: ненормативная лексика, обсценная лексика, инвективная лексика, нецензурная брань. Т.С. Киенко отмечает, что в общественном сознании ненормативная лексика понимается, прежде всего, как нецензурная брань (мат), которая выступает «речевым социальным феноменом первой степени ненормативности» [3, с. 3]. В настоящей работе мы придерживаемся широкого понимания субстандартной (обсценной) лексики как совокупности слов и выражений, оцениваемых носителями языка как непристойные и находящихся за пределами литературной нормы.

Функциональный потенциал обсценной лексики в молодёжной коммуникации весьма разнообразен. В. И. Жельвис подчеркивает, что мат может выполнять функции эмоциональной разрядки, установления контакта, маркирования групповой идентичности и даже эстетическую функцию [1, с. 13]. Т. С. Киенко дополняет этот перечень когнитивной, коммуникативной, фатической и метаязыковой функциями, указывая на способность нецензурных выражений выступать в роли «речевого

джокера», замещающего практически любые языковые единицы [3, с. 6–7]. Именно полифункциональность мата делает его столь востребованным в неформальной студенческой среде.

Эмпирическую базу исследования составили результаты социолингвистического опроса, проведенного в Липецком филиале Президентской академии в марте-апреле 2026 года. В опросе принял участие 101 респондент. Выборка формировалась стихийно, однако она отражает основные социально-демографические характеристики студенческого контингента. Среди опрошенных 69,3% – девушки, 30,7% – юноши. Возрастной состав: 47,5% – 19-22 года, 32,7% – 16-18 лет, 7,9% – 23-25 лет, 2% – 26-30 лет, 9,9% – старше 30 лет (преимущественно магистранты и аспиранты). По уровню обучения преобладают студенты бакалавриата (1-2 курсы – 72,3%), магистранты (16,9%), аспиранты (4%) и студенты среднего профессионального образования (2%). Анкета включала закрытые вопросы о частоте, контекстах и причинах употребления нецензурной лексики, а также открытый вопрос о возможных мерах по снижению её использования.

Перейдем к анализу полученных данных. Ответы на вопрос «Как Вы в целом относитесь к использованию нецензурной лексики?» распределились следующим образом: 39,6% респондентов занимают нейтральную позицию («это просто слова»), 28,7% – скорее отрицательную, 12,9% – резко отрицательную, 11,9% – скорее положительную, 6,9% – безусловно положительную. Таким образом, 41,6% опрошенных демонстрируют в той или иной степени отрицательное отношение к мату, в то время как 18,8% оценивают его положительно. Нейтральное восприятие доминирует, что свидетельствует об определённой «легализации» обсценной лексики в сознании значительной части студентов.

Частота использования нецензурной лексики представлена следующими показателями: 37,6% употребляют мат «иногда, для усиления выразительности», 30,7% – «редко, в исключительных ситуациях», 16,8% – «часто, это часть моего обычного лексикона», 2% – «постоянно, в каждом предложении». Никогда не используют нецензурную лексику лишь 12,9% респондентов. Следовательно, 87,1% опрошенных студентов в той или иной степени прибегают к обсценной лексике в своей речи, что подтверждает общероссийский тренд на широкое распространение мата в молодежной среде [2].

Анализ причин употребления нецензурной лексики (вопрос предполагал множественный выбор) показал, что ведущим мотивом выступает выражение сильных эмоций (гнев, радость, удивление) – этот вариант выбрали 35,3% от общего числа ответов. Далее следуют: «слова-паразиты» (18,4%), привычка (12,6%), нехватка других слов для точного

выражения мысли (11,1%), использование мата для связки слов в речи (10,5%). Конформистские побуждения («чтобы вписаться в компанию») и протестные («выражение протеста против общественных норм») оказались малозначимыми: 3,7% и 3,2% соответственно. Лишь один респондент указал причину «чтобы казаться взрослее/круче/увереннее». В открытых комментариях девять человек отметили, что вообще не используют мат либо стараются его избегать. Полученные результаты свидетельствуют о том, что для подавляющего большинства студентов обсценная лексика выполняет прежде всего экспрессивную функцию, выступая инструментом эмоциональной разрядки, а не маркером групповой идентичности или формой социального протеста.

Контексты употребления нецензурной лексики ожидаемо концентрируются в сфере неформального общения (вопрос предполагал множественный выбор). Наиболее частотными оказались ситуации общения с близкими друзьями (53 ответа из 173) и стрессовые либо конфликтные ситуации (41 ответ). Далее следуют интернет-коммуникация (социальные сети, чаты, игры) – 20 ответов, учебная обстановка – 9 ответов, практически любая обстановка – 8 ответов, общежитие/дом – 6 ответов. Ещё 36 ответов за то, что редко используют мат. Примечательно, что использование нецензурной лексики в учебной обстановке допускается лишь небольшой частью опрошенных, что говорит о сохранении институциональных границ и определённого уровня самоконтроля.

Широкое распространение в студенческой среде получили эвфемизмы – смягчённые или завуалированные замены нецензурной лексики (например, «ёлки-палки», «блин»). 57,4% опрошенных используют их «иногда, когда нельзя выругаться, но хочется», 31,7% – «постоянно». Лишь 5% предпочитают исключительно нормативную лексику, а ещё 5% – исключительно нецензурную. Эвфемизация позволяет молодёжи балансировать между стремлением к эмоциональной выразительности и соблюдением социальных норм.

Отношение к употреблению мата в ближайшем окружении характеризуется высокой степенью толерантности. 49,5% респондентов заявили, что им «всё равно, это их дело», а 28,7% отметили: «я сам(а) так делаю, это нормально для нашего общения». Осуждают использование нецензурной лексики друзьями или одногруппниками лишь 17,8% опрошенных. При этом оценка влияния мата на имидж и репутацию не столь однозначна: 30,7% считают, что мат безусловно вредит репутации, 25,7% – «скорее вредит», однако столько же (30,7%) полагают, что «в наше время на это не обращают внимания», а 12,9% затруднились с ответом. Подобная амбивалентность отражает общий социокультурный контекст: формальное осуждение нецензурной лексики соседствует с её

фактической легитимацией в неформальной коммуникации.

Ответы на вопрос «Как Вы думаете, что происходит с Вашей речью, когда Вы перестаёте использовать мат?» позволяют оценить уровень рефлексии студентов. 51,5% респондентов уверены, что их речь становится богаче, они начинают искать другие слова. 37,6% не видят особых изменений, 5,9% ощущают скудность речи и трудности с выражением эмоций, 5% затруднились ответить. Таким образом, более половины опрошенных осознают обедняющее влияние мата на качество речи и демонстрируют готовность к самоконтролю.

Прямой вопрос о необходимости сокращения употребления нецензурной лексики выявил преобладание умеренно-позитивной позиции: 32,7% выбрали вариант «скорее нужно», 31,7% – «да, нужно». В совокупности 64,4% опрошенных поддерживают идею снижения уровня мата в речи. Скорее не нужным это считают 24,8%, категорически против – 10,9%. Полученные данные коррелируют с результатами общероссийских опросов, согласно которым 67% россиян осуждают употребление нецензурной лексики [1, с. 13].

В открытом вопросе респондентам предлагалось сформулировать возможные меры по снижению уровня использования нецензурной лексики среди молодёжи. Наиболее часто упоминались: чтение книг и расширение словарного запаса, повышение общей культуры речи в семье и школе, личный пример взрослых, проведение просветительских мероприятий и тренингов по эмоциональному интеллекту. Отдельные участники опроса высказались за практику применения штрафов за мат в общественных местах, ограничение контента с нецензурной лексикой в Интернете и средствах массовой информации. Ряд ответов акцентировал необходимость системной работы с детства и формирования речевой среды, в которой употребление мата не является социальной нормой.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, субстандартная (обсценная) лексика глубоко интегрирована в речевую практику студенческой молодежи: 87,1% опрошенных используют мат с той или иной частотой, причем основной функцией выступает выражение сильных эмоций (35,3% ответов).

Во-вторых, в студенческой среде сохраняется амбивалентное отношение к нецензурной лексике: при доминировании нейтрального восприятия (39,6%) и фактической толерантности к мату в ближайшем окружении 64,4% респондентов считают необходимым сокращение его употребления.

В-третьих, более половины студентов демонстрируют достаточно высокий уровень рефлексии, осознавая, что отказ от мата обогащает речь и заставляет искать более точные средства выражения.

В-четвертых, ключевыми факторами снижения употребительности обсценной лексики, по мнению самих студентов, являются повышение общей культуры речи, расширение словарного запаса через чтение и создание благоприятной речевой среды.

Полученные результаты могут быть использованы при разработке воспитательных и образовательных программ, направленных на повышение речевой культуры студенчества. Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным анализом гендерных и возрастных различий в употреблении субстандартной лексики, а также с сопоставлением данных по разным регионам и типам учебных заведений.

Список цитируемой литературы:

1. Владыкина, Т. 30 причин послать на... / Т. Владыкина // Российская газета. – 2012. – 15 марта. – № 57. – С. 13.

2. Русский язык: мат — не наш формат? // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) : [сайт]. – 2008. – URL: wciom.ru (дата обращения: 12.04.2026).

3. Киенко, Т. С. Ненормативная лексика как социальный феномен (анализ опроса жителей провинциального российского города) / Т. С. Киенко // Социологические исследования. – 2016. – № 5. – С. 1–10.

Медведева М.Ю., Плешакова В.А., магистранты
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Волгоградский институт управления, г. Волгоград
Научный руководитель – Сагайдак В.А., канд. социол. наук, доц.

ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА И РУМИНАЦИЯ КАК ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация

В статье рассматриваются психологические особенности формирования личности студентов в условиях новой реальности через анализ временной перспективы и выраженности руминации. Представлены результаты исследования, проведенного на базе ВолгГТУ ИАиС, выборку составили 70 студентов в возрасте от 18 до 23 лет. Установлено, что личностное становление студентов связано прежде всего с выраженностью негативного прошлого, фаталистического настоящего и склонностью к руминации. Показано, что фиксация на неблагоприят-

ном прошлом опыте и восприятие настоящего как мало зависящего от собственных усилий сопряжены с усилением повторяющегося воспроизведения негативных мыслей. Ориентация на будущее рассматривается как значимый ресурс личностной устойчивости и развития.

Ключевые слова: формирование личности; временная перспектива; негативное прошлое; фаталистическое настоящее; руминация; студенты.

Современная реальность характеризуется высокой неопределенностью, интенсивностью социальных изменений, цифровизацией повседневной жизни и повышенными требованиями к психологической гибкости личности. Особенно чувствительной к данным изменениям является студенческая молодежь, поскольку именно в этот период происходит активное формирование целей, ценностей, жизненных ориентиров и способов саморегуляции. В этих условиях особую актуальность приобретает изучение особенностей временной перспективы личности и склонности к руминации как факторов, влияющих на личностное становление, адаптацию и качество психологического функционирования.

Практическая значимость исследования заключается в уточнении направлений психологической помощи студентам, испытывающим трудности эмоциональной саморегуляции, склонность к навязчивому мысленному возвращению к негативным переживаниям, ощущение неопределенности в отношении собственного будущего.

Формирование личности в условиях новой реальности связано не только с освоением социальных ролей, но и с выработкой внутренней позиции по отношению к собственному прошлому, настоящему и будущему. От того, как оценивается прожитый опыт, воспринимается текущая ситуация и конструируется будущее, зависит характер целей, ценностных предпочтений и способов преодоления трудностей. Руминация при этом может рассматриваться как когнитивный механизм фиксации на негативных переживаниях, затрудняющий движение к целям, осмысленное самоопределение и развитие конструктивной саморегуляции. В рамках данной работы руминация понимается как повторяющееся возвращение к мыслям о причинах и последствиях негативных состояний [1; 2].

Целью исследования стало выявление особенностей временной перспективы и выраженности руминации студентов. Исследование было проведено в январе – феврале 2026 года на базе ВолгГТУ ИАиС. Выборку составили 70 студентов в возрасте от 18 до 23 лет. В работе были использованы «Опросник временной перспективы Зимбардо» (ZTPI) Ф. Зимбардо и Дж. Бойда в адаптации А. Сырцовой, Е. Т. Соко-

ловой, О. В. Митиной, а также «Шкала руминации» (RRS) С. Нолен-Хоексемы в адаптации Г. Г. Князева, Е. А. Дорошевой [1; 3].

Результаты исследования по шкале руминации указывают на выраженную психологическую напряженность студенческой молодежи (рисунок 1). У большинства испытуемых (69%) общий уровень руминации оказался средним. Вместе с тем у каждого третьего (30%) студента выявлена выраженная склонность к повторяющемуся зацикливанию на негативных переживаниях, что позволяет рассматривать данную группу как потенциально уязвимую с точки зрения эмоциональной саморегуляции.

По подшкале депрессивных руминаций средние значения характерны для большей части выборки (61%), в то время как высокий уровень отмечается более, чем у четверти участников (28%). Тягостные размышления также чаще представлены на среднем уровне (66%), однако каждый пятый студент (21%)продемонстрировал их высокую выраженность. Наиболее примечательной оказалась рефлексивная руминация: она проявляется у всех испытуемых, у 52% на среднем уровне, у 48% на высоком. Это указывает на распространенность практик интенсивного самонаблюдения и внутреннего анализа собственных переживаний [3].

Рис.1. Характеристики показателей руминации
и временной перспективы студентов, %

Анализ полученных данных показал, что в восприятии временной перспективы у студентов в большинстве случаев также преобладает средний уровень выраженности по всем шкалам, однако по отдельным параметрам наблюдаются высокие значения.

Так, по шкале «негативное прошлое» почти две трети выборки (63%) продемонстрировали средний уровень, тогда как почти каждый третий (31%) высокий уровень, и лишь немногие (6%) — низкий. Это может свидетельствовать о том, что у значительной части студентов прошлый опыт частично окрашен отрицательными переживаниями, однако не является травмирующим. По шкале «позитивное прошлое» средний уровень характерен более, чем для половины студентов (54%), высокий —для 46%, низкий уровень не представлен в выборке. Такое распределение указывает на то, что прошлое в целом сохраняет для студентов ресурсное, эмоционально значимое содержание.

Наиболее выраженной является шкала «фаталистическое настоящее», по которой средний уровень выявлен у подавляющего большинства студентов (79%), высокий —у 14%, а низкий — менее, чем у десятой части опрошенных (7%). Можно предположить, что многим студентам свойственно воспринимать настоящее как не вполне подконтрольное, зависимое от внешних обстоятельств.

По шкале «гедонистическое настоящее» средний уровень отмечен у большинства студентов (70%), высокий — почти у каждого третьего (30%), низкий уровень отсутствует. Это может указывать на то, что для значительной части обучающихся характерна ориентация на получение удовольствия, эмоциональной насыщенности и переживание актуального момента.

По шкале «будущее» распределение результатов практически равномерное: средний уровень выявлен у 49% опрошенных, а высокий — 51%, низкий уровень не представлен в выборке. Это может свидетельствовать о том, что будущая перспектива занимает важное место в системе представлений студентов, причём у значительной части она выражена достаточно отчётливо. По шкале «трансцендентное будущее» средний уровень характерен более, чем для половины выборки (54%), высокий — для каждого четвертого (41%), а низкий — лишь для немногих (5%). Это может говорить о том, что у части студентов присутствует склонность осмыслять будущее в более широком, ценностном и мировоззренческом контексте.

Корреляционный анализ позволил уточнить, какие временные параметры оказываются наиболее значимыми в контексте переживания руминации (таблица 1). Положительная взаимосвязь выявлена между «Негативным прошлым» и «общим показателем руминации» (0,352**), «Депрессивными руминациями» (0,395**), а также «Тягостными размышлениями» (0,311**). Это позволяет предположить, что фиксация на неблагоприятном прошлом опыте усиливает повторяющееся воспроизведение негативных мыслей и способствует сохранению внутреннего эмоционального напряжения.

В результате анализа обнаружены значимые положительные корреляции показателя «Фаталистическое настоящее» и значениями «Общего показателя руминации» (0,378**), «Депрессивных руминаций» (0,385**), «Тягостных размышлений» (0,339**). Данные результаты указывают на то, что восприятие настоящего как мало зависящего от собственных усилий сопряжено с усилением чувства беспомощности и склонности к застреванию в негативных переживаниях. В контексте формирования личности — это особенно важно, поскольку субъектная позиция и ощущение авторства в собственной жизни являются основой зрелого целеполагания и конструктивной саморегуляции.

	общий показатель руминации	депрессивные руминации	тягостные размышления
негативное прошлое	**0,352****	**0,395****	**0,311****
фаталистическое настоящее	**0,378****	**0,385****	**0,339****
будущее	-,019	-0,157	0,008

Рис. 2. Результаты корреляционного анализа взаимосвязи между временной перспективой показателями руминации

Следует отметить, что по шкалам позитивного прошлого, гедонистического настоящего и трансцендентного будущего статистически значимых взаимосвязей с руминацией не выявлено. Это позволяет предположить, что не вся временная перспектива в равной степени включена в процессы личностного формирования в условиях новой реальности. Наибольшее значение приобретают именно те ее аспекты, которые связаны с переживанием неблагополучного прошлого и ощущением неконтролируемости настоящего.

Таким образом, результаты исследования позволяют рассматривать формирование личности студентов в условиях новой реальности как процесс, в котором важную роль играют особенности отношения ко времени и интенсивность руминации. Наиболее уязвимыми оказываются студенты, у которых личностная картина времени строится вокруг негативного прошлого и фаталистического настоящего. В этом случае усиливается выраженность руминации, что может препятствовать выстраиванию устойчивых жизненных целей, поддержанию ценностной определенности и развитию конструктивных способов саморегуляции.

Учитывая полученные данные, целесообразными представляются разработка и реализация как групповых, так и индивидуальных форм психологического сопровождения студентов, ориентированных на снижение выраженности руминации, переработку негативного жизненного опыта, формирование более субъективно контролируемого восприятия настоящего и укрепление ориентации на будущее как на значимый личностный ресурс. В качестве инструментов работы могут использоваться тренинговые программы развития навыков эмоциональной саморегуляции и целеполагания, а также индивидуальное консультирование, направленное на проработку негативных автоматических мыслей. Кроме того, могут применяться техники когнитивного переосмысления, упражнения на выявление и остановку руминаций, ведение рефлексивного дневника, составление образа желаемого бу-

дущего, а также упражнения, направленные на осмысление личных целей, ценностей и жизненных опор.

Список цитируемой литературы:

1. Дорошева, Е. А. Адаптация русскоязычной версии опросника руминаций Ruminative Response Scale (RRS) / Е. А. Дорошева // Консультативная психология и психотерапия. – 2025. – Т. 33, № 2. – С. 50–71.

2. Пуговкина, О. Д. Руминативное мышление как когнитивный фактор хронификации депрессии: определение понятия и валидность инструментария / О. Д. Пуговкина, А. Д. Сыроквашина, М. А. Истомин, А. Б. Холмогорова // Консультативная психология и психотерапия. – 2021. – Т. 29, № 3. – С. 88–115.

3. Сырцова, А. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо / А. Сырцова, Е. Т. Соколова, О. В. Митина // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29, № 3. – С. 101–109.

Паршенцева А.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Соловьева Н.Ю., канд. пед. наук, доц.

НАРЦИССИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО ЛИЧНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Аннотация

Статья посвящена анализу нарциссического расстройства личности (НРЛ) как значимому психологическому феномену, влияющему на формирование личности в современных условиях. Рассматриваются диагностические критерии НРЛ, его отличия от нарциссических черт, внутренние механизмы (хрупкая самооценка, нарциссическая травма, зависимость от внешнего восхищения). Описаны причины возникновения, проявления в межличностных и профессиональных отношениях, а также возможности психотерапии. Делается вывод о необходимости психологического просвещения в студенческой среде.

Ключевые слова: нарциссическое расстройство личности; грандиозность; отсутствие эмпатии; нарциссическая травма; формирование личности; психотерапия.

Введение. В последние десятилетия наблюдается рост интереса к проблеме нарциссизма как в клинической психологии, так и в общественном дискурсе. Термин «нарцисс» нередко используется как бытовое обозначение эгоистичного человека. Однако за этим стоит серьёзное психическое нарушение – нарциссическое расстройство личности (НРЛ), которое входит в кластер В (драматические, эмоциональные и непредсказуемые расстройства) согласно DSM-5. В условиях современной российской реальности, где культивируются личный успех, конкуренция и публичная презентация себя, изучение НРЛ приобретает особую актуальность. Настоящая статья ставит целью систематизировать современные представления о НРЛ и выделить ключевые аспекты его влияния на формирование личности.

Основные диагностические критерии. Диагноз НРЛ устанавливается при наличии не менее пяти из девяти признаков, описанных в DSM-5. К ним относятся: грандиозное чувство собственной важности; поглощённость фантазиями о безграничном успехе, власти, красоте или идеальной любви; убеждённость в своей «особости» и уникальности; потребность в чрезмерном восхищении; необоснованное ожидание благоприятного отношения (чувство «права»); межличностная эксплуатация (использование других в своих целях); отсутствие эмпатии; зависть к другим или убеждённость в их зависти; высокомерное, надменное поведение. Важно подчеркнуть, что за маской грандиозности и самоуверенности почти всегда скрывается хрупкая, нестабильная самооценка, которая рушится при малейшей критике [1, с. 512–515].

Отличие расстройства от нарциссических черт. Многие люди могут проявлять отдельные нарциссические черты (например, амбициозность или чувствительность к оценке), не имея расстройства. Ключевое различие – в тотальности и дезадаптивности паттерна. При НРЛ указанные характеристики жёстко проявляются во всех сферах жизни (семья, работа, дружба) и приводят к значительным страданиям как самого человека, так и его окружения. Выделяют также два основных варианта НРЛ: грандиозный (открытый, самоуверенный, агрессивный) и уязвимый (скрытый, сверхчувствительный к критике, с чередованием идеализации и обесценивания) [3, с. 112–115].

Причины возникновения. Точная этиология НРЛ окончательно не установлена. Большинство исследователей сходятся на биопсихосоциальной модели. Биологические факторы включают наследственную предрасположенность (темперамент с высокой чувствительностью к вознаграждению). Психосоциальные факторы связаны с особенностями воспитания: это может быть, как чрезмерное восхваление и оценивание ребёнка («ты особенный», «все вокруг хуже»), так и, напротив, холодность, пренебрежение и эмоциональная недоступность родите-

лей. В обоих случаях у ребёнка не формируется реалистичная самооценка и способность к эмпатии [2, с. 48–50].

Проявления в отношениях и профессиональной сфере. В межличностных отношениях человек с НРЛ воспринимает партнёра, друга или коллегу в первую очередь как источник «нарциссического снабжения» – восхищения и подтверждения своей исключительности. Как только этот источник перестаёт давать нужную «подпитку» или начинает критиковать, следует резкое обесценивание, агрессия или холодное игнорирование. На работе НРЛ проявляется стремлением к власти и статусу, присвоением чужих заслуг, неспособностью работать в команде и бурными реакциями на замечания. Внутренний мир человека с НРЛ характеризуется хроническим чувством пустоты, скукой, завистью и периодическими вспышками невыносимого стыда (нарциссическая травма), который маскируется гневом или презрением [4, с. 187–190].

Возможности терапии и прогноз. Лечение НРЛ представляет собой сложную и длительную задачу. Специфических лекарственных препаратов не существует, но могут применяться средства для коррекции сопутствующих симптомов (депрессии, тревоги). Основной метод – психотерапия, в частности схема-терапия и переносно-ориентированная психотерапия. Целью является не «вылечить» нарциссизм полностью, а снизить деструктивные проявления, помочь человеку развить реалистичную самооценку, способность к эмпатии и устойчивые отношения. Главная трудность заключается в том, что пациенты с НРЛ редко обращаются за помощью добровольно – они не видят проблемы в себе и часто приходят на терапию только из-за кризиса (угроза развода, увольнения или депрессия) [3, с. 210–215].

Заключение. Нарциссическое расстройство личности – это не просто «плохой характер», а серьёзная клиническая проблема, которая мешает человеку выстраивать здоровые отношения и адаптироваться в обществе. Для студентов, изучающих психологию, педагогику и социологию, важно понимать разницу между отдельными нарциссическими чертами и полноценным расстройством. В условиях новой реальности, где внешний успех и социальное одобрение часто становятся самоцелью, необходимо развивать навыки эмпатии, критического мышления и реалистичной самооценки – как для профилактики НРЛ, так и для выстраивания устойчивых отношений с окружающими.

Список цитируемой литературы:

1. Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам (DSM-5) / Американская психиатрическая ассоциация. – Москва : Вильямс, 2021. – 1024 с.

2. Кочюнас, Р. Психология отношений и нарциссические расстройства: современные исследования / Р. Кочюнас // Консультативная психология и психотерапия. – 2023. – Т. 31, № 2. – С. 45–59.

3. Старшенбаум, Г. В. Психология личностных расстройств: руководство для врачей и психологов / Г. В. Старшенбаум. – Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2020. – 288 с. (Примечание: добавлены обязательные пробелы между инициалами автора).

4. Ялом, И. Дар психотерапии / И. Ялом. – Москва : Эксмо, 2022. – 352 с.

Пасечников А.О., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Чудинова Е. В. канд. пед. наук, доц.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТНОГО МЫШЛЕНИЯ И СПОСОБНОСТЬ К НРАВСТВЕННОМУ АНАЛИЗУ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация

В данной статье произведен анализ ряда негативных и опасных тенденций внедрения искусственного интеллекта в процесс личностного обучения, на основании которых можно сделать вывод о важности всестороннего развития личности в соответствии с теми нравственными критериями, которые отражены в произведениях русской классической литературы.

Ключевые слова: искусственный интеллект цифровая реальность, личностное мышление, нравственный анализ

Современное общество переживает масштабную цифровую трансформацию, в ходе которой искусственный интеллект (ИИ) и нейросети все активнее проникают в повседневную жизнь, помогая анализировать данные при решении различных задачи. Их потенциал растет каждый день благодаря алгоритмам самообучения, которые, однако, не гарантирует безошибочность выводов. Причинами недостоверности некоторых ответов искусственного интеллекта становятся «галлюцинации», в ходе которых нейросети могут генерировать ответ на основании фактов, которые не имели места быть в реальной жизни. Важно также отметить, что нейросети могут опираться на источники, чья достоверность остав-

ляет желать лучшего, вследствие чего некоторые ответы, выдаваемые ими, могут содержать ошибочную информацию.

Стоит также отметить отсутствие четко выраженных морально-нравственных критериев у ИИ, подобно тем, что были сформулированы Азиком Азимовым в его произведении «Я, робот». В научно-фантастических рассказах этого сборника впервые сформировалась теоретическая основа контрольных параметров, на основании которой алгоритмы машин обязаны принимать все свои решения. Первый закон робототехники гласил: «Робот не должен причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред» [1, с. 60]. Тем самым для искусственного интеллекта устанавливается главный приоритет – обеспечение безопасности общества и отдельно взятой личности. Второй закон робототехники гласит: «Робот должен выполнять все приказы человека, если это не противоречит первому закону робототехники» [1, с. 63]. Согласно этому положению устанавливается иерархия полного подчинения робота человеку, которая дополнительно закрепляется третьим законом робототехники, по которому «Робот должен заботиться о своей собственной безопасности, если это не противоречит Первому и Второму законам» [1, с. 66]. Но, к сожалению, на текущий момент мировая практика фиксирует случаи, в ходе которых искусственный интеллект давал рекомендации, носящие явный деструктивный характер, примерами чего могут послужить иски, поданные семьями, чьи родственники пострадали после общения с ботом. Четверо из людей покончили с собой. Семьи утверждают, что пользователи впадали в бредовое состояние после общения с ChatGPT [2].

В силу множества подобных общественно опасных случаев российский общественный деятель и предприниматель в сфере информационных технологий Наталья Ивановна Касперская на одном из форумов Российской Академии Наук зачитала доклад, суть которого отражена в цитате, произнесенной ей в ходе выступления: «Искусственный интеллект — это некая экзистенциально угрожаемая технология, технология, которая вообще угрожает жизни на Земле. И если мы этого не поймём, если мы пустим этого монстра без ограничений в свою собственную жизнь, вполне возможно, никакой будущей жизни у нас уже не будет» [3].

Человек, используя нейросеть при работе с данными, должен воспринимать искусственный интеллект как послушного ассистента, исполняющего рутинные задачи по поиску и систематизации большого объема информации, ответы которого важно подвергать проверке. А для этого человек должен сам обладать способностью мыслить критически, подвергая комплексному анализу весь информационный поток, выявляя ключевые логические закономерности и оценивая их с позиции нравственных ориентиров. Этому активно способствует изучение

русской классической литературы, благодаря которой у молодого поколения складывается целостная картина миропонимания, основанная на искреннем диалоге автора и читателя, в ходе которого активно изучаются те смысловые образы, которые отражают историю нашей страны, позволяя увидеть преемственность традиций и понять корни современных проблем. Психологические портреты героев прошлого задают вектор развития для будущих поколений, показывая те ориентиры, к которым стоит стремиться. Таким образом, молодежь приобретает теоретический жизненный опыт, воспринимая события окружающего мира более осознанно.

Важно отметить, что проведенные исследовательские опросы среди учащихся 10-11 классов, в которых приняли участие 60 человек, показали, что 60% опрошенных не читали роман-эпопею Л. Н. Толстого «Война и мир», а 20% опрошенных отметили, что произведение Тургенева «Отцы и дети» не увлекло их, как и «Война и мир», которую они бросили, не осилив первый том. На вопрос: «Знают ли они содержание данных произведений?», 75% опрошенных ответили «да», назвав степень их собственного понимания произведения на оценку «удовлетворительно», т. е. по школе от 1-10 на 5-6. Далее было установлено, что все опрашиваемые школьники использовали нейросети для поиска информации о главных героях и сюжетных линиях данных произведений.

Из этого можно сделать вывод о том, что легкодоступность информации, поиск и анализ которой осуществляются с помощью искусственного интеллекта, сводит к нулю мотивациюприменения усилий для реализации собственного анализа, в тех случаях, если у индивида не сформировалась система навыков собственного мышления и обработки информации. Поэтому, на мой взгляд, важно принять все меры для того, чтобы учащиеся, получающие основное общее и среднее общее образование, свели к нулю использование искусственного интеллекта в сфере выполнения практических учебных заданий, т. к. в противном случае их когнитивные способности к систематической работе с информацией могут остаться неразвитыми из-за перекладывания подобного рода задач на нейросети.

Важно также отметить, что для студентов среднего профессионального образования и студентов высшей школы, чрезмерно использующих технологии искусственного интеллекта в своей повседневной жизни для подготовки докладов, презентаций, конспектов, рефератов, научно-исследовательских работ и т. д., существует опасность стандартизации мышления и потери навыка глубокого изучения проблемных вопросов, что явно будет негативно отражаться на уровне их профессиональной подготовленности как специалистов.

И сделав этот вывод, важно избрать наиболее разумный путь — не отказ от цифровых инструментов, а использование их лишь при условии развития у индивида творческого подхода к решению сложных задач, акцентируя его внимание на анализе объективных фактов, а не на готовых ответах, получаемых благодаря машинным алгоритмам. При этом важными задачами остаются сохранение контроля над искусственным интеллектом через проверку достоверности результатов, выдаваемых им, и приемлемости алгоритмов решения важных задач с позиций нравственно-моральных ориентиров, свойственных лишь человеку.

Список цитируемой литературы:

1. Азимов, А. Я, робот: сборник рассказов / Айзек Азимов ; [перевод с английского]. – Москва : Эксмо, 2015. – 320 с.

2. На OpenAI подали в суд из-за случаев суицида после общения с ChatGPT // РБК : сетевое издание. – 2025. – 7 ноября. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/07/11/2025/690d83779a794703057a762d (дата обращения: 08.04.2026)

3. Касперская назвала ИИ монстром и предложила ограничить его применение // ТАСС : информационное агентство : [сайт]. – 2025. – 9 декабря. – URL: https://tass.ru/ekonomika/25858725 (дата обращения: 08.04.2026).

Пахомов Р.Р., студент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского»
Научный руководитель – Мезинова О.В., старший преподаватель кафедры английского языка

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ МОЛОДЁЖИ В ЭПОХУ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Аннотация

В статье рассматривается трансформация ценностных ориентиров современной молодёжи на фоне масштабных геополитических изменений. Анализируются ключевые факторы влияния (глобализация, цифровизация, международные конфликты), динамика ценностных сдвигов с конца XX века до настоящего времени, а также роль государства и общества в формировании новых мировоззренческих установок. Особое внимание уделяется российской молодёжи и специфике её ценностного выбора в условиях геополитической нестабильности.

Ключевые слова: молодёжь; ценностные ориентиры; геополитические изменения; глобализация; патриотизм; прагматизм; традиционные ценности; цифровая социализация; молодёжная политика.

Молодёжь – наиболее динамичная и восприимчивая социальная группа, чутко реагирующая на любые изменения в обществе. Именно её представители в основном определяют, каким будет дальнейший вектор развития государственного устройства [Гулина, 2008: 120]. По этой причине всякому государственному деятелю (неважно, на какой ступени иерархии власти он находится) необходимо учитывать всевозможные колебания в настроениях этой социальной группы и грамотно подстраивать их под актуальные требования политической конъюнктуры страны. Без этого общество рискует оказаться на пути социальной дестабилизации.

В эпоху геополитической турбулентности (санкционное давление, международные конфликты, смена мировых центров силы) ценностные ориентиры молодого поколения России подвергаются серьёзной трансформации. Эта тенденция во многом специфична, поскольку роли традиционных институтов социализации (семьи, школы) в условиях цифровизации претерпели значительные изменения, а взгляды на происходящие в последние годы события стали многомерными и перестали оцениваться лишь с одной конкретной позиции. В связи со всем вышеперечисленным у государства возникла ярко выраженная необходимость понимания новых ценностных установок российской молодёжи для построения более эффективной молодёжной политики.

Исследования в области социальной динамики показывают, что ценностные ориентиры молодёжи нашей страны за последние 30–40 лет претерпели существенные изменения. Причиной тому была возникшая необходимость адаптироваться к резко переменившейся общественной обстановке, которая сильно отличалась от ранее существовавшей.

Началом для вышеназванного процесса послужили события в Советском Союзе 1980-х годов. В этот период в рамках «перестройки» осуществлялось ценностно-ориентировочное смещение политического курса – от коммунистического идеализма и тотального контроля к политике гласности и либерализации экономики. Этому также сопутствовали многие внешнеполитические уступки со стороны главы государства Михаила Сергеевича Горбачёва в пользу западного блока. При этом среди основной массы граждан (включая и молодое поколение) всё ещё доминировали коллективистские ценности, патриотизм и вера в социальную справедливость [Чупров, Зубок, 2000: 29–37].

В 1990-е годы, на фоне распада СССР и начала глобализации по западным лекалам, наблюдался резкий сдвиг в сторону индивидуализ-

ма и прагматизма. Старый миропорядок сразу сошёл на нет, а новые реалии долгое время сохраняли неопределённость в завтрашнем дне. Поэтому молодые люди этого периода стали более ориентироваться на личное благополучие, карьерный рост и потребление [Здравомыслов, 1998:21–22].

В 2000-е годы, после вступления в должность президента РФ Владимира Владимировича Путина, в стране наметилась частичная стабилизация ценностной системы: среди молодёжи снова возрос интерес к традиционным ценностям (семья, патриотизм), но одновременно с этим продолжилось усиление влияния западных культурных моделей [Семёнов, 2007: 39–40]. На протяжении 2010-х годов в обществе прослеживаются те же тенденции, которые взаимно укрепились в связи с известными событиями 2014 года (Майдан на Украине, возвращение Крыма в состав России, первые санкции со стороны Запада).

Таким образом, к 2020-м годам в стране сформировался сложный синтез ценностных ориентиров: традиционные ценности (патриотизм, семья, уважение к истории) стали активно взаимодействовать с новыми общественными установками (прагматизм, цифровая грамотность, глобальная осведомлённость). Из-за этого у представителей молодого поколения возникли так называемые гибридные модели поведения, сочетающие в себе локальную идентичность и глобальную вовлечённость [Комарова, Сенук, 2023:94–97].

В отдельном порядке следует обозначить и расписать ключевые факторы влияния, которые как раз и привели современную молодёжь к их специфичному ценностному выбору. Стоит отметить, что по отдельности эти факторы никогда бы не оказали такого многомерного эффекта в среде данной социальной группы. Именно их совокупное воздействие, подкреплённое своеобразием российского менталитета, смогло сформировать в нашей стране подобное многополярное общественно-поведенческое поле.

Как уже было упомянуто ранее, основным социальным пластом для возникновения своеобразных ценностных установок послужила глобализация. Особенность её роли заключается в том, что она привела к размыванию локальных культурных границ и формированию у молодёжи транснациональных идентичностей. С одной стороны, это расширило мировоззренческие горизонты и повысило социальную мобильность людей, с другой – породило у части молодёжи и кризис национальной идентичности, и неизбежный отход от традиционных моделей и понятий [Володина, 2018: 3–5].

Связующим звеном между молодым поколением и глобалистским воздействием сделалась цифровизация, охватившая практически все сферы жизни современного общества. Цифровая среда стала новым

институтом социализации, конкурирующим с семьёй и школой по всем параметрам, поскольку последние из-за ценностной переориентировки перестали оказывать на молодёжь прежнее весомое влияние. В настоящее время социальные сети формируют альтернативные ценностные модели, а алгоритмы рекомендаций создают «информационные пузыри», усиливающие поляризацию взглядов; при этом виртуальная коммуникация снижает значимость традиционных форм взаимодействия [Комарова, Сенук, 2023:94–97].

Наконец, совокупляющим и определяющим фактором трансформации ценностных ориентиров стала геополитическая нестабильность, возникшая в 2010–2020-е годы и обусловленная санкционным давлением и международными конфликтами. Именно эти аспекты и оказали то самое двоякое воздействие: у одной части молодёжи усилился патриотизм и консолидация вокруг государственных ценностей, другая же часть проявила политическую апатию или критическое отношение к официальной повестке [Ядов, 2014: 49].

Анализ ключевых факторов влияния показывает, что нынешние ценностные установки российской молодёжи носят амбивалентный характер. Во-первых, в среде данной социальной группы прослеживается пассивное противостояние между идеями патриотизма и космополитизма; для одних патриотизм стал ключевой ценностью, для других – менее значим, чем глобальные тренды [Ядов, 2014: 49]. Во-вторых, движения в сторону традиций и инноваций у молодого поколения россиян стали совместными: теперь сохранение семейных ценностей сочетается с ориентацией на карьерный успех и личную свободу [Семёнов, 2007:39–40]. В-третьих, несмотря на рост индивидуалистических установок, молодёжь активно проявляет готовность к коллективной деятельности в рамках волонтёрства и социальных проектов [Заславская, 2003: 34–35]. При этом эмпирические исследования подтверждают, что молодёжь всё чаще делает выбор в пользу прагматизма: ценность образования и профессионального роста превышает всякого рода абстрактные идеалы [Володина, 2018: 3–5].

Однако трансформация ценностей сопровождается ещё и рядом противоречий. Так, при частично сохранившихся обстоятельствах неопределённости у представителей российской молодёжи может возникнуть разрыв между декларируемыми и реальными ценностями, при котором они могут поддерживать патриотизм на словах, но на деле ориентироваться на западные стандарты потребления [Володина, 2018: 3–5]. Кроме того, образовавшееся различие ценностных установок молодого и старшего поколений, а также усиление радикальных позиций из-за информационной поляризации в сети могут привести к серьёзным, сложно разрешаемым конфликтам [Ядов, 2014: 49].

На этом фоне государство и общество по-прежнему выступают ключевыми агентами ценностной социализации, но их влияние конкурирует с цифровыми медиа-платформами глобального масштаба. Данный момент требует от России развития государственных механизмов, способных учесть особенности возникшей конъюнктуры и оказать на неё грамотное воздействие. Это, в свою очередь, включает внедрение программ патриотического воспитания и волонтёрской инициативы в рамках молодёжной политики государственного и регионального уровней, обновление образовательных стандартов (к примеру, включение в учебные планы тем, связанных с национальной историей и культурой), а также поддержка традиционных ценностей через СМИ и культурные проекты [Руткевич, 2002: 96]. Что же касается до прямого взаимодействия с общественными институтами, то здесь должно прослеживаться сохранение роли семьи в передаче базовых ценностей (несмотря на вышеназванные процессы цифровизации), а также гуманный контроль за неформальными сообществами (в том числе онлайн-группами), НКО и молодёжными организациями, продвигающими альтернативные модели социальных и гражданских ценностей [Чупров, Зубок, 2000:29–37].

Ценностные ориентиры молодёжи находятся в состоянии постоянной трансформации под влиянием геополитических, экономических и технологических факторов. В 2020-х годах наблюдается сложный синтез традиционных ценностей (патриотизм, семья) и новых установок (прагматизм, цифровая социализация). Геополитическая нестабильность способствует усилению значимости национальной идентичности и патриотизма для одной части молодёжи, но одновременно порождает политическую апатию у другой. Государство и общество, в свою очередь, играют ключевую роль в формировании ценностных ориентиров, но их влияние конкурирует с воздействием глобальных медиа и цифровых платформ. Поэтому эффективная молодёжная политика должна учитывать многомерность ценностных установок и создавать условия для гармоничного сочетания традиционных и современных ценностей.

Список цитируемой литературы:

1. Володина, Д. Г. Крен ценностных ориентаций российской молодёжи в условиях глобализации / Д. Г. Володина // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2018. – Т. 9, № 1. – URL: https://sfk-mn.ru/PDF/02SCSK118.pdf (дата обращения: 05.04.2026).

2. Гулина, М. А. Словарь-справочник по социальной работе / М. А. Гулина. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 400 с.

3. Заславская, Т. И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция / Т. И. Заславская;

Московская школа социальных и экономических наук. – Москва: Дело, 2003. – 566 с.

4. Здравомыслов, А. Г. Молодёжь России: что она ценит и что она умеет? / А. Г. Здравомыслов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1998. – № 4. – С. 21–22.

5. Комарова, Э. Ю. Формирование мировоззренческих установок молодёжи в условиях новой геополитической реальности / Э. Ю. Комарова, З. В. Сенук // Инновационный потенциал молодёжи: патриотизм, традиции, инновации: материалы Всероссийской молодёжной научно-практической конференции (Екатеринбург, 25 апреля 2023 г.). – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2023. – С. 92–97.

6. Руткевич, М. Н. Социология образования и молодёжи: Избранное (1965–2002) / М. Н. Руткевич. – Москва: Гардарики, 2002. – 541 с.

7. Семёнов, В. Е. Ценностные ориентации современной молодёжи / В. Е. Семёнов // Социологические исследования. – 2007. – № 4. – С. 37–43.

8. Чупров, В. И. Молодёжь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок. – Москва: Институт социально-политических исследований РАН, 2000. – 114 с.

9. Ядов, В. А. Трансформация постсоветских обществ: что более значимо — исторически традиционное или недавнее прошлое / В. А. Ядов // Социологические исследования. – 2014. – № 7. – С. 47–50.

Поляков М.А., студент
Елецкий филиал АНО ВО Российский новый университет, г. Елец
Научный руководитель –Литвиненко Л.С., старший преподаватель кафедры прикладной экономики

СОЗДАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕАВТОРСКОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРОЙ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация

В настоящее время цифровая виртуальность оказывает значительное влияние на развитие личности студента и молодежи в целом, что требует работы над современными средствами и методами воспитания. Компьютерные игры оказывают влияние на процесс социализации человека, который представляет собой процесс развития личности и усвоения требований современного управления. В многопользовательских играх многие сталкиваются с тем, что необходимо следовать установленным правилам и нормам поведения. Из этого последовало появление плана создания и управления игровой средой. Сама игровая

среда стремительно захватывает процесс игры, не требуя при этом заранее приспосабливаться к многочисленным нормам и стандартам. Хотелось бы создать увлекательный проект, в котором игрок может сделать выбор как играть в созданном виртуальном мире. Так возникла идея проекта компьютерной игры QNIX MTA.

Ключевые слова: компьютерная игра QNIX MTA; внутри игровая валюта, C++; Lua; бета-тестер; клиентская часть; серверная часть; лаунчер.

Суть нашего проекта заключается в том, чтобы пользователи получили много положительных эмоций и незабываемых моментов от игрового процесса.

Модель игры включает:

- начало игры происходит без прохождения процедур регистрации;
- роли и занятия выбираются любые, какие интересны пользователю, игрок может быть, как гонщиком, так и продавцом или строителем, или просто бродить по городу;
- для вовлечения игроков создана внутриигровая валюта;
- чаты созданы для общения без жестких формальных требований.

Игра QNIX MTA помогает каждому пользователю определиться с его персональными интересами и предпочтениями, где главным аспектом является свобода выбора.

Структура игры QNIX MTA включает много возможностей для взаимодействия игроков с виртуальной средой.

Пользователи имеют полную свободу выбора стратегии участия в игре и могут выбирать различные активности. Вот некоторые из них:

1. Строительство домов, целых районов и даже городов;
2. Различные соревнования, например, кулачные бои;
3. Торговля товарами и услугами в магазинах или в других точках торговли, создание бизнеса и управление им;
4. Отдых и хобби, например, рыбалка или охота, баскетбол или бильярд.

Каждому участнику предоставляется огромный выбор активностей для интересного игрового процесса.

Проект игры QNIX MTA был создан с помощью двух языков программирования: C++ и Lua.

C++ — язык программирования, применяемый для клиентской части приложения, которое размещено непосредственно на стороне пользователя. C++ используется для создания компиляторов, редакторов, компьютерных игр и программ сетевого обслуживания [3, с. 11].Язык C++ в игре QNIX MTA отвечает за звуковое сопровождение и графическую обработку проекта, также за визуализацию действий пер-

сонажа, за движения транспорта. Этот язык отвечает за высокую скорость исполнения процессов на стороне клиента.

Lua является одним из самых быстрых среди скриптовых языков [1, с. 12]. Он реализует часть игры, которая является ядром всего игрового мира. Lua обеспечивает формирование основного логического ядра сервера. Все это служит для реализации работы виртуального мира. Действия и процессы, используемые в игре, разрабатываются благодаря Lua, например, система коммуникаций, что представляет собой процесс становления личности и постепенное усвоение ею требований общества [2, с. 84].

Создание проекта началось с клиентской части (на языке C++). Несмотря на возникшие технические проблемы, что замедляло темпы работы, следующим шагом стало создание серверной части (на языке Lua). Далее проект был протестирован с привлечением бета-тестеров. Благодаря бета-тестерам были получены положительные результаты. Убедившись в стабильности всех систем, было принято решение для открытия проекта для всех игроков. Чтобы начать игру, нужно сделать следующее (рис.1).

1. Зайти на сайтпроекта, чтобы узнать информацию (можно узнать последние новости, пообщаться на форуме, посмотреть статистику)
2. Скачать лаунчер (программа, через которую устанавливается и запускается игра). Лаунчер сам всё обновляет, показывает новости и позволяет быстро зайти на сервер.
3. Создать аккаунт и играть.

Рис.1. Начало игры

В игре всё сделано таким образом, чтобы любой человек, мог разобратьсяв нейза несколько минут.

В схеме представлено то, что запланировано изменить в игре или добавить в игру в будущем (рис.2)

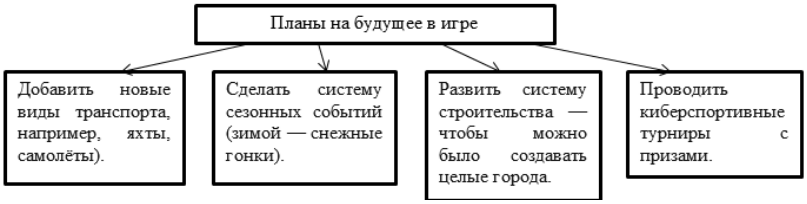

Рис.2. Планы на будущее

Хочется отметить, что QNIX MTA — не просто игра, а свобода выбора как играть, это возможность развиваться, это пространство для

общения и творчества, также это примертого, как современные цифровые технологии позволяют создавать целые миры.

В данной статье хотелось показать, что программирование и создание игр — это не скучно, а очень увлекательно и полезно. Кроме того, создание игр — это перспективное направление, которое помогает развивать в себе личность, получать навыки, которые нужны на рынке труда, приобретать умения взаимодействовать и работать в команде. Все этопомогает нам быть самостоятельными, ответственными икреативными. Любой студент, обучающийся в колледже или вузе, может также сам или с компанией единомышленников создавать современные проекты, в которые будут играть сотни и тысячи людей. Это может служить отправной точкой в поиске себя и получения признания в цифровой реальности.

Список цитируемой литературы:

1. Иерузалимски, Р. Программирование на языке Lua / Р. Иерузалимски ; перевод с английского А. В. Борескова. – 3-е изд. – Москва: ДМК Пресс, 2025. – 312 с.: ил.

2. Кузьмина, Г. П. Компьютерные игры и их влияние на внутренний мир человека / Г. П. Кузьмина, И. А. Сидоров // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2012. – № 2 (74), ч. 2. – С. 93–97. – URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 02.06.2026).

3. Шилдт, Г. C++: базовый курс / Герберт Шилдт; перевод с английского. – 3-е изд. – Москва ; Санкт-Петербург : Диалектика, 2019. – 620 с. : ил., табл.

Пономаренко К.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Донецкий филиал, г. Донецк
Научный руководитель – Киселева А.А., канд. экон. наук, доц.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ РАБОТНИКА В КОНФЛИКТАХ

Аннотация

Статья посвящена формированию личности работника в конфликтах. Отмечена роль социокультурной среды в личностном развитии. Изучены основные причины возникновения конфликтов в организации. Уделено внимание конструктивным конфликтам, которые вы-

ступают катализаторами личностного развития сотрудников. В процессе преодоления конфликта сотрудник приобретает конфликтологическую компетентность.

Ключевые слова: личность, формирование, сотрудник, организация, конфликт, развитие.

Формирование личности работника рассматривается как процесс, на протяжении которого человек накапливает жизненный и профессиональный опыт, принимает участие в различных видах деятельности, исполняет возложенные на него должностные обязанности. Как следствие, отмечается приобретение новых знаний, совершенствование навыков и, кроме того, изменения свойств и качеств личности. Этот процесс направлен на трансформацию сотрудника, содействуя в прохождении пути от начинающего специалиста до компетентного профессионала, готового не только решать типовые задачи, но и внедрять инновационные подходы.

Личностное развитие обеспечивается существенными индивидуальными усилиями, при этом значительную роль играет поддерживающая социокультурная среда [2, с. 51]. На стадии адаптации новый сотрудник сталкивается с необходимостью сопоставлять свои нормы и ценности со сложившейся в коллективе социокультурной средой [3, с. 123].

Неизбежным элементом социального взаимодействия являются трудовые конфликты внутри организации, которые оказывают значительное влияние на эффективность работы коллектива, морально-психологический климат и сохранение кадрового потенциала. Корпоративная культура выступает системообразующим фактором в управлении конфликтами. Она определяет не только вероятность их возникновения, но и характер протекания, способы реагирования и механизмы разрешения. Высокий уровень корпоративной культуры способствует превращению конфликтов в инструмент развития. Приобщение нового работника к сложившейся корпоративной культуре благоприятно отражается на его способности преодолевать конфликтные ситуации.

Конфликт чаще всего трактуется как столкновение противоположных интересов, целей или позиций субъектов взаимодействия [3, с. 285].

Основными причинами конфликтов являются:

1. Просчёты руководства организации при планировании и структурировании заданий. Нередко отдача распоряжений неоправданно затягивается, что исключает их своевременное выполнение. Не всегда заранее прорабатываются вопросы совместной работы с участием работников других подразделений и сторонних организаций. Подчинённые чувствуют неуверенность при выполнении обязанностей из-за нечёткой постановки задач.

2. Равнодушное отношение администрации к проблемам и потребностям работников. Так, целеустремлённые и честолюбивые сотрудники, рассчитывающие на профессиональное развитие и служебное продвижение, готовы тратить время и силы на повышение квалификации и получение дополнительного образования. Однако, их намерения не находят понимания со стороны руководства, которое отказывает в финансовой и организационной поддержке.

3. Незнание работодателя норм трудового законодательства. Вследствие этого происходят нарушения при привлечении сотрудника к сверхурочной работе. Так, распоряжение руководителя о выходе сотрудника на работу в выходной день отдаётся в устной форме, хотя оно должно быть оформлено письменно при условии согласия самого сотрудника.

Не всегда сотрудникам дают возможность своевременно ознакомиться с локальными нормативными актами (положение о командировках, положение о корпоративной мобильной связи, положение об испытательном сроке, положение о наставничестве и ученичестве).

4. Неравномерное распределение обязанностей и ответственности среди участников коллектива. Как следствие, часть работников будут чувствовать себя переутомлёнными из-за высокой нагрузки. В то же время другие работники будут освобождены от выполнения важных задач и займутся решением второстепенных вопросов. Подобные ситуации не способствуют формированию единой команды, а, скорее, приводят к разобщённости.

5. Неэффективные коммуникации. Непонимание целей, отсутствие обратной связи и искажение информации являются частыми источниками напряжённости в трудовых коллективах.

6. Ролевые противоречия – несовпадение ожиданий руководства и подчинённых, что порождает у работников чувство несправедливости.

7. Низкий уровень эмоционального интеллекта участников взаимодействия.

8. Отсутствие навыков продуктивного диалога, что провоцирует эскалацию конфликтов [4, с. 281].

В рамках организационного поведения различают конструктивные и деструктивные конфликты. Конструктивный конфликт во многих случаях выступает катализатором личностного развития. В ходе решения возникших противоречий сотрудник приобретает навыки приспособления к сложным жизненным и служебным обстоятельствам. Если конфликт успешно преодолён, у сотрудника повышается уверенность в своих силах и возможностях, он чувствует себя готовым к достижению новых целей.

Сотрудник приобретает конфликтологическую компетентность, представляющая собой компонент социально-психологической компетентности, которая даёт возможность рационально оценивать причины разногласий, анализировать позиции противоборствующих сторон, снижать негативные последствия конфликта [5, с. 124]. Составляющими конфликтологической компетентности выступают:

- способность использовать конфликтологические знания на практике в случае необходимости;
- навыки соблюдения этических норм и правил в конфликтной ситуации;
- умение осуществлять прогноз, профилактику и разрешение конфликтов [6, с. 218].

Список цитируемой литературы:

1. Бутырина, М. В. Конфликтологическая компетентность как условие развития человеческого потенциала / М. В. Бутырина // Первая конференция научно-образовательного консорциума «Иваново», Иваново, 16–21 мая 2022 года. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2022. – С. 217–219.

2. Калашников, В. Г. Развитие личности в психологическом и духовном контекстах / В. Г. Калашников // Развитие личности. – 2017. – № 2. – С. 47–69.

3. Некрасова, Е. Н. Социокультурная среда современной организации / Е. Н. Некрасова, Е. Г. Сальвицкая // Новое поколение. – 2018. – № 17. – С. 120–126.

4. Пахомова, Ю. А. Роль эмоционального интеллекта в системе управления персоналом / Ю. А. Пахомова, Д. Д. Михайлова // Актуальные аспекты обеспечения конкурентоспособности организаций в условиях перехода к цифровой экономике: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 11 ноября 2019 года. – Курск: Курский государственный университет, 2019. – С. 280–282.

5. Степаненко, К. С. Анализ понятий «конфликт», «конфликтное поведение» в научной литературе / К. С. Степаненко // Лучшая студенческая статья 2019: сборник статей XXI Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 25 апреля 2019 года. – Пенза : Наука и Просвещение, 2019. – С. 283–287.

6. Царева, Е. С. Реализация социально-психологических технологий формирования конфликтологической компетентности личности / Е. С. Царева // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020. – № 5 (73). – С. 121–125.

Сарычева А.В., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Усачева О.Ю., доктор филол. наук, доц.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ОБЕЗЛИЧЕННОСТИ СГЕНЕРИРОВАННОГО ТЕКСТА ПУТЕМ ЭФФЕКТИВНОГО СОСТАВЛЕНИЯ ЗАПРОСОВ

Аннотация

Статья посвящена проблеме обезличенности ИИ-текстов и методам её преодоления через оптимизацию запросов. На примере анализа YaGPT, DeepSeek и GigaChat показано, как многоуровневые промпты помогают сохранить авторский стиль. Выявлены ключевые ограничения ИИ в научной сфере и обоснована модель эффективного сотрудничества человека и нейросетей.

Ключевые слова: искусственный интеллект; нейросеть; обезличенность текста; академическое письмо; промпт.

В последние годы искусственный интеллект (ИИ) стал неотъемлемой частью текстового производства, проникнув в самые разные сферы – от научных исследований до маркетинга и журналистики. Компании внедряют ИИ-ассистентов для автоматизации отчетов, email-рассылок и SEO-оптимизации контента, что значительно сокращает временные затраты. Однако на фоне очевидной пользы возникает и обратная сторона: массовое распространение обезличенных, шаблонных текстов, созданных без участия человеческой индивидуальности. Татьяна Владимировна Черниговская, директор Института когнитивных исследований СПбГУ, академик Российской академии образования говорит: «Человек, который доверяет только ИИ сложные когнитивные задачи, теряет собственные креативные способности» [1].

Особенно остро проблема проявляется в образовании, где студенты, полагаясь на стандартные запросы вроде «напиши доклад про Карла Маркса», получают безликие работы, лишенные оригинальности мысли, а то и вовсе с ложной фактологической базой. В медиапространстве ИИ-генераторы тиражируют однотипные новости с клишированными формулировками, а в маркетинге бренды сталкиваются с падением вовлеченности из-за контента, который «звучит как робот». Парадоксально, но технология, способная имитировать человеческую речь, часто лишает живого содержания именно то, что делает текст по-настоящему ценным – авторский стиль, эмоциональную окраску и уникальную перспективу.

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью переосмыслить подход к ИИ не как к подмене автора, а как к инструменту, требующему осознанного управления. Цель исследования – выявить стратегии составления запросов, которые позволяют преодолеть обезличенность сгенерированного текста и адаптировать его под индивидуальные особенности автора.

Новизна работы заключается в синтезе лингвистического анализа авторского стиля и практик эффективного промптинга (метода обучения нейронных сетей с помощью правильных вводных данных), что открывает путь к созданию гибридных текстов, сочетающих преимущества ИИ с человеческой уникальностью. Практическая значимость исследования охватывает сферы, где сохранение авторского голоса критически важно, – в нашем случае это академическое письмо.

Для изучения возможностей преодоления обезличенности сгенерированного текста в данном исследовании применяется сравнительный анализ трех популярных в России ИИ-чат-ботов на базе GPT: YaGPT, DeepSeek и GigaChat. Выбор этих моделей обусловлен их широким использованием в русскоязычном сегменте, а также различиями в обучении и функционале, что позволяет получить более репрезентативные данные.

Мой эксперимент строится на последовательном тестировании реакции моделей на идентичные запросы с постепенным усложнением промптов. Благодаря моей причастности к сфере экономики все запросы отправляются согласно этой теме.

В качестве отправной точки используем базовый, минимально детализированный запрос: «Напиши про модели управления рисками». Из ответов моделей мы видим однотипный, базовый текст без капли авторского начала, но ведь данный пункт и не был запрошен. Этот начальный этап позволяет зафиксировать степень обезличенности и шаблонности текстов, генерируемых разными ИИ без дополнительных стилистических указаний.

Расписывая промпт, задавая модели нужный «путь» следования мысли, мы получаем совершенно новый, уникализированный текст. Добавив в начальный запрос требования о стиле письма (научно-публицистический), эмоциональной окраске (интересный), целевой аудитории (студенты-экономисты 2 курса обучения), об использовании специфических приёмов («приведи реальные примеры в России за 2024 год», «пиши, словно ты профессор экономических наук», «используй диалогичность») и требования к размерам текста, мы получаем следующий запрос: «Напиши интересный текст про модели управления рисками, чтобы он был понятен студентам-экономистам 2 курса. Пиши так, словно ты профессор экономических наук, используй во-

просно-ответные комплексы, риторические приемы, выделяй авторское начало. Текст должен быть написан в научно-публицистическом стиле, на 100 слов».

Используя соответствующий запрос, на данном этапе мы увидели 3 совершенно разных по стилистике и эмоциональному заряду текста. Можно отметить «цепляющий» заголовок, вопросы читателю, даже некоторое «заигрывание» с ним, но есть ли это основа научно-публицистического стиля? Может ли так писать профессор? При этом, однако, текст стало интереснее читать, что-то в нем начало «цеплять» и «откликаться». А это еще раз подтверждает, что на основе «многослойности» запроса модели пишут совершенно новые и уникальные тексты и по-разному адаптируются к требованиям передачи авторского стиля.

Но что если студент решит написать научную статью по этой теме? Ранее составленный запрос уже не подойдет, и система «Антиплагиат» распознает следы сгенерированного текста. Что делать в этом случае?

Для начала попробуем протестировать нейросеть: как она сможет написать хотя бы абзац и будет ли он согласовываться с требованиями академического письма. Возьмем за основу следующий промпт: «Я – студент-экономист 2 курса, пишу статью на тему «Модели управления рисками». Напиши введение, в котором опиши суть зарождения темы, почему она важна и актуальна, опиши реальные примеры, которые есть в России на данный момент. Пиши четко, по делу, в научно-публицистическом стиле. Объем текста должен составлять 800 символов». Все три модели демонстрируют способность оперативно обрабатывать значительные массивы информации, вычленять ключевые аспекты заданной темы и представлять их в структурированном виде с использованием соответствующей профессиональной терминологии.

При этом анализ выявляет системные ограничения, характерные для современных генеративных моделей. Несмотря на внешнюю убедительность все три текста страдают отсутствием глубины анализа – приведенные примеры (внедрение стандартов Basel III в российских банках, использование VaR в нефтегазовом секторе) лишь констатируют факты, не раскрывая механизмов и последствий этих процессов. Явно прослеживается и другая фундаментальная проблема: нейросеть успешно компилирует известную информацию, но не способна предложить оригинальные идеи, неожиданные ракурсы рассмотрения проблемы или критические оценки. Особенно показательна заключительная фраза текста DeepSeek с риторическим вопросом «как превратить угрозы в возможности?»– система ставит проблему, но не предлагает ее решения, что типично для ИИ-генерации.

Системы ИИ уже сейчас могут взять на себя значительную часть рутинной работы – от первичного сбора информации до структуриро-

вания материала и подбора иллюстраций. Однако ключевые элементы научного творчества – постановка исследовательских вопросов, критический анализ, выдвижение гипотез – остаются прерогативой человека. Перспективным направлением видится разработка специализированных исследовательских интерфейсов, где нейросеть будет выполнять функции интеллектуального ассистента, а ученый сосредоточится на концептуальных аспектах работы. Такой симбиоз позволил бы сохранить главное достоинство научного познания – способность к нестандартному мышлению и интеллектуальному риску, – одновременно используя технологические возможности для обработки постоянно растущих массивов информации.

Проведенное исследование раскрывает парадоксальную природу взаимодействия между человеком и искусственным интеллектом в сфере создания научных текстов. Анализ работы трех ведущих ИИ-систем демонстрирует, что при всей их технологической продвинутости, нейросети принципиально не способны заменить человеческое мышление в научной деятельности. Они мастерски оперируют известными фактами, умело структурируют информацию и даже имитируют академический стиль, но при этом остаются в плену трех фундаментальных ограничений: поверхностности анализа, отсутствия оригинальных идей и неспособности к концептуальным прорывам.

Главная ценность этого открытия заключается в том, что оно позволяет по-новому осмыслить роль ИИ в научном процессе. Вместо того чтобы воспринимать нейросети как угрозу академической честности или, наоборот, как средство решения всех проблем, разумнее рассматривать их как принципиально новые интеллектуальные инструменты – сложные, мощные, но ограниченные в своих возможностях. Они прекрасно справляются с рутинными операциями: быстрым сбором данных, первичной систематизацией материала, проверкой формальной логики. Однако все, что составляет суть научного творчества – постановка неочевидных вопросов, критический анализ, синтез новых идей – остается исключительной прерогативой человеческого интеллекта.

Практический опыт исследования показывает, что наиболее плодотворной стратегией становится осознанный симбиоз, где каждый участник процесса выполняет свою естественную роль. Нейросеть берет на себя функцию интеллектуального ассистента, обрабатывая огромные массивы информации и предлагая возможные варианты структурирования материала. Человек при этом сосредоточивается на том, что делает науку подлинно творческой: формулирует оригинальные гипотезы, осуществляет концептуальный синтез, вносит ценностные суждения и – что особенно важно – берет на себя полную ответственность за конечный результат.

Такой подход не только сохраняет, но и усиливает уникальные преимущества человеческого мышления. Освобожденный от технической рутины, исследователь получает возможность глубже погружаться в предмет изучения, смелее ставить вопросы и тщательнее проверять свои выводы. ИИ в этой системе становится не конкурентом, а идеальным партнером – тем самым «усилителем интеллекта», о котором мечтали многие ученые.

В конечном счете, проведенное исследование приводит нас к важному методологическому выводу: будущее научной коммуникации лежит не в противопоставлении человеческого и искусственного интеллекта, а в их разумном и взвешенном сочетании. Нейросети – это новые мощные инструменты в многовековой традиции научного познания, но, как и любые инструменты, они требуют умелого и осознанного применения. Подлинная наука всегда была и останется человеческим предприятием – со всеми его достоинствами, слабостями и удивительной способностью превращать информацию в подлинное знание. А ИИ, если использовать его правильно, может стать тем самым катализатором, который позволит человеческому гению раскрыться в полной мере.

Список цитируемой литературы:

1. Черниговская, Т. В. «Человек, который доверяет только ИИ сложные когнитивные задачи, теряет собственные креативные способности»: [интервью] / Т. В. Черниговская // Санкт-Петербургский государственный университет : официальный сайт. – 2025. – 1 марта. – URL: https://spbu.ru/news-events/krupnym-planom/tatyana-chernigovskaya-chelovek-kotoryy-doveryaet-tolko-ii-slozhnye (дата обращения: 20.04.2025).

Фролова А.А., Тихтурова А.А., студенты
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград
Научный руководитель - Зудова Е.В., преподаватель кафедры
социологии, общей и юридической психологии

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ФОРМИРОВАНИИ ВОСПРИЯТИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация

В статье рассматривается роль социальных стереотипов в формировании восприятия личности в современном обществе. Анализируются основные теоретические подходы к понятию стереотипов, механизмы их формирования и влияние на оценку личности в общественной среде. Особое внимание уделяется влиянию медиасреды, культурных норм и социальных групп на формирование стереотипных представлений. Делается вывод о двойственной природе существования шаблонов в обществе: с одной стороны, они упрощают процесс познания социума, с другой – могут приводить к предубеждениям, дискриминации и искажению восприятия личности.

Ключевые слова: социальные стереотипы; социальное восприятие; социальные установки; социальная идентичность; личность; общество; социальная психология.

Современный мир характеризуется высокой динамичностью социальных процессов, что приводит к постоянному изменению общественных норм, ценностей и представлений о личности. Одним из способов восприятия индивидом окружающей действительности выступают социальные стереотипы.

Впервые понятие «социальный стереотип» встречается в 1922 году в книге «Общественное мнение» американского социолога Уолтера Липпмана, который дал следующее определение: упрощённое, уже существующее в общественном сознании представление, не проистекающее из собственного опыта конкретного человека. По его мнению, стереотипы – это упорядоченные, схематичные, обусловленные культурой «образы» мира в человеческом сознании, которые упрощают процесс познания сложных социальных явлений, защищают ценности, права и позиции человека, формируют традиции и привычки [1].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью понимания роли социальных стереотипов в формировании личности в современном обществе, где развитие цифровой среды ускоряет их транслирование и зачастую искажает суть.

Таким образом, социальный стереотип – это особое общественно значимое образование сознания и поведения людей, в котором без критического анализа продуцируется шаблонный образ их отношения к той или иной жизненной ситуации. Социальные установки являются устойчивыми оценочными представлениями людей друг о друге, формирующимися в межличностных отношениях [2].

Современная социальная психология изучает ряд особенностей стереотипов, таких как: эмоциональное окрашивание, непрерывная связь с общепринятыми ценностями и игнорирование индивидуальных черт человека.

Актуальные исследования определяют несколько основных видов стереотипов: этнические, гендерные, возрастные, культурные, профессиональные, классовые.

В реальной жизни клише выглядят как укоренившиеся мнения о различных группах людей. Ярким примером могут быть гендерные стереотипы, например, люди довольно часто считают, что женщины не могут занимать руководящие должности, а мужчины не умеют заботиться о детях или работать в сфере индустрии красоты.

Несмотря на постепенное изменение общественных взглядов, в массовом сознании по-прежнему сохраняются устойчивые установки относительно того, кто должен занимать руководящие должности. Так, согласно данным ВЦИОМ, треть россиян (33%) предпочли бы видеть своим начальником мужчину, тогда как женщину в этой роли готовы принять лишь 3% опрошенных. При этом большинство респондентов (61%) отмечают, что пол руководителя для них не имеет принципиального значения.

В то же время значительная часть участников исследования (51%) считает, что существуют сферы деятельности, в которых женщины способны проявлять себя в качестве руководителей более эффективно, чем мужчины. К таким областям чаще всего относят образование (16% среди этой группы), здравоохранение (9%) и сферу красоты (4%) [3]. Полученные данные свидетельствуют о том, что в общественном сознании продолжают существовать гендерные стереотипы, связывающие определённые профессиональные роли и управленческие функции с представителями конкретного пола.

Также, например, возрастные установки проявляются в популярных представлениях о том, что молодёжь является безответственной и недостаточно опытной, а люди старшего возраста хуже адаптируются к современным технологиям. Профессиональные стереотипы также широко распространены в обществе: например, юристов нередко воспринимают как излишне прагматичных или циничных, а программистов – как замкнутых и малообщительных людей. Безусловно, подоб-

ные установки рождаются из практического опыта и имеют подкрепление фактами. Они формируют предварительное отношение к человеку ещё до реального взаимодействия с ним и могут существенно влиять на процесс социального восприятия личности как положительно, так и негативно.

С точки зрения социологии и психологии, шаблонные установки рассматриваются как один из механизмов социального познания, позволяющего человеку быстро формировать впечатление о незнакомом человеке. Однако такие оценки часто основываются не на индивидуальных качествах личности, а на принадлежности человека к определённой социальной группе [4].

Формирование стереотипов происходит под воздействием различных социальных и психологических факторов (рисунок 1).

Одним из ключевых механизмов закрепления шаблонов в обществе является социализация, в процессе которой человек усваивает популярные нормы, ценности и представления. Также значительную роль в формировании стереотипов играют средства массовой информации и интернет-пространство. Современные исследования показывают, что медиасреда способны активно воспроизводить и закреплять социальные стереотипы, формируя устойчивые представления о различных группах населения [5].

Существует такой стереотип, что молодые специалисты являются недостаточно опытными и менее востребованы на рынке труда, но результаты опросов показывают обратное. Согласно данным Федеральной службы по труду и занятости в современном обществе большинство работодателей (94%) готовы трудоустраивать молодых специалистов с недостаточным опытом работы, предоставляя им возможность для обучения и профессионального развития. Об этом свидетельствуют данные опроса, который проводился на портале «Работа России» в 2024 году. В опросе приняли участие более 2 тысяч компаний, организаций и предприятий из всех регионов страны [6].

Рис. 1. Основные факторы формирования социальных стереотипов.

Источник: составлено авторами по данным настоящего исследования.

В условиях цифровизации и развития новых технологий социальные сети и цифровые медиа значительно ускоряют распространение информации. Посредством этих платформ происходит не только передача данных, но и формирование общественного мнения, благодаря возможности активного участия людей в создании и обсуждения транслируемого контента.

Как показывает практика, алгоритмы социальных сетей чаще всего продвигают именно те публикации, которые вызывают эмоциональный отклик от читателей, именно поэтому яркие образы людей распространяются быстрее и становятся популярными. В результате чего видно, что медиасреда способна не только отражать социальные стереотипы, но и усиливать их.

Ещё одним важным фактором закрепления социальных стереотипов посредством средств массовой информации выступает визуальный контент. Фотографии, видеоролики и короткие видеоклипы формируют у аудитории быстрые, яркие и эмоционально окрашенные представления о людях и социальных группах. Такие форматы передачи информации легко воспринимаются, быстрее распространяются, вследствие чего укореняются в общественном сознании как стереотипные образы.

Исследователь Питерова А.Ю. в своём научном труде отмечает, что, часто выступая эталоном восприятия, стереотип не является адекватным представлением, поскольку степень субъективизма в нём очень велика [1]. Рассмотрим наиболее частые положительные и отрицательные последствия использования социальных стереотипов (таблица 1).

Таблица 1.

Наиболее частые положительные и отрицательные последствия использования социальных стереотипов

Отрицательные последствия	Положительные последствия
1.Формирование социальной дискриминации	1.Упрощение социального взаимодействия
Установление социального неравенства	2.Поддержание групповой идентичности
Возникновение предрассудков	3.Популяризация культурных традиций
Ограничение индивидуальности	4.Оказание помощи индивидам в подобных случаях

Источник: составлено авторами по данным настоящего исследования.

Анализируя данные таблицы, можно сделать вывод, что стереотипы, как и любые другие явления в обществе, имеют как положительные, так и отрицательные стороны, поэтому важно руководствоваться критическим мышлением и не принимать предрассудки как единственно верное и безаппеляционное убеждение.

Таким образом, в современном обществе социальные стереотипы играют значительную роль в формировании восприятия личности в обществе. Важно помнить, что шаблоны несут в себе положительный момент только в том случае, когда они выступают способом решения проблем для человека, а не подавляют его индивидуальность.

Список цитируемой литературы:

1. Питерова, А. Ю. Социальные стереотипы: особенности формирования и изучения / А. Ю. Питерова // Наука. Общество. Государство : электронный научный журнал. – 2016. – Т. 4, № 1 (13). – С. 1–8. – URL: pnzgu.ru (дата обращения: 02.06.2026).

2. Бянкина, Е. А. Влияние социальных стереотипов на межличностные отношения / Е. А. Бянкина, Е. Ю. Савицкая // Юный ученый. – 2020. – № 6 (36). – С. 135–138. – URL: yunyucheny.ru (дата обращения: 02.06.2026).

3. Наши стереотипы о женском лидерстве // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) : официальный сайт. – 2024. – 4 марта. – URL: wciom.ru (дата обращения: 10.03.2026).

4. Салмина, Н. Г. Этнические стереотипы в восприятии рекламы молодыми людьми / Н. Г. Салмина // Социальные коммуникации. – 2023. – С. 232–234.

5. Тарасова, Е. Р. Социальные стереотипы и их влияние на общественное мнение / Е. Р. Тарасова // Молодой учёный. – 2025. – № 51 (602). – С. 121–124. – URL: moluch.ru (дата обращения: 02.06.2026).

6. Роструд : официальный сайт / Федеральная служба по труду и занятости. – Москва, 2026. – URL: https://rostrud.gov.ru/press_center/novosti/1257058/ (дата обращения: 10.03.2026)

Чугай П.А., студент
ФГБО ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Чудинова Е. В., канд. пед. наук, доц.

ЦЕЛИ И ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИЧНОСТИ: ОТ СТАБИЛЬНОСТИ К ГИБКОСТИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация

В статье анализируется трансформация ценностных ориентаций и жизненных целей личности под влиянием цифровизации и социальной нестабильности. На основе данных ВЦИОМ и ФНИСЦ РАН рассматривается переход от приоритета стабильности к востребованности гибкости и адаптивности. Приводятся данные анкетирования, проведенного в Липецком филиале РАНХиГС. Выявляется диалектика сохранения ценностного ядра и развития ситуативной пластичности поведения.

Ключевые слова: ценности, современная личность, новая реальность, стабильность, гибкость, адаптивность, цифровизация, психологическая устойчивость.

Современный этап общественного развития характеризуется глубокими изменениями, формирующими «новую реальность». Цифровая трансформация и геополитическая турбулентность меняют базовые жизненные ориентиры: установка на стабильность уступает место осознанной необходимости в развитии гибкости и способности к непрерывной адаптации. Исследование данной динамики необходимо для прогнозирования социальных процессов и разработки эффективных образовательных стратегий. Все это указывает на актуальность выбранной темы.

Целью данной статьи является анализ трансформации ценностных отношений и жизненных целей личности под влиянием цифровизации и социальной нестабильности.

Методы исследования: анализ литературы, анализ эмпирических данных, анкетирование.

Трансформация ценностного пространства обусловлена двумя ключевыми факторами. Во-первых, цифровизация создает гибридную среду социализации, где информация и интеллектуальный капитал становятся базовыми ценностями [4].

Во-вторых, социокультурная нестабильность, описываемая исследователями как «балансирование между хаосом и порядком», тре-

бует от индивида постоянной реорганизации жизни и пересмотра долгосрочных стратегий [1].

Анализ эмпирических данных (ВЦИОМ, июль 2025 г.) показывает, что абсолютным лидером среди ценностей остается крепкая семья (72%). Далее следуют справедливость (55%), патриотизм (55%) и взаимопомощь (54%). При этом наблюдается межпоколенческая дифференциация: молодое поколение, сформировавшееся в цифровой среде, чаще акцентирует ценности самореализации, достоинства и прав человека, в то время как старшие поколения более привержены исторической памяти и единству.

Что касается жизненных целей, то исследование 2025 года среди молодежи выявило приоритет профессиональной самореализации (23,2%), материального благополучия (11%) и качественного образования (7,6%) [8].

Проведенное нами анкетирование студентов 1 курса Липецкого филиала РАНХиГС подтверждает эти данные. 85 % опрошенных считают главной ценностью семью. Семья для них – это источник любви, тепла, взаимопонимания и поддержки, место, где тебя ждут и любят. Важной ценностью являются самореализация и достоинство (36% опрошенных), а также материальное благополучие (14% опрошенных студентов).

В психологической науке устойчивость личности в транзитивном обществе трактуется не как ригидность, а как сложное сочетание стабильного ценностного ядра и ситуативной гибкости [1].Модель «человека современного типа», разработанная А. Инкелесом, не теряет своей значимости и сегодня, подразумевая готовность к инновациям, спокойное отношение к ситуациям неопределенности и социальную вовлеченность.

В качестве приоритетных характеристик выступают внутренняя подвижность и ментальная пластичность, дающие возможность видоизменять способы восприятия реальности без риска утраты самости. На первый план выходит резильентность — умение личности восстанавливать равновесие после кризисных нагрузок, не выпуская из фокуса стратегические цели и жизненные ориентиры.

Современная цифровая экосистема, с одной стороны, делает границы «Я» более уязвимыми ввиду параллельного существования человека в физическом и виртуальном мирах [5].

С другой — присущая социальным медиа скрытая диалогичность запускает механизмы рождения обновленных ценностных конструктов. В результате мы наблюдаем не вытеснение классических устоев их цифровыми суррогатами, а образование смешанной структуры, объединяющей разноплановые культурные матрицы.

Таким образом, проведенный нами анализ литературы и анкетирование показывают следующее. Вектор трансформации аксиологического поля личности смещается от закостенелой стабильности в сторону адаптивной архитектуры, где незыблемое ценностное основание (институт семьи, принципы человеколюбия) совмещается с высокой степенью приспособляемости.

Ключевым ресурсом в турбулентной среде становится способность к когнитивному маневрированию и психической устойчивости, обеспечивающих продуктивную деятельность и поддержание внутренней цельности человека.

Список цитируемой литературы:

1. Гусельцева, М. С. Психологическая устойчивость личности в свете психологии ценностей: диалектика постоянства и изменчивости / М. С. Гусельцева // Вестник СПбГУ. Психология. – 2023. – Т. 13, № 3. – С. 290–309.

2. Леденева, В. Ю. Трансформация ценностных ориентаций студенческой молодежи в контексте цифровой реальности / В. Ю. Леденева // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2022. – Т. 6, вып. 3. – С. 295–304.

3. «Мечтать не вредно»: чего на самом деле хотят современные подростки // ФедералПресс: информационное агентство: [сайт]. – 2025. – 19 декабря. – URL: https://fedpress.ru (дата обращения: 02.06.2026).

4. Марцинковская, Т. Д. Целостность и хрупкость личности в современном цифровом мире / Т. Д. Марцинковская // Вопросы философии. – 2025. – № 11. – С. 124–131.

5. Павлова, Е. В. Конфликтное измерение цифровой трансформации ценностей / Е. В. Павлова // Конфликтология. – 2025. – Т. 20, № 2. – С. 47–62.

6. Розенберг, Н. В. Образ жизни современной молодежи: приоритеты, ценности и практики / Н. В. Розенберг, Ю. Л. Афанасьева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2025. – № 3. – С. 134–147.

7. Резильентность как суперсила: результаты исследования Anecole // РБК Компании [сайт]. – 2025. – 1 сентября. – URL: https://rbc.ru (дата обращения: 02.06.2026).

8. Ядова, М. А. Концепция «современной личности» и ее трактовки / М. А. Ядова // Социологические исследования. – 2020. – № 4. – С. 104–114.

Научное издание

МИР И РОССИЯ
в условиях новой реальности

Материалы XXIII Всероссийской очной
студенческой научно-практической конференции

Том 2

Секция 2
Формирование личности в условиях новой реальности: цели, ценности, методы

(23 апреля 2026, г. Липецк)

Липецкий филиал РАНХиГС
г. Липецк, ул. Интернациональная, 3

АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 8,25. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии ИП Алейников Олег Юрьевич
108811, г. Москва, Московский г., Радужная ул., д. 21